

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

20 2024
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (519) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Арсений Александрович Кубряков* (1985), доктор физико-математических наук, заместитель директора по научной работе Федерального исследовательского центра «Морской гидрофизический институт РАН», лауреат премии Президента РФ в области науки и инноваций для молодых учёных за 2021 год.

Арсений Кубряков родился 13 апреля 1985 года в Севастополе.

Область научных интересов Арсения Кубрякова — океанология. Его работа посвящена исследованию причин изменчивости характеристик морских экосистем и изучению механизмов влияния физических факторов на биологические характеристики морской среды.

Арсений Александрович развил новые дистанционные методы исследования динамики океана, в том числе адаптированные для измерений с использованием беспилотных летательных аппаратов; на основе разработанных методов исследовал механизмы формирования и изменчивости динамических процессов в океане на масштабах от сотен метров до сотен километров (на примере Черного, Норвежского, Карского и морей Восточной Арктики), изучал их влияние на распределение водной толщи океана по температуре и солёности.

Кубрякова интересует также влияние атмосферных и гидрофизических процессов (штормового воздействия, зимнего выхолаживания, межшельфового обмена вод, дрейфовых течений, условий освещённости, динамики опреснения морских вод) на развитие цветений фитопланктона, структуру и динамику фитопланктонных сообществ и биологические характеристики океана, определяемые оптическими методами.

Исследования Арсения Кубрякова позволяют существенно расширить фундаментальные представления о механизмах формирования течений, синоптических и мелкомасштабных вихрей, взаимодействия динамических процессов разных масштабов, их влияния на структуру вод и тепло-массообмен в океане; они внесли значимый вклад в развитие физической океанологии. Также результаты его работ позволяют прогнозировать последствия нефтяных разливов, определять источники загрязнений и суда-виновники аварий. Полученные результаты существенно повлияли на развитие морской биологии в России и оказались востребованы в судоходстве, рыболовстве, добыче и транспортировке нефти.

Кубряков и его коллеги из Морского гидрофизического института РАН, основываясь на спутниковых оптических данных высокого разрешения Landsat-8, исследуют процесс обрушения волн, который в своей активной фазе образует белые барашки, видимые из космоса.

Обрушение поверхностных волн — физическое явление, которое играет важную роль в процессах, связанных с диссипацией энергии морского волнения, газообменом между океаном и атмосферой. Кроме этого, обрушение волн вносит существенный вклад в сигналы, полученные при радиолокационном или оптическом зондировании океана из космоса. Их учет необ-

ходим для корректной интерпретации различных спутниковых измерений.

«Волны представляют угрозу для судоходства, нефтяных платформ, прибрежных структур. Чтобы понимать, какие риски существуют при строительстве берегоукрепительных сооружений и волнозащитных платформ, нужно знать, какие волны в этом районе действуют. Для этого используют методы моделирования, которые основаны на знании баланса энергии волны. Основной приток энергии идет от ветра; дальше, в зависимости от интенсивности ветра, времени его действия и разгона волны, растёт энергия волн. Существуют факторы, которые влияют на энергию ослабления волны. Одним из важных таких факторов является обрушение волн. Когда крутизна волны достигает определенного критического значения, волна обрушивается, происходит диссипация волновой энергии, и волны затухают. Чтобы правильно моделировать волны, нужно знать, как идет накачка энергии и ее диссипация», — пояснил Арсений Александрович в интервью корреспонденту «Научной России» Олеге Фарберовичу.

Еще одна важная разработка Кубрякова и его коллег — новый спектральный метод автоматического выделения массовых цветений потенциально токсичных цианобактерий в Черном море. Данный метод позволил получить ежедневные карты областей, покрытых этими опасными водорослями, изучить их основные источники и ареалы распространения, выявить основные физические факторы, которые влияют на их развитие и угасание.

Из-за ряда факторов эти массовые цветения приводят к опасным последствиям для всей экосистемы. Подавляющее большинство данных водорослей токсично. При отмирании этих организмов в воду поступают анатоксины, которые губительно действуют на биоту, приводя к исчезновению некоторых видов водорослей, замору рыб и пр. Некоторые из них синтезируют циклические вещества, которые разрушают клетки печени.

Было выявлено, что в Черном море существует два основных источника цианобактерий — устье Дуная и Днепро-Бугский лиман. Цианобактерии могут распространяться от этих источников на сотни километров, достигая даже акваторий Крыма.

«В нашей работе мы показали, что разработанный метод спутниковой идентификации цианобактерий потенциально пригоден для любой акватории Мирового океана... Такая работа позволит выявить глобальные закономерности в развитии этих водорослей и определить новые места их обитания», — пояснил Арсений Кубряков в одном из интервью.

В 2021 году Арсению Александровичу Кубрякову присуждена премия Президента РФ в области науки и инноваций для молодых учёных за достижения в исследовании динамики океанических процессов и их воздействия на биологические характеристики морских экосистем.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Азеев И. Р. Роль специальных правовых доктрин в сфере ответственности транснациональных корпораций	245	Водянов А. Н., Слепцов В. А. Особенности правового регулирования гендерного равенства в России	262
Алатырев М. С. Организатор преступного сообщества как субъект преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ	247	Вознесенская А. Е. Тактика производства осмотра места происшествия на предварительном расследовании	264
Алатырев М. С. Следственные ситуации при расследовании уголовных дел, предусмотренных статьей 210 УК РФ	248	Вознесенская А. Е. Применение цифровизации в криминалистике: современное состояние и перспективы развития.....	266
Башарова К. С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, как элемент криминалистической характеристики преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних....	250	Газимагомедов А. Ш. Предупреждение несостоятельности (банкротства) кредитных организаций.....	268
Безбородова К. А. Односторонний отказ зарубежных правообладателей от исполнения потребительских договоров на территории РФ как обстоятельство непреодолимой силы...	253	Гареева А. О. К вопросу о месте дистрибьюторского договора в системе гражданско-правовых договоров	270
Бережной Д. А. Организационно-правовые основы участия специалиста в предварительном расследовании	255	Гильмутдинова А. А. Особенности участия органов публичной власти в арбитражном процессе.....	272
Блохова Е. В. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков	256	Глотов С. Е. Основные проблемы при расселении аварийного и ветхого фонда.....	275
Бутдаев С. Р., Найданов М. В. Разработка и внедрение цифровых технологий в области налогового контроля ...	259	Гордеев Н. А. Актуальные проблемы и тенденции развития дактилоскопической экспертизы	277
Вершинина А. В., Обидина Я. С. Роль и значение судебной экспертизы в гражданском процессе	261	Гореткин С. А. Понятие, виды и сущность вербовки для осуществления террористической деятельности	279
		Груздева Е. Е. Некоторые вопросы определения субъекта преступления, предусмотренного статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации	281

Гурбанов Э. А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ 283	Дегтерев А. О. Дистрибьюторский договор в российском законодательстве и практике: юридическая природа и проблемы применения..... 306
Девяшин К. А. Проблемы криминалистических исследований теневой экономики 285	Жигалина Е. С. Центральный банк и банковская система России..... 313
Дегтерев А. О. К вопросу о правовом положении профсоюзов в Российской Федерации и в государствах Западной Европы и США..... 287	Зайчиков К. С. Уголовно-правовой механизм освобождения от наказания 314
Дегтерев А. О. Право работника на самозащиту по законодательству РФ: возможности применения и правовые последствия 289	Зубрицкий В. В. Развитие нейронных сетей и их влияние на цифровые доказательства 316
Дегтерев А. О. Правовое регулирование инвестиций в криптовалюту: проблемы и перспективы реализации в Российской Федерации 292	Зябликов С. В. Динамика мошеннических действий и новые способы мошенничества в условиях новой коронавирусной инфекции 317
Дегтерев А. О. Способы реализации принципа автономии воли в международных частных отношениях.. 299	Иванова П. Д. Обеспечительное удержание права собственности: судьба предмета обеспечения в процедуре банкротства кредитора 319
	Игнатенко М. Л. Вандализм: проблемы квалификации и способы их разрешения 322

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Роль специальных правовых доктрин в сфере ответственности транснациональных корпораций

Азеев Ильяс Ринатович, студент магистратуры

Научный руководитель: Красиков Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье приводятся примеры отдельных специальных правовых доктрин в сфере ответственности транснациональных корпораций. Акцент делается на некоторых проблемах в определении ответственности транснациональных корпораций. Особое внимание уделено доктринам «снятия корпоративной вуали» и «единого предприятия».

Ключевые слова: «корпоративная вуаль», «единое предприятие», корпоративная ответственность, транснациональные корпораций, ТНК.

Транснациональные корпорации (далее — ТНК) оказывают всё большее влияние на разные сферы общественной жизни, и с усилением их влияния повышается их ответственность перед обществом и окружающей средой. Кроме того, проблемы ответственности транснациональных корпораций в настоящее время становятся все более актуальными в связи с взаимопроникновением различных правовых режимов — международных и внутригосударственных, а также благодаря повышению корпоративной «мобильности» в условиях цифровых трансформационных процессов.

В первую очередь следует обратиться к тому, как в современной российской правовой науке трактуется термин «ответственность корпораций».

Д. Р. Мурдалов понимает корпоративную ответственность, как: «претерпевание неблагоприятных экономических последствий за нарушение корпоративных прав и интересов участников корпоративных отношений, а также за неисполнение обязанностей, установленных законом и внутренними документами корпораций» [1, с. 4], то есть акцентирует своё внимание на том, что корпорациям необходимо нести определённую ответственность не только перед обществом, но и перед собственными бенефициарами.

Существует проблема определения юрисдикции ответственности транснациональных корпораций, которая заключается в том, что существуют сложности с регулированием ответственности головной корпорации за нарушения, допущенные её дочерними компаниями [2, с. 218].

Эти осложнения возникают при привлечении к ответственности головных компаний, если их дочерние компании находятся в другой юрисдикции, а в разных юрисдикциях могут действовать различные правовые нормы и деловые обычаи, что препятствует привлечению к ответственности головной компании [2, с. 218].

К проблемам ответственности относится также отсутствие достаточной унификации в системе норм международного права по регулированию ответственности транснациональных корпораций [2, с. 219].

Существуют и проблемы защиты трудовых прав: исходя из отчетов Международной организации труда, начиная с 1976 года порядка 168 миллионов несовершеннолетних пострадали от принудительного труда, причиной которого были и неправомерные действия ТНК. [3, с. 2].

В науке выделяются несколько международно-правовых доктрин, связанных с регулированием ответственности международных корпораций. Среди них — доктрина «снятия корпоративной вуали» и доктрина «единого предприятия» [2, с. 220].

Доктрина «снятия корпоративной вуали» имеет относительно недолгую историю своего происхождения, потребность в её регулировании возникла в 1897 году в Британской Империи. В деле *Salomon v A. Salomon & Co Ltd* владелец акций продал их по высокой цене, но после банкротства компаний им заинтересовались её кредиторы из-за больших долгов предприятия [4, с. 259; 5, с. 178]. Далее данное дело дошло до Палаты лордов, которая установила принцип автономности и независимости юридического лица, однако в дальнейшем эта позиция

была изменена в связи с участвовавшими случаями злоупотребления соответствующими правами [5, с. 178].

В этот период в западной научной среде шло активное обсуждение путей противодействия таким злоупотреблениям. М. Уормсер впервые выдвинул предложение о «снятии корпоративной вуали», предполагающей, что кредиторы, пострадавшие в обстоятельствах банкротства товарищества, могут рассчитывать на возврат долгов по его обязательствам «за его пределами» [6, с. 6].

Ключевым моментом здесь является то, что материнская компания корпорации может намеренно вводить в заблуждение своих кредиторов, используя пробелы в законодательстве и «лазейки» для обхода законов; она может делать это при помощи дочерней компании, которая находится под ее контролем и служит удобным инструментом для совершения подобных незаконных действий. [7, с. 512].

Правовая доктрина «снятия корпоративной вуали» представляет собой удаление определённого «слоя» юридической защиты, разделяющий активы дочерних компаний транснациональной корпорации и собственные активы ее головной части или ТНК в целом [8, с. 97]. Применение данной доктрины позволяет достичь полезный для общества результат путем удовлетворения интересов кредиторов [9, с. 226].

Значительный интерес в рассматриваемом контексте также представляет доктрина «единого предприятия», в соответствии с которой, «если корпоративное управление между группой

юридических и физических лиц, позволяет отождествлять их как единое целое, то возможно их признание как единого должника» [12, с. 68].

В Руководстве для законодательных органов ЮНСИТРАЛ, посвященном вопросам несостоятельности, отмечается, что доктрина единого предприятия определяется, как исходящее «из понятия экономической интеграции членов предпринимательской группы, когда группа рассматривается как одна хозяйственная единица, которая функционирует в интересах всей группы или ее головной компании, а не отдельных членов» [10, с. 18].

Суть доктрины «единого предприятия» является в том, что при имущественной общности и при тесной взаимосвязанной организационной деятельности нескольких транснациональных корпораций, которые перерастают в большие холдинговые группы, при несении ответственности, они должны выступать единым субъектом предпринимательской деятельности [11, с. 177].

Проблема ответственности транснациональных корпораций становится все более актуальной и требует разработки эффективных правовых механизмов ее регулирования на международном уровне. В международном частном праве выработаны определенные доктрины, направленные на преодоление проблем, связанных с ответственностью международных корпораций, такие, как доктрина «снятия корпоративной вуали» или доктрина «единого предприятия».

Литература:

1. Мурдалов Д. Р. Понятие гражданской ответственности членов совета директоров // Право и политика. — 2020. — № 8. — С. 1–7.
2. Фонотова О. В. Международное корпоративное право: учебник и практикум для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 278 с.
3. Progress Report on National Contact Points for Responsible Business Conduct (OECD (2019)) // Official website of the OECD. URL: [https://www.oecd.org/mcm/documents/NCPs%20-%20CMIN\(2019\)7%20-%20EN.pdf](https://www.oecd.org/mcm/documents/NCPs%20-%20CMIN(2019)7%20-%20EN.pdf) (дата обращения: 05.05.2024).
4. Елизарова Ю. М. Доктрина «Снятия корпоративной вуали»: зарубежный опыт // Достижения вузовской науки. — 2014. — № 8. — С. 258–262.
5. Ибрагимова Ю. Э. Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 172–185.
6. Давудов Д. А., Радийчук К. Ю. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в США и России: природа и проблемы правоприменения // StudNet. — 2020. — № 10. — С. 118–125.
7. Maurice W. Piercing the Veil of Corporate Entity // Columbia Law Review. — 1912. — № 6. — P. 496–518.
8. Kraakman R. H. et al. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. New York: Oxford University Press, 2009. — 285 p.
9. Кондратьева К. С., Стерлигов И. А. Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в Российской Федерации: сравнительно-правовой подход // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2021. — № 462. — С. 224–231.
10. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности. Часть третья: режим корпоративных групп при несостоятельности // Официальный сайт ООН. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/leg-guide-insol-part3-ebook-r.pdf?clckid=f2583ee6> (дата обращения: 03.05.2024).
11. Кривцун Е. П. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: история появления, становление, развития, и ее имплементация в правовой системе России // Вопросы экономики и права. — 2018. — № 4. — С. 175–179.
12. Долгорукий А. И. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника в российском праве как снятие корпоративной вуали в зарубежном праве // Юридическая наука. — 2021. — № 4. — С. 66–70.

Организатор преступного сообщества как субъект преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ

Алатырев Максим Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Михайлова Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье даётся определение субъекта преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, выявлены и проанализированы его личностные качества, раскрыты основные функции организатора преступного сообщества, рассмотрен вопрос о необходимости ужесточения уголовной ответственности за организацию преступного сообщества.

Ключевые слова: организатор, преступное сообщество, субъект преступления, личностные качества, авторитет.

В настоящее время организованная преступность продолжает набирать силу. В связи с этим необходимость и обоснованность решения законодателя о введении уголовной ответственности за организацию преступного сообщества не вызывают сомнений у общества. Являясь некой системой, организованное преступное сообщество, как и большинство систем, не может обходиться без управления, координации деятельности, контроля. И чаще всего, таким «центром управления», «криминальным умом» преступного сообщества является его организатор, так как при подготовке к созданию своей организации именно он представлял себе задачи, цель и структуру будущего преступного сообщества. Кроме того, нельзя отрицать наличие у индивида, решившегося на создание преступного сообщества задатков лидера, ибо, по нашему мнению, лишь наделённый лидерскими качествами может помышлять о создании системы, какой-бы она при этом ни была. Ни для кого не секрет, что для эффективного функционирования любой системы необходима слаженность. От того, насколько чёткими, выверенными и скоординированными будут «движения» каждого из элементов системы, зависит её эффективность. И «координатор» играет в каждой системе центральную роль. Можно сказать, что там, где нет слаженности, нет и системы. Также дела обстоят и с организованными преступными сообществами. Если принять за аксиому, что исключение «координатора» из системы ведёт к её распаду, то можно предположить, что поимка организатора преступного сообщества также может разрушить сложившийся криминальный механизм, что существенно затруднит дальнейшее совершение преступлений. Из всего этого следует, что нейтрализация преступных лидеров — первый шаг к уничтожению организованных преступных сообществ. Однако, для того чтобы раскрыть, изобличить и привлечь к уголовной ответственности организатора преступного сообщества, необходимо обладать исчерпывающей доказательной базой, а также быть готовым к активному противодействию со стороны «криминала». Естественно, что для полноты и эффективности расследования, сотрудникам правоохранительных органов необходимо обладать обширными знаниями о субъекте преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ — организаторе преступного сообщества. Необходимо сформировать чёткое понимание того, какими качествами обладает лицо, создающее преступное сообщество, что помогает ему создать единый криминальный механизм, который слаженно и эффективно осуществляет свою деятельность, направленную на совершение преступлений. Следует

также проанализировать основные функции преступного лидера в преступном сообществе.

Организатор преступного сообщества должен обладать определённым набором личностных качеств, без наличия которых он бы не решился на создание преступного сообщества, а, решившись, не смог бы им управлять. Наиболее важными из таких качеств можно заслуженно считать: цинизм, жажду власти, стремление к обогащению, пренебрежение общественными устоями. Например, человек, не пренебрегающий общественным устройством, скорее всего не станет организовывать преступное сообщество, а вовсе будет жить, как добропорядочный гражданин, если же человек не «жаден до власти», он может и стал бы совершать преступления, но не захотел бы создавать обширную криминальную организацию.

Немаловажную роль для создания любой системы в человеческом обществе и последующего управления ей играет авторитет, то есть влияние, которое индивид оказывает на окружающих. Так, А. Мондохонов отмечает, что «возможность координации преступных действий, создания устойчивых связей между разными самостоятельно действующими организованными группами, разработки планов и создания условий для совершения преступлений такими группами автоматически предполагает наличие у субъекта определённого влияния на участников организованных групп» [1]. Конечно же, если человек не обладает авторитетом в криминальной среде, он не только не сможет создать преступное сообщество, но и не сможет им руководить.

Кроме того, для воплощения своего преступного умысла, направленного на организацию преступного сообщества и дальнейшее руководство его деятельностью индивид должен обладать профессиональными навыками и умениями, приоритетными из которых являются навыки управления. Организатор должен не только объединить преступные группы в преступное сообщество, но и организовать его деятельность, для извлечения выгоды. Для того, чтобы быть лидером, необходимо не только раздавать приказы, но и быть вовлечённым в деятельность организации, разрабатывая преступные планы, распределяя роли, контролируя их исполнение. Как видим, организатор (лидер) преступного сообщества выполняет в нём различные функции, которые также следует проанализировать в рамках данного исследования.

Так, по мнению С. В. Кондратюка, можно выделить исполнение преступным лидером: организационно-распоряди-

тельной, нормативной, карательной и судебной функций [2]. Поподробнее остановимся на каждой из них. Организационно-распорядительная функция лидера преступного сообщества заключается в разработке преступных планов, распределении ролей между членами преступного сообщества, координации деятельности преступных группировок. Нормативная функция заключается в разработке неформальных правил, которым должны следовать все члены организации, в целях повышения сплочённости и эффективности деятельности. Создавая правила, преступный лидер также создаёт и систему контроля за их исполнением, что предопределяет наличие у него судебной (выявление «косяков» членов организации, возложение на них вины за срыв преступных планов или за иные проступки) и карательной (наказание провинившихся членов преступного сообщества) функций. В рамках выполнения организационно-распорядительной функции преступный лидер может также делегировать свои полномочия руководителям отдельных преступных групп, которые в свою очередь будут исполнять вышеупомянутые функции на местах.

Литература:

1. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 54.
2. Кондратюк С. В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 51–57.

Следственные ситуации при расследовании уголовных дел, предусмотренных статьей 210 УК РФ

Алатырев Максим Сергеевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Михайлова Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются типичные следственные ситуации, которые могут сложиться в процессе расследования уголовных дел по ст. 210 УК РФ. Установлено содержание данных следственных ситуаций, факторы, оказывающие влияние на них, определены направления расследования в каждой из них.

Ключевые слова: следственная ситуация, организатор, подчинённый, преступное сообщество, алгоритм расследования.

Расследование преступлений осуществляется в конкретных условиях времени, места, окружающей среды, взаимосвязях с другими процессами объективной действительности, поведением лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, и под воздействием иных факторов, нередко остающихся неизвестными для лица, осуществляющего уголовное преследование. Термин «ситуация» обозначает совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение [9].

Под следственной ситуацией понимают совокупность фактов, обстоятельств и данных о расследуемом явлении, которыми располагает следователь на конкретном этапе расследования.

Проанализировав функции преступного лидера, можно увидеть, что в некотором роде они дублируют функции государства, а само преступное сообщество можно считать своеобразной «моделью государства». Продолжающийся в настоящее время рост числа преступных сообществ заставляет задуматься над вопросом: «Не сможет ли достаточно крупное и влиятельное преступное сообщество претендовать на подмену собой институтов государства?» Такого развития событий никак нельзя допустить, так как за этим последуют колоссальный ущерб правопорядку и общественной безопасности, ибо только в условиях правового государства наше общество может нормально существовать и развиваться. В связи с вышеизложенным, полагаем необходимым ужесточение уголовной ответственности за организацию преступного сообщества в плоть до пожизненного лишения свободы, в целях изоляции от общества индивидов, способных посеять хаос в современном Российском обществе. Также следует усилить работу по борьбе с организованной преступностью, выявлению преступных лидеров, разоблачению преступных сообществ.

Учёными-криминалистами на данный момент разработано множество типологий следственных ситуаций, складывающихся в процессе расследования преступлений.

Определение типа следственной ситуации, глубина анализа исходных данных позволит следователю правильно определить задачи расследования, выдвинуть версии и принять правильное тактическое решение [3].

Успешность и эффективность борьбы с организованной преступностью зависят от того, насколько оперативно сотрудникам правоохранительных органов удастся установить лидеров преступных организаций и пресечь деятельность возглавляемых ими группировок. Знание типичных следственных ситуаций и путей дальнейшего направления расследования по-

зволят следователю наиболее эффективно выстраивать ход расследования, выбирать необходимые следственные действия, устанавливать доказательства, на основании которых станет возможным разрешение уголовного дела. В связи с этим изучение типичных следственных ситуаций, складывающихся при производстве расследования преступлений об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) является важным и актуальным вопросом для развития криминалистической науки.

В процессе расследования преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ могут возникать различные следственные ситуации, различающиеся объёмом и характером информации, находящейся в распоряжении следователя.

Так А. В. Бутырская, И. А. Кирянина приводят следующие типичные следственные ситуации при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ. По объёму доказательственной базы: 1. известны данные о создании преступного сообщества (преступной организации), организатор не установлен. 2. известен организатор и руководители преступного сообщества (преступной организации), не полностью установлены обстоятельства создания преступного сообщества (преступной организации); по месту в иерархической структуре, занимаемому задержанным участником преступного сообщества (преступной организации): 1. задержаны участники преступного сообщества (преступной организации). 2. задержаны организатор и руководители преступного сообщества (преступной организации); по характеру коррумпированных связей:

1. коррумпированные должностные лица, препятствующие следствию, являются членами преступного сообщества (преступной организации).

Данная ситуация имеет две разновидности: а) коррумпированное должностное лицо неизвестно; б) коррумпированное должностное лицо установлено [5].

2. коррумпированные должностные лица, препятствующие следствию, заинтересованные по различным причинам в исходе уголовного дела, не входят в состав преступного сообщества (преступной организации); по форме оказания давления на участников уголовного судопроизводства со стороны членов преступного сообщества (преступной организации):

1. участниками преступного сообщества (преступной организации) оказано психологическое давление.

2. участниками преступного сообщества (преступной организации) оказано физическое давление [5].

В рамках достижения цели настоящего исследования остановимся на двух типичных следственных ситуациях, выделяемых по месту в иерархической структуре, занимаемому задержанным участником преступного сообщества (преступной организации): 1. задержаны участники преступного сообщества (преступной организации). 2. задержаны организатор и руководители преступного сообщества (преступной организации).

1. Задержаны участники преступного сообщества (преступной организации). Как правило, первоначально задерживаются участники низшего звена преступного сообщества (преступной организации). В этом случае следователю важно

знать настроение, намерения того или иного задержанного содействовать расследованию, ориентироваться, насколько последний будет откровенен, какие тактические приемы избличения лжи окажутся действенными. Данная ситуация характерна тем, что задержанные участники преступного сообщества обычно выступают перед следователем единым фронтом, группой с очень высокой степенью сплоченности, с четко выраженной установкой на отказ от какого-либо сотрудничества со следствием. Эта скоординированная позиция проявляется при проведении любых следственных действий. Здесь речь может идти о демонстративно вызывающем поведении, запугивании и шантаже участников уголовного судопроизводства, попытках сорвать следственные действия, стремлении к поддержанию связей на «воле». Кроме того, оставшиеся на свободе лица переключаются на оказание всесторонней поддержки задержанным или уже заключенным под стражу сообщникам [5].

Так как организатор(ы) и руководитель(ли) преступного сообщества (преступной организации) ещё не задержаны, следует сосредоточиться на допросе задержанных участников организации с целью получения информации о лидерах организации. Необходимо помнить, что, как правило, допросы рядовых членов преступных организаций на предмет выяснения местоположения или иных данных о преступных лидерах проходят в условиях конфликтной ситуации. Прежде всего следователь должен установить психологический контакт с задержанными, в этом может помочь информация, добытая в ходе следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Желательно, добиться от задержанных заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако, главная цель — получить информацию, которая поможет в кратчайшие сроки задержать «верхушку» преступной организации. Также, для того чтобы расположить задержанных к даче показаний, необходимо разъяснить им положения, касающиеся обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

2. Задержаны организатор и руководители преступного сообщества (преступной организации). Рассматриваемая ситуация характеризуется тем, что фактически собран материал о создании и деятельности преступного сообщества, его численности, установлены влияние и контакт с рядовыми участниками (возможно, с руководителями структурных подразделений), что позволяет получить максимальный объем доказательств, уличающих создателя преступного сообщества, а также руководителей различного уровня в их преступной деятельности. Имеющиеся оперативно-розыскные и следственные данные дают картину всего «организма» криминальной организации, создают благоприятные условия для пресечения преступной деятельности всего сообщества, выявления всех преступных акций, совершенных его участниками [5].

В такой, казалось бы, «идеальной» следственной ситуации следует сосредоточить внимание на соблюдении уголовно-процессуальной формы, сроков и порядка расследования, чтобы исключить возможности стороны защиты противодействовать ходу и результатам расследования. Необходимо предпринять меры по розыску членов преступного сообщества, остающихся на свободе, с целью пресечения дальнейшей преступной

деятельности и недопущения противодействия расследованию. Кроме того, следует выяснить у задержанных обстоятельства, которые на данный момент могут быть неизвестны следователю, и установление которых обеспечит всесторонность и полноту расследования по уголовному делу.

Таким образом, уяснение содержания типичных следственных ситуаций при расследовании уголовных дел по ст. 210 УК РФ имеет практическое значение для следователей, позволяя им наиболее полно и эффективно бороться с организованной преступностью.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 21.11.2022.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 21.11.2022.
3. Городилов В. В. Организационные и тактические аспекты расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами: Дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 125.
4. Бутырская А. В. Структура и содержание частной криминалистической методики расследования создания преступного сообщества (преступной организации) // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 111–117.
5. Бутырская А. В., Кирынина И. А. Классификация следственных ситуаций по уголовным делам о создании преступного сообщества (преступной организации) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 105–109. // <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=9506> // http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2016_-_1_uni-code/13.pdf
6. Гладких В. И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. 2019. № 5. С. 52–56.
7. Скобликов П. А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4 (27). С. 43–51.
8. Кондратюк С. В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 51–57.
9. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 3-е, стереотип. М., 1988. Т. 4. С. 100.
10. Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней). [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/6695177/page:10/>

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, как элемент криминалистической характеристики преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних

Башарова Ксения Сергеевна, студент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Автором статьи рассматриваются обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о представлениях против половой свободы и половой неприкосновенности, делается акцент на их особенности и значимости как элемента криминалистической характеристики. Автор доказывает связь данного элемента с иными элементами криминалистической характеристики данной категории преступлений, таких как обстановка и способ совершения преступления, а также личность преступника и жертвы. Сформулирован вывод о конкретных обстоятельствах подлежащих доказыванию в рамках данного дела в контексте требования ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистическая характеристика, преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, обстоятельства, подлежащие расследованию.

Circumstances to be proved as an element of the criminalistic characteristics of crimes against sexual freedom and sexual integrity of minors

The author of the article examines the circumstances to be proved in cases of representations against sexual freedom and sexual freedom of inviolability, focuses on their features and significance as an element of criminalistic characteristics. The author proves the connection of this element with other elements of the criminalistic characteristics of this category of crimes, such as the situation and method of committing the crime, as well

as the identity of the perpetrator and the victim. A conclusion has been formed about the specific circumstances to be proved in the framework of this case in the context of the requirement of art. 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC of the Russian Federation).

Keywords: investigation of crimes, criminalistic characteristics, crimes against sexual freedom and sexual integrity of the individual, circumstances to be investigated.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности представляют собой группу общественно опасных деяний, посягающих на неприкосновенность личности, ее здоровье, жизнь. Половые преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, посягают не только на данные объекты, под угрозу ставится нормальное физическое и психическое развитие несовершеннолетнего, возможность социальной адаптации в обществе, созданию семьи [1, с. 263].

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетнего ввиду сложности объекта уголовно-правовой охраны и вмешательства в интимную жизнь потерпевшего, а также ввиду необходимости выяснения множества факторов, является сложной категорией дел для доказывания.

Сложность доказывания также связана с тем, что способность несовершеннолетних воспринимать, запоминать, обрабатывать и воспроизводить информацию весьма специфична ввиду особенностей физического и психического развития [2, с. 75]. В силу возраста и развития многие несовершеннолетние не могут осознавать преступность совершаемых в отношении них действий, и при отсутствии материальных следов, противоречивости показаний других участников судопроизводства, осуществлению противодействия, использования специальных знаний, процесс доказывания по данной категории дел может быть достаточно сложным [3, с. 612]. Дети в силу таких качеств как доверчивость, внушаемость, незрелости часто не могут оказать сопротивление. Перечисленные факторы затрудняют выявление и расследование данных преступлений [1, с. 264].

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, имеет нормативное закрепление в ст. 73 УПК РФ [4], предназначением закрепления таких обстоятельств является учет их всех по делу, решение вопроса о виновности или невиновности обвиняемого и вынесения законного, обоснованного и справедливого решения. Правильное определение предмета доказывания по любому уголовному делу позволяет сформировать краткосрочные и долгосрочные задачи, лежащие перед органами предварительного расследования, определить объем и пределы доказывания, на основании этого выстроить планирование расследования по уголовному делу, проведение следственных и процессуальных действий.

Сложность формирования доказательственной базы по данной категории преступления связана с тем, что не все обстоятельства могут найти отражение в идеальных и материальных следах [5, с. 145].

Исходя из особенностей предмета расследования преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, с учетом требований ст. 73 УПК РФ, обстоятельствами, подлежащими доказыванию по данной категории дел, будут являться:

— событие преступления, характер и размер причиненного вреда;

— вина лица в совершенном преступлении, форма вины и мотивы, характеристика его личности;

— обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания;

— смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые впоследствии могут повлиять на выбор вида и размера уголовного наказания при вынесении приговора;

— причины и условия, способствовавшие совершению преступления [6, с. 109].

Особенности предмета доказывания в рамках ст. 73 УКПК РФ по данной категории дел лежит в плоскости определения события преступления, личности жертвы и преступника, формирования субъективной стороны данного преступления. Для установления факта события преступления, выраженного, в том числе в виде объективной стороны преступления, необходимо установить следующие обстоятельства.

В первую очередь, установлению подлежат непосредственно нарушение половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетнего, а также способ совершения преступления, который является составообразующим и лежит в плоскости разграничения половых преступлений. В зависимости от способа и непосредственного объекта преступления, различаются такие преступления как изнасилование (ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее — УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), развратные действия (ст. 135 УК РФ), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ) [7].

Учитывая, что во многих статьях УК РФ против половой свободы и половой неприкосновенности личности, совершение преступления против несовершеннолетнего является квалифицирующим признаком, доказыванию подлежат не только сам факт нарушения запретов уголовного законодательства, но и факт несовершеннолетнего возраста потерпевшего. Точное установление возраста необходимо в силу того, что возраст несовершеннолетнего потерпевшего дифференцируется на различные возрастные категории, что связано, во-первых, с уровнем физического и психического развития несовершеннолетнего и способностью осознавать факт совершаемого в отношении них преступного деяния; во-вторых, с дифференциацией уголовной ответственности в соответствии с тяжестью совершенного преступления.

Так, УК РФ выделяет три категории возраста несовершеннолетнего при совершении преступления против его половой

свободы и неприкосновенности: лица в возрасте от 14 до 16 лет, лица в возрасте от 16 до 18 лет и несовершеннолетние в возрасте до 12 лет, причем последних законодатель в силу прямого указания в примечании 1 к ст. 131 УК РФ относит к категории беспомощных лиц, так как в силу возраста они не способны осознавать характер и значение совершаемых в отношении них противоправных действий.

Установление возраста несовершеннолетнего производится на основании документов несовершеннолетнего, если такие отсутствуют — на основании заявления родителей, законных представителей, опекунов, педагогов, свидетелей в момент проверки или возбуждения уголовного дела, но впоследствии данное заявление должно быть подтверждено или документами, либо экспертизой, определяющей возраст. Кроме того, в части установления события преступления необходимо выяснять — осознавал ли несовершеннолетний преступность совершаемых в отношении него действий, их характер и смысл, кто выступал инициатором таких действий.

В ряде случаев, когда данное преступление совершается также несовершеннолетними, доказыванию подлежит и несовершеннолетний возраст виновного, так как, во-первых, данный факт предполагает наличие особого характера судопроизводства, во-вторых, особого подхода при формировании обвинения и приговора [8, с. 18–19].

Следующие обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, относятся к сфере субъективных признаков преступления. Кроме характеристики личности обвиняемого, доказывания формы вины и мотивационной сферы, важным для расследования является установление факта о том, что обвиняемый знал о несовершеннолетнем возрасте жертвы. Доказывание данного факта осложняется тем, что подавляющее большинство обвиняемых в половых преступлениях против несовершеннолетних, несмотря на очевидность несовершеннолетнего возраста потерпевшего, отрицают данный факт и настаивают на том, что жертва была совершеннолетней.

В таком случае, доказывание факта заведомости знания о несовершеннолетнем возрасте жертвы может базироваться на фиксации следующих фактов: наличие при жертве школьных предметов, учебников, тетрадей, общение около школьных учреждений; в случае, если преступник входит в круг знакомых или родственников семьи несовершеннолетнего — показаниями свидетелей, законных представителей о том, что виновный знал о возрасте ребенка, доказательствами могут послужить, в том числе факты присутствия на семейных праздниках, днях рождения несовершеннолетнего; показаниями самого потерпевшего о том, что говорил преступнику о своем возрасте, либо тот общался с его сверстниками и т.д.

Доказывание факта заведомости знания о том, что жертва является несовершеннолетней, осложняется так же законодательной дифференциацией возраста несовершеннолетних, и объективно отличить 12-летнего от 14-летнего бывает сложно.

Доказывание формы умысла и мотива преступника осуществляется на основании совокупности собранных доказательств, их невозможно установить и оценивать исходя исключительно из показания самого обвиняемого и показаний жертвы. Невоз-

можно строить доказывание вины и мотива виновного исключительно на предположении и непроверенных фактах. Кроме того, данная категория постоянно подвергается проверке на состоятельности при появлении в деле новых доказательств и фактов.

В обязательном порядке по делам данной категории устанавливаются и доказываются обстоятельства, повлиявшие на совершение преступления, сделавших возможным сам факт преступного посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетнего. Установление указанных обстоятельств необходимо для формирования комплекса превентивных мер, которые в будущем будут сдерживать преступное поведение и не давать ему реализовываться, что в целом будет способствовать снижению уровня половых преступлений против данной категории лиц.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о половой свободе и половой неприкосновенности лиц, устанавливаются на основании поисково-познавательной деятельности следователя по расследованию уголовных дел и появляются в деле посредством выполнения процессуальных и следственных действий, которые в соответствии со ст. 74 УПК РФ являются источниками доказательств.

Обобщая сказанное, в соответствии со ст. 73 УПК РФ, обстоятельствами, подлежащими доказыванию по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, будут являться:

— факт полового сношения или иного сексуального контакта, в том числе развратных действий, предусмотренных ст. ст. 131–135, 242.1 УК РФ, то есть факт преступного деяния, совершенного в конкретной форме и конкретным способом, место и время совершения преступления;

— характер данного деяния (насильственный или ненасильственный), факт наличия согласия несовершеннолетнего, достигшего 16-летнего возраста на совершение в отношении него каких-либо действия; а также факт невозможности осознания жертвой преступности совершаемых в отношении нее действий (характерно для малолетних);

— причиненный вред и его размер (физический и психический), в том числе такие последствия, как степень вреда здоровью, смерть потерпевшего, заболевание венерическими или иными заболеваниями, попытки суицида и т.д.;

— возраст несовершеннолетнего с учетом законодательной дифференциации, характеристика личности потерпевшего, способность осознавать совершаемые в отношении него преступные действия, факт согласия на совершение в отношении него таких действий (для лиц достигших 16 лет);

— возраст преступника, форма вины и мотивация, характер преступника, совершал ли он ранее подобные преступления, отношение к жертве (знаком, не знаком, родственник, знакомый семьи и т.д.);

— заведомость знания преступника о том, что жертва является несовершеннолетней;

— в случае совершения преступления группой лиц, роль каждого из них в совершенном преступлении, возраст и иные характеристики;

— обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Литература:

1. Варданян А. В. Некоторые аспекты криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности / А. В. Варданян, Е. И. Фойгель // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17. — № 3. — С. 263–272.
2. Еськова Л. К., Антипова А. Р. Анализ преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Л. К. Еськова, А. Р. Антипова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. — 2021. — № 4 (30). — С. 74–77.
3. Енгальчев В. Ф., Королева Е. А., Александрова О. В. Новые подходы к применению специальных психологических знаний при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними / В. Ф. Енгальчев, Е. А. Королева, О. В. Александрова // Человек: преступление и наказание. — 2023. — Т. 31. — № 4. — С. 610–618.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921
5. Трусова Н. С. Особенности доказывания при расследовании преступлений против половой неприкосновенности / Н. С. Трусова // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 3. — С. 144–149.
6. Орлова А. А. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних / А. А. Орлова // Доказывание в уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменения: материалы Международной научно-практической конференции. — Нижний Новгород, 2023. — С. 107–116.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.04.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
8. Березкина А. С. Способы совершения, особенности обстановки как объект криминалистического изучения при расследовании преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, совершенных несовершеннолетними / А. С. Березкина // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов. — Воронеж, 2022. — С. 18–20.

Односторонний отказ зарубежных правообладателей от исполнения потребительских договоров на территории РФ как обстоятельство непреодолимой силы

Безбородова Кристина Алексеевна, студент

Научный руководитель: Крылова Екатерина Владимировна, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор анализирует правовые последствия одностороннего отказа зарубежных правообладателей от исполнения потребительских договоров на территории РФ вследствие принятия международных санкций. Проанализированная автором судебная практика позволяет сделать вывод о том, что в настоящий момент существует неопределенная правовая позиция судов касательно подтверждения или опровержения неисполнения обязательства по договору как обстоятельства непреодолимой силы.

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ, договор, международные санкции, зарубежные правообладатели, обстоятельство непреодолимой силы.

Реалии беспрецедентного санкционного давления ряда дружественных государств сказались на всех участниках гражданского оборота. Как российские, так и иностранные компании переживают экономический кризис. Многие российские потребители столкнулись с отказами со стороны иностранных партнеров выполнять свои обязательства по договору.

В соответствии со ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) основаниями изменения и расторжения договора являются следующие: 1) по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или договором; 2) в судебном порядке по требованию одной из сторон

при соблюдении досудебного порядка разрешения спора; 3) в одностороннем порядке путем отказа от договора. По общему правилу, односторонний отказ от исполнения договора недопустим (п. 1 ст. 310 ГК РФ) [1].

На основании п. 3 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. На наш взгляд, содержание понятия непреодолимой

силы сформулировано в достаточно общем виде, вследствие чего сложилась неопределенная правовая позиция. Отметим, что Верховный Суд РФ разъяснил, что для признания обстоятельства форс-мажором необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный и непредотвратимый характер (п. 8) [2].

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16 мая 2022 года ответчиком выступил поставщик, который предоставил сертификат о приостановке работ в китайской провинции [3]. Сертификат был выдан компании ООО «Хубэй Синьеган», поставщиком была российская компания ООО «Техномаш». Суд принял решение, что поскольку сертификат был выдан сторонней компании, следовательно, он не может подтверждать обстоятельства непреодолимой силы. Таким образом, поставщику необходимо предоставить документы, на основании которых возможно доказать причинно-следственную связь между санкциями и невозможностью поставить товар.

В 2021 году Федеральный арбитражный суд Центрального округа в своем постановлении прямо отметил, что ужесточение экономических санкций не может рассматриваться в качестве непреодолимой силы [4]. В мае 2022 года вступил в силу Указ Президента РФ № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» [5]. Данный документ предусматривает особый порядок исполнения обязательств перед правообладателями из иностранных государств и рядом других правообладателей. На данный момент судебная практика показывает, что у российских предпринимателей есть возможность квалифицировать санкции, как обстоятельства непреодолимой силы. В ст. 1 «Положения о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор)» установлено, что к таким обстоятельствам относятся в том числе и запрет торговых операций с отдельными странами, вследствие принятия международных санкций (п. 1.3) [6]. Этой же позиции придерживается и Верховный Суд

РФ в Определении от 20.08.2018 г. № 307-ЭС18-11373: «к непредотвратимым обстоятельствам может относиться введение иностранным государством запретов и ограничений в области предпринимательской деятельности, а также иных ограничительных и запретительных мер, действующих в отношении Российской Федерации или российских хозяйствующих субъектов, если такие меры повлияли на выполнение указанными лицами обязательств» [7]. Анализируя практику последних лет, можно считать, что законодатель определил вектор в сторону признания международных санкций (запретов, ограничений) в области предпринимательской деятельности как обстоятельства непреодолимой силы. Тем не менее, практика 2023 года содержит примеры отказа признания санкций форс-мажором [8]. Предполагаем, что в данных примерах логика судов при вынесении решения исходит из того, что санкционные ограничения априори не носят чрезвычайного характера, поскольку в России такие ограничения действуют с 2014 года и с каждым годом расширяются, следовательно, такое обстоятельство стоит квалифицировать не как форс-мажор, а как предпринимательский риск.

Несмотря на то, что в Госдуму был внесен законопроект, которым предлагается установить временный порядок регулирования обязательственных отношений по договорам, защищая интересы российских предпринимателей в период действия санкций, направленных против РФ, в настоящее время данный акт был снят с рассмотрения [9]. Считаем, что дополнение в Закон о введении в действие части первой ГК РФ новой ст. 23, разрешило бы правовую неопределенность, поскольку закрепило бы правовые последствия в случае недружественных действий, которые объективно вызывают невозможность исполнения ранее заключенных обязательств. Думаем, что в каждом конкретном случае необходимо ссылаться на доказательства, подтверждающие или опровергающие чрезвычайный и непредотвратимый характер обстоятельства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: [ред. от 11.03.2024] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Постановление Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств»: [ред. от 22.06.2021] // Российская газета. — 2016. № 70.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 мая 2022 г. № Ф05-8562/2022 по делу № А40-158378/2021.
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.01.2021 № Ф10-5236/2020 по делу № А83-2804/2020.
5. Указ Президента РФ от 27.05.2022 № 322 (ред. от 15.02.2024) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» в локальной сети РНБ (дата обращения: 09.05.2024).
6. «Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор)» (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173-14) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» в локальной сети РНБ (дата обращения: 09.05.2024).
7. Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2018 № 307-ЭС18-11373 по делу № А56-89542/2016.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.11.2023 № Ф05-27879/2023 по делу № А40-287321/2022.
9. Паспорт проекта Федерального закона № 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об антисанкционных поправках) (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ П. В. Крашенинниковым) (снят с рассмотрения) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» в локальной сети РНБ (дата обращения: 09.05.2024).

Организационно-правовые основы участия специалиста в предварительном расследовании

Бережной Даниил Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена анализу организационных и правовых основ участия специалиста в предварительном расследовании. Раскрыты основные особенности процессуального статуса специалиста в сравнении с экспертом, а также специфика доказательственного значения заключения специалиста. Проанализированы основные проблемы использования специальных знаний специалистом. Также в статье охарактеризована роль специалиста как лица, содействующего решению задач уголовного судопроизводства и обеспечивающего деятельность стороны обвинения и защиты.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, специальные знания, специалист, заключение специалиста.

Современное уголовно-процессуальное законодательство основано на принципах законности, справедливости, охраны прав и свобод человека и гражданина, состязательности сторон. Реализация указанных и иных принципов уголовного судопроизводства возможна только при создании и функционировании процессуальных институтов, направленных на полноту и всестороннее рассмотрение и разрешение уголовного дела.

Одним из базовых институтов процессуального права выступают специальные знания, под которыми в науке понимается систематизированная совокупность научно обоснованных и проверенных практикой сведений, приобретаемых в процессе профессиональной подготовки в различных областях науки, техники, искусства или ремесла, которая применяется сведущими лицами и используется в целях оказания помощи в разрешении вопросов, возникающих в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности в рекомендованных или допустимых законом формах, имеющих доказательственное или ориентирующее значение [2, с. 11].

Использование специальных знаний в уголовном процессе позволяет достоверно устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, которые требуют наличия определенной квалификации, углубленных знаний и практических навыков в какой-либо сфере. В современной практике расследование уголовных дел практически никогда не обходится без производства судебной экспертизы или иных форм использования специальных знаний.

Использование специальных знаний в действующем УПК РФ реализуется двумя субъектами уголовно-процессуальных отношений: экспертом и специалистом. Эксперт призван реализовывать основную форму использования специальных знаний — производство судебной экспертизы. Специалист, в свою очередь, обладает содержательно иной компетенцией и выполняет другие задачи. Общим для указанных участников процесса является то, что они оба обладают специальными знаниями в различных областях науки, техники, искусства или ремесла. Кроме того, эксперт и специалист формируют схожие между собой письменные доказательства (заключение эксперта и заключение специалиста, соответственно). Оба указанных субъекта вправе участвовать в производстве следственных и иных процессуальных действий, давать пока-

зания на допросе, которые имеют самостоятельное доказательственное значение.

Между тем, различий между экспертом и специалистом предостаточно, и они имеют решающее значение для доказывания. В первую очередь, в отличие от эксперта, специалист не вправе проводить экспертное исследование (экспертизу), давать заключение, аналогичное экспертному. В то же время результатом деятельности специалиста становится, соответственно, заключение специалиста. Согласно ч. 2 ст. 80 УПК РФ, заключение специалиста — это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Заключение специалиста обладает доказательственным значением, поскольку закреплено в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательства. Однако на практике доказательственная ценность заключения специалиста нередко ставится под сомнение или же полностью исключается. Заключение специалиста как средство доказывания используется, как правило, стороной защиты, т.е. участниками процесса, которые не обладают властными полномочиями. Иных инструментов состязательного процесса у стороны защиты на стадии предварительного расследования, в принципе, нет.

В свою очередь, правоприменительный орган или должностное лицо при наличии выбора между производством судебной экспертизы и получением заключения специалиста в абсолютном большинстве случаев отдадут предпочтение первому варианту. Приведем пример. Так, в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 разъяснено, что в случае необходимости установления принадлежности технического устройства к числу средств, предназначенных для негласного получения информации, посредством использования специальных знаний, суд должен располагать соответствующими заключениями специалиста или эксперта. То есть допускается альтернатива, выбор между заключениями специалиста и эксперта. Тем не менее, анализ практики показывает, что по делам о незаконном обороте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, проводится именно судебная экспертиза, по результатам которой составляется заключение эксперта [6].

Причин такого отношения правоприменителя к заключению специалиста достаточно много. Во-первых, как отме-

чают Э. Ш. Кирамов и К. Р. Кирушин, специалисты лишены возможности работать с материалами по делу, поэтому не несут за дачу заключения никакой ответственности, дают ответ на вопросы по делу в пределах тех специальных знаний, которыми располагают [3, с. 141].

Во-вторых, возникает практический вопрос о допустимости заключения специалиста, поскольку законом не определена процессуальная форма, в которой должно быть получено и представлено такое доказательство. Это особенно важно на стадии предварительного расследования, которая существенно ограничивает процессуальные возможности стороны защиты.

По данному вопросу мнения ученых разделились. Так, одни ученые утверждают, что заключение специалиста необходимо «процессуализировать» посредством других процессуальных действий (например, допроса специалиста, посвященного проведенному исследованию и заключению) [5, с. 146]. Другие ученые, наоборот, считают, что заключение специалиста — это самостоятельный документ, являющийся результатом самостоятельного действия, который не оформляется никакими дополнительными документами кроме самого заключения [1, с. 61].

Полагаем, несмотря на все сложности использования заключения специалиста в качестве доказательства, данное средство доказывания, как и сама возможность привлекать к участию в процессе сведущее лицо, не являющееся экспертом, — это важная гарантия реализации принципа состязательности сторон, учитывая, что заключение специалиста используется

в качестве доказательства, в первую очередь, участниками со стороны защиты. В некоторых случаях представление заключения специалиста действительно может повлиять на ход расследования и рассмотрения уголовного дела. Как отмечают Е. А. Ляпина и Е. В. Вологина, заключение специалиста нельзя недооценивать, так как оно в некоторых случаях служит поводом для проведения дополнительной или повторной судебной экспертизы [4, с. 47].

Кроме того, не стоит забывать, что специалист активно способствует эффективному расследованию, осуществляемому следователем. В частности, специалист помогает следователю в формулировании корректных вопросов эксперту, дает различного рода устные или письменные консультации по вопросам, в которых следователь не ориентируется в силу отсутствия у него специальных знаний и т. д.

Суммируя изложенное, мы приходим к выводу о том, что с позиции как стороны защиты, так и стороны обвинения специалист является важной процессуальной фигурой, позволяющей разрешать проблемы, возникающие в ходе расследования уголовного дела. Между тем, УПК РФ содержит множество пробелов законодательного регулирования процессуального статуса специалиста и формируемых им источников доказательств. Как следствие, заключение специалиста не признается правоприменителем доказательством (по свойству допустимости) или же расценивается как документ, не имеющий высокой доказательственной ценности.

Литература:

1. Дрозденко А. О., Янин М. Г. Проблема роли заключения специалиста в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6. № 1.
2. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2021.
3. Кирамов Э. Ш., Кирушин К. Р. Особенности процессуальных статусов «специалист», «эксперт» в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93–4.
4. Ляпина Е. А., Вологина Е. В. Разграничение функций эксперта и специалиста в уголовном процессе // Поиск (Волгоград). 2022. № 2 (13).
5. Степанов К. В., Малина М. А. Проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста, а также результатов судебных экспертиз негосударственных судебно-экспертных учреждений // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 4.
6. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 28.07.2021 по делу № 1–1423/2021; Приговор Кировского районного суда г. Уфы от 22.07.2021 по делу № 1–371/2021; Приговор Заднепровского районного суда г. Смоленска от 15.07.2021 по делу № 1–202/2021 // Сайт «СудАкт». — URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.03.2024).

Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков

Блохова Елизавета Викторовна, студент
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрена общественная опасность, современное состояние и динамика развития преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Изучена динамика развития данного вида преступлений, а также основные факторы, определяющие перспективы профилактики, осуществляемой обществом и государством в борьбе с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: криминогенная ситуация, незаконный оборот наркотиков, предупреждение преступности, борьба с наркотиками, прекурсоры.

Особая угроза криминальной обстановки, связанной с нелегальным оборотом наркотиков, частично обусловлена неблагоприятным направлением развития такой преступности. В связи с этим наблюдается постоянный рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ, в России за последние десять лет.

Международной организацией, играющей ключевую роль в координации международных отношений, является Организация Объединенных Наций. Основной целью ООН, согласно ее уставу, установлена поддержка международного мира и безопасности, что подразумевает принятие совместных мер для предотвращения и разрешения угроз миру [1]. В рамках этого вектора деятельности ООН активно занимается вопросом незаконного оборота и употребления наркотиков. Управление ООН по наркотикам и преступности выступает важным органом ООН по борьбе с наркотиками, финансируясь на 90% за счет добровольных пожертвований государств-участников.

ООН собирает, анализирует и распространяет информацию о тенденциях незаконного оборота наркотиков, включая информацию об арестах, изъятиях, ценах и составе запрещенных веществ, представляемую государствами-участниками через ежегодные отчеты (ARQ). Также через этот же механизм управления ООН собирает и распространяет информацию о незаконном производстве контролируемых веществ, включая данные о подпольных лабораториях. Более того, управление данной организации собирает и распространяет информацию о крупных одиночных изъятиях наркотиков, о которых сообщают государства-участники.

Наркотики вызывают серьезные расстройства здоровья, включая психические, и представляют угрозу безопасности и благополучия общества. Из-за стигматизации и дискриминации люди, страдающие от наркотической зависимости, часто не получают необходимую медицинскую помощь.

Согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2023 год, опубликованному УНП ООН «показатели употребления наркотиков остаются высокими во всем мире. В 2022 году каждый 17-й человек в мире в возрасте от 15 до 64 лет употреблял наркотики в течение последних 12 месяцев. По оценкам, число наркопотребителей возросло с 240 млн человек в 2011 году до 296 млн человек в 2022 году (это 5,8 процента мирового населения в возрасте 15–64 лет). Прирост составил 23 процента, что отчасти объясняется ростом численности населения. Лечение проходят менее 20 процентов людей с наркологическими расстройствами, а для многих оно и вовсе недоступно. Почти половина людей, употребляющих стимуляторы амфетаминового ряда, — это женщины, но при этом они составляют всего 27 процентов тех, кто получает лечебную помощь. Люди, остро нуждающиеся в контролируемых наркотических средствах, т.е. в опиоидных лекарственных препаратах, применяемых для оказания паллиативной помощи и обезболивания, не могут их получить; во многих странах, особенно в странах с низким и средним

уровнем дохода, в которых проживает около 86 процентов мирового населения, это практически невозможно» [2].

В стратегии УНП ООН на 2021–2025 год, согласно с международными конвенциями о контроле над наркотиками 1961, 1971 и 1988 годов, предложены для решения следующие задачи [3]: «1. Исследовать взаимосвязи между проблемой наркотиков и различными аспектами устойчивого развития, мира и безопасности, и прав человека. 2. Оказывать поддержку государствам-членам в выполнении международных обязательств в области наркополитики. 3. Расширить доступ к лечению расстройств, связанных с употреблением наркотиков, реабилитации, восстановлению и социальной реинтеграции, а также к профилактике, лечению и уходу за ВИЧ/СПИДом и гепатитом. 4. Учитывать связанные с этим права человека и гендерные соображения, особенно среди уязвимых групп населения. 5. Сосредоточиться на понимании взаимосвязи проблемы наркотиков и транснациональной организованной преступности, включая киберпреступность, коррупцию, незаконный оборот, финансовые потоки и терроризм. 6. Расширить роль и потенциал лаборатории УНП ООН для поддержки программных и политических мер государств-членов по противодействию незаконному обороту наркотиков и предоставлению соответствующих медицинских услуг».

Проблема незаконного оборота наркотиков через интернет является основным аспектом отчета международного комитета по контролю за наркотиками о выполнении решений XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В борьбе с незаконным производством и распространением амфетаминов и их предшественников, а также злоупотреблением ими, Генеральная Ассамблея признала, что использование интернета создает дополнительные препятствия для решения проблемы наркотиков [4].

Кроме этого, увеличивается количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что представляет серьезную угрозу национальной безопасности России. Данная тенденция стимулирует нарастание наркотической зависимости среди населения, что оказывает катастрофические последствия для социального, экономического, духовного, культурного и нравственного состояния страны. Кроме того, она существенно влияет на здоровье молодого поколения и является значительной причиной распространения опасных инфекционных заболеваний. Согласно специалистам, такая широкая распространенность наркотиков обусловлена высокой прибыльностью в этой преступной сфере. Усугубляющими факторами являются также межгосударственные преступные организации, которые оказывают значительное воздействие на масштабы наркотрафика в целом [5].

Злоупотребление наркотиками, в свою очередь, увеличивает количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Это приводит к эпидемии наркомании, которая представляет серьезную угрозу для человечества. На заседании коллегии МВД России в 2023 году президент России В. В. Путин

подчеркнул, что «важнейшая задача органов внутренних дел — противодействие незаконному обороту наркотиков, причем большая часть наркопреступлений выявляется полицией» [6].

Согласно анализу зарегистрированных в России преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков динамика составила следующие показатели [7]:

Таблица 1. Динамика зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ в России за 2013–2023 гг.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Темп прироста (в %)	Из них тяжкие и особо тяжкие	Темп прироста (в %)
2013	231462	5,70	165882	0,9
2014	254730	10,05	190542	9,0
2015	236939	- 6,98	175778	- 7,7
2016	201165	- 15,09	144104	- 18,0
2017	208681	3,73	150243	4,3
2018	200306	- 4,01	148445	- 1,2
2019	190197	- 5,04	143227	- 3,5
2020	189905	- 0,2	141940	- 0,9
2021	179732	- 5,4	132157	- 6,9
2022	177741	- 1,4	135560	2,6
2023	185265	4,06	184936	0,18

Таким образом, динамика преступности в течение исследуемого периода на территории России проявляла нестабильный и волнообразный характер. Периоды снижения сменялись периодами роста, однако в целом за последнее десятилетие число данных преступлений уменьшилось на 23,2%.

Генерал полиции Российской Федерации Владимир Колокольцев на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации привел следующие данные по выявленным преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков: «На 40% возросло число установленных деяний в составе организованных групп и сообществ.

Изъято почти 22 тонны наркотических средств, а также практически 17 тонн прекурсоров. Пресекалось их распространение в интернет-пространстве. В Роскомнадзор направлена информация для блокировки 14 тысяч ресурсов, содержащих такие сведения. Приняты меры государственного контроля в отношении 56 новых видов потенциально опасных веществ. Задokumentировано порядка 180 фактов контрабанды наркотиков, ликвидировано более 220 подпольных лабораторий.

Сотрудниками полиции были задержаны шесть фигурантов. В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий обнаружены две нарколаборатории — в Калужской и Тверской областях. Сбыт осуществлялся посредством

сети Интернет на территории нескольких субъектов с использованием тайников-закладок. В ходе обысков изъято 372 килограмма мефедрона и 580 килограммов прекурсоров. Обвиняемые заключены под стражу» [8].

Вместе с тем, на расширенном заседании отмечалось, что совместные действия всех заинтересованных органов привели к достижению определенных положительных результатов: уменьшилось количество лиц, совершивших преступные деяния в состоянии наркотического опьянения.

Было замечено снижение числа несовершеннолетних наркопотребителей, впервые попавших на медицинский учет. Проводилась активная борьба против легализации преступных наркоделов. Было выявлено более 300 случаев нарушений, общая сумма которых увеличилась почти вдвое и составила один миллиард рублей.

Для пресечения контрабанды наркотиков и устранения внутренней сырьевой базы были организованы и проведены оперативно-профилактические мероприятия в сотрудничестве с другими государствами.

Также продолжался процесс интеграции органов внутренних дел новых субъектов в общефедеральную систему противодействия нелегальному обороту наркотиков. Кроме того, были созданы антинаркотические комиссии в каждом из указанных регионов.

Литература:

1. Устав ООН [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 29.04.2024).
2. УНП ООН, Всемирный доклад о наркотиках за 2023 год (издание Организации Объединенных Наций, 2023 год). (дата обращения 27.04.2024).
3. Вестник глобальной программы Smart. Понимание рынка синтетических наркотиков: фактор НПИВ. [Электронный ресурс] URL: https://правоваянаркология.рф/index.php?option=com_content&view=article&id=1273:-202.
4. Border security report. The journal of border security and transnational crime. [Электронный ресурс] URL: <https://bordersecurity-report.com/unodc-partners-support-counter-narcotics-efforts-in-afghanistan/> (дата обращения 27.04.2024).

5. Вишневецкий К. В. Современное состояние преступности в Северо-Кавказском федеральном округе и тенденции ее развития / К. В. Вишневецкий, Н. Ш. Козаев. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. С. 62.
6. Расширенное заседание коллегии МВД России. Официальный сайт Президента России. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения 29.04.2024).
7. Официальный сайт МВД России. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения 29.04.2024).
8. Выступление Генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации <https://mvd.rf/news/item/48711678> (дата обращения 29.04.2024).

Разработка и внедрение цифровых технологий в области налогового контроля

Бутдаев Сафарали Реввелович, студент;
Найданов Максим Вячеславович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Современная налоговая система сталкивается с актуальными проблемами цифровизирующегося общества, сопровождающимися также глобализацией экономики и появлением новых бизнес-моделей. Традиционные методы налогового контроля оказываются недостаточно эффективными в условиях возрастающей сложности экономических отношений и увеличения объемов цифровых данных. В связи с этим, внедрение инновационных, в том числе цифровых, технологий в сферу налогового контроля становится не просто желательным, а необходимым условием для обеспечения полноты и своевременности взимания налогов. В данной работе рассматривается потенциал применения новейших цифровых технологических решений, таких как искусственный интеллект (далее — ИИ), блокчейн и большие данные, для совершенствования системы налогового контроля.

Налоговые органы должны быть готовы к изменениям, вызванным цифровизацией [1]. Анализ Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ [2]) позволяет выделить следующие потенциальные проблемы при внедрении искусственного интеллекта.

Например, ст. 102 НК РФ устанавливает режим налоговой тайны, что может ограничить доступ ИИ к необходимым для его обучения и работы данным. Ст. 105.6 НК РФ ограничивает использование информации, составляющей налоговую тайну, при сопоставлении условий сделок между взаимозависимыми лицами с условиями сделок между лицами, не являющимися взаимозависимыми. Это может затруднить применение ИИ для выявления схем уклонения от уплаты налогов. О. И. Лютова отмечает, что ИИ может упростить взаимодействие налоговых органов с частными субъектами права. По её мнению, правовое регулирование налогообложения адаптируется к использованию технологии ИИ [3].

Если понятие искусственного интеллекта является интуитивно понятным, то понятие блокчейна и больших данных уже вызывает вопросы. Блокчейн — это особый тип базы данных с уникальными свойствами, к которым относится невозможность удаления или изменения данных [4]. А. В. Тихонова верно отмечает: «Одним из основных преимуществ использования блокчейна в целях налогового администрирования является

его прозрачность. Важно отметить, что регистры, созданные с использованием блокчейна, можно делать «закрытыми» для ограниченной группы сторон, поэтому данные таких регистров будут прозрачны для пользователей, но для всех прочих останутся конфиденциальными. Это, безусловно, важно, если такая технология находит широкое применение в области налогообложения в условиях соблюдения налоговой тайны» [5]. Таким образом, блокчейн может не нарушать требования ст. 102 НК РФ.

Большие данные (big data) — огромные объемы структурированных и неструктурированных данных, которые требуют анализа и структурирования. Говоря прямо, большие данные — это не технология, а просто большой массив собранной информации [6].

В контексте налогового права и налогового контроля большие данные могут быть использованы для решения ряда задач, в том числе:

- выявления схем уклонения от уплаты налогов;
- оценки налоговых рисков;
- персонализации налогового администрирования и др.

Большие данные следует сочетать с другими технологиями (ИИ и блокчейн). Е. А. Кирова, А. В. Кожебаткина отмечают: «Использование технологий больших данных позволит налоговым органам получать доступ к информации о налогоплательщике, сопоставлять данные контрагентов и выявлять незаконную деятельность и уклонение от уплаты налогов. Вместе с тем применение больших данных влечет серьезные риски как для налогоплательщиков, так и налоговых органов. ... Раскрытие информации неминуемо повышает риски взлома серверных хранилищ налогоплательщиков через несанкционированный доступ к корпоративным и банковским системам субъекта открытых данных» [7].

В контексте международного налогового права, которое является подинститутом международного публичного права, можно выявить отсутствие регулирования использования новейших информационных технологий в области налогового контроля на уровне международных договоров. Между тем, принятие, к примеру, модельных конвенций в рамках ОЭСР

в области использования ИИ, блокчейна или больших данных в области налогового контроля позволило бы установить наиболее общие правила и принципы использования новейших информационных технологий в области налогового контроля.

Важно помнить о фундаментальном принципе международного налогового права — государственном налоговом суверенитете, который является производным от принципа суверенитета в международном публичном праве. Данный принцип применяется и к новым технологиям, которые были затронуты выше. В настоящее время международное сообщество не имеет полного понимания того, как принцип суверенитета должен применяться в сфере новых технологий (а если быть точнее — то в информационно-телекоммуникационном «пространстве») [8].

Применение современных технологий в сфере международного налогового права должно помочь странам решать проблемы налогового контроля, которые связаны с глобализацией экономики [9]. В эпоху появления большого количества новых технологий (ИИ, блокчейн, большие данные), традиционные методы налогового контроля уже не так эффективны, как раньше. Внедрение новых технологий может повысить эффективность налогового контроля как на национальном, так и на международном уровне.

ИИ является средством, с помощью которого можно автоматизировать рутинные задачи в области налогового контроля, что позволит оптимизировать использование трудовых

ресурсов в рамках национальных налоговых служб. Блокчейн можно использовать для создания неизменяемого реестра налоговых транзакций, обеспечивая прозрачность и увеличение поступления налогов. Сбор больших данных предоставляет возможность выявлять скрытые связи, а также использовать большие данные для обучения ИИ.

Внедрение новых технологий, помимо преимуществ, сопряжено с определенными проблемами. Существует юридическая неопределенность в отношении новых технологий, что может затруднить их использование в сфере налогового контроля. Нормы о налоговой тайне могут ограничить использование новых технологий налоговыми службами. Сложность алгоритмов могут создать трудности при их внедрении в деятельность налоговых служб. Существует и риск ошибок, а также коррупционный фактор, который нужно учитывать при использовании новых технологий в сфере налогового контроля.

Высокий уровень технической подготовки специалистов также является обстоятельством, которому следует уделять большое внимание при внедрении новых технологий в деятельность налоговых служб в рамках налогового контроля.

В заключение, следует сказать, что совершенствование нормативного регулирования использования новых цифровых технологий в области налогового контроля является актуальной проблемой, которая стоит на повестке не только у национальных законодательных органов, но и на международном уровне.

Литература:

1. Александров С. Н. Правовое регулирование цифровизации налогового контроля // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 10–15.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2024. № 10. Ст. 1314.
3. Лютова О. И. Актуальные вопросы правового регулирования налоговых отношений в условиях применения технологии искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7 (152). С. 62–70.
4. Мебония М. А. Технология блокчейн. примеры блокчейна и его применение // Вестник науки. 2022. № 12 (57). С. 435–438.
5. Тихонова А. В. Криптовалюта и блокчейн: сфера применения в налоговом поле России // Налоги и налогообложение. 2020. № 4. С. 1–9.
6. Век качества: практика из зарубежных источников. Феномен big data // Век качества. 2014. № 4. С. 54–59.
7. Кирова Е. А., Кожебаткина А. В. Модернизация налогового контроля в условиях цифровизации экономики // Вестник ГУУ. 2020. № 9. С. 94–99.
8. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187–200.
9. Котляров М. А., Рыкова И. Н. Вызовы цифровой экономики в контексте распределения налогооблагаемого дохода между государствами: опыт ОЭСР // Финансовые исследования. 2015. № 1 (46). С. 10–18.

Роль и значение судебной экспертизы в гражданском процессе

Вершинина Анастасия Вячеславовна, студент;

Обидина Яна Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

В гражданском процессе часто возникают вопросы, связанные с необходимостью назначения и проведения судебной экспертизы. В статье приведено определение судебной экспертизы и рассмотрена ее роль в гражданском процессе, также представлены основные виды заключений судебной экспертизы в гражданском процессе. Выделены рекомендации по проведению судебной экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, документ, гражданский процесс, ущерб, стоимость имущества.

Судебная экспертиза является важным инструментом в гражданском процессе, так как, во-первых, позволяет получить объективное и независимое мнение специалиста в той или иной проблемной области, что особенно важно в тех случаях, когда решение суда зависит от решения путем применения специальных знаний определенных технических, научных и т.п. вопросов. Во-вторых, судебная экспертиза способствует справедливости и равноправию сторон в гражданском процессе. В-третьих, судебная экспертиза способствует экономии времени и ресурсов суда, так как применяемые экспертами специализированные знания и опыт позволяют в рамках гражданского процесса более эффективно и оперативно принимать обоснованные решения на основе экспертных заключений.

Нормативное регулирование судебно-экспертной деятельности осуществляется в соответствии с такими нормативными правовыми актами как:

1. Федеральный закон № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

2. Процессуальное законодательство Российской Федерации (ГПК РФ, АПК РФ и пр.).

3. Нормативные правовые акты МВД, Минюста и пр.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «судебная экспертиза — это процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [2].

Субъекты судебно-экспертной деятельности включают:

1. Государственные судебно-экспертные учреждения;

2. Экспертные подразделения, создаваемые федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ;

3. Государственные эксперты;

4. Негосударственные организации;

5. Негосударственные эксперты.

В рамках данной статьи судебная экспертиза в гражданском процессе рассматривается как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом с применением специальных знаний по вопросам анализа информации, записанной на материальных носителях, касающейся финансово-хозяйственной активности экономического актора, оценки ущерба имуществу и т.д. Судебная экспертиза в гражданском процессе осуществляется экспертами

с использованием соответствующих методов и средств для решения проблем в рамках расследования гражданских дел [2].

Статья 80 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) [1] описывает состав определения о назначении экспертизы, которое включает вводную, описательную и резолютивную части. Судья имеет право самостоятельно назначить экспертизу и эксперта при подготовке дела к судебному разбирательству, включая случаи установления отцовства. Экспертиза может быть назначена по предложению суда или по ходатайству сторон до постановления решения. Суд определяет список вопросов, которые будут поставлены перед экспертом, и его решение может быть обжаловано. Экспертиза может быть проведена на разных стадиях гражданского процесса, но не предусмотрена в надзорных и кассационных инстанциях.

Согласно ст. 55 ГПК РФ [1], заключение эксперта является средством доказывания в гражданском судопроизводстве. Эксперт может быть привлечен к ответственности за неисполнение своих обязанностей. Если эксперт не предоставляет заключение в срок или не может провести экспертизу по определенным причинам, ему может быть наложен штраф. В случае недостаточной ясности заключения эксперта может быть проведена дополнительная экспертиза тем же или другим экспертом. Повторная экспертиза проводится при сомнениях в правильности заключения и поручается другому эксперту. Решение о проведении судебной экспертизы принимается судом в каждом конкретном случае.

Любое экспертное исследование основывается на принципах, излагаемых в рамках общей методологии. Теорией и практикой установлен общий алгоритм проведения экспертного исследования. Он состоит из следующих этапов:

1. Подготовка к проведению исследования.
2. Раздельное исследование.
3. Сравнительное исследование.
4. Формулирование выводов [2].

Можно привести несколько примеров актов судебной экспертизы в гражданском процессе:

1. Экспертиза для определения стоимости имущества. Данный акт может включать оценку недвижимости, транспортных средств или других материальных активов для определения их рыночной стоимости.

В качестве примера рассмотрим Решение № 2-22/2023 2-22/2023(2-979/2022);~М-793/2022 2-979/2022 М-793/2022 от 26 октября 2023 г. по делу № 2-22/2023. Истец подал иск в суд против ответчика, требуя возмещения ущерба, который был

причинен ДТП. Истец является владельцем автомобиля RE-NAULT LOGAN, что подтверждается документами. Между истцом (арендодателем) и ответчиком (арендатором) был заключен договор аренды автомобиля. Автомобиль был передан в хорошем состоянии, но в результате ДТП получил многочисленные повреждения. Судебная экспертиза определила, что стоимость автомобиля после ДТП составляет 712598 рублей, в то время как до ДТП его стоимость была 1 056 808 рублей [3].

2. Экспертиза для определения размера ущерба.

В качестве примера рассмотрим Решение № 2–30/2023 2–30/2023(2–852/2022;)-М-635/2022 2–852/2022 М-635/2022 от 24 октября 2023 г. по делу № 2–30/2023. Истец подал иск в суд против Администрации Центрального сельского поселения Новокузнецкого района Кемеровской области, требуя возмещения ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия (ДТП). Истец основывает свои требования на том, что на автодороге произошло ДТП с участием двух автомобилей. Государственной инспекцией безопасности дорожного движения (ГИБДД) было возбуждено дело об административном правонарушении и проведено административное расследование, однако позднее дело было прекращено. Старшим госинспектором ДПС был составлен акт обследования дорожных условий, в котором указано, что причиной ДТП является несоответствие дорожного покрытия требова-

ниям безопасности дорожного движения. Судебная экспертиза определила сумму ущерба, причиненного автомобилю, которая составляет 184 467,89 рублей [4].

3. Экспертиза для разрешения наследственных споров.

4. Оценочная экспертиза при разделе совместно нажитого имущества при разводе.

Важно отметить, что каждый акт судебной экспертизы должен быть составлен на основе данных конкретного гражданского дела и с учетом применимого законодательства. Эксперт должен быть компетентным в рассматриваемой области и иметь опыт работы с гражданскими делами.

Таким образом, в гражданском процессе судебная экспертиза играет важную роль, так как она обладает большой доказательственной силой. Однако, чтобы получить более объективное и справедливое заключение эксперта, необходимо задавать конкретные и детальные вопросы, приглашать специалистов в соответствующей области, указывать временные рамки и предоставлять конкретные факты для исследования.

Рекомендуется проводить экспертизу в государственных экспертных учреждениях или приглашать опытных специалистов, которые проводят судебные экспертизы. Такой подход позволит повысить качество правосудия, сократить сроки судопроизводства и получить достоверную информацию от эксперта.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Зубков Д. Д. К вопросу о качественном содержании специальных знаний в области бюджетного контроля и регулирования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1. 2022. С. 81–86.
3. Пиче-оол, Д. А. Судебная экспертиза в гражданском процессе / Д. А. Пиче-оол // Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Иркутск, 2023. — С. 515–523.
4. Решение № 2–22/2023 2–22/2023(2–979/2022;)-М-793/2022 2–979/2022 М-793/2022 от 26 октября 2023 г. по делу № 2–22/2023 Анжеро-Судженский городской суд (Кемеровская область) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения 10.04.2024).
5. Решение № 2–30/2023 2–30/2023(2–852/2022;)-М-635/2022 2–852/2022 М-635/2022 от 24 октября 2023 г. по делу № 2–30/2023 Новокузнецкий районный суд (Кемеровская область) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения 10.04.2024).
6. Тимченко В. А. «Дискуссионные вопросы методов отдельных родов судебно-экономической экспертизы // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы Материалы IV Международной научно-практической конференции». Москва, 2021 г.

Особенности правового регулирования гендерного равенства в России

Водянов Алексей Николаевич, студент;
Слепцов Василий Алексеевич, доцент
Новосибирский государственный технический университет

Статья представляет собой исследование и анализ механизмов обеспечения равноправия мужчин и женщин в правовой системе России. В статье рассматривается история гендерного равенства в стране, начиная с Советского периода и до современности, а также анализируются конституционные основы гендерного равенства. Особое внимание уделено проблемам и вызовам, с которыми сталкиваются сторонники гендерного равенства в России, а также анализируются случаи дискриминации на основе пола

и меры по их предотвращению. Упомянуты, общественные организации в борьбе за гендерное равенство также рассматривается в статье. В заключительной части статьи представлены перспективы развития и рекомендации для достижения полного равноправия мужчин и женщин в России, а также обсуждаются пути укрепления правовой базы для обеспечения гендерного равенства. Эта статья предназначена для всех, кто интересуется проблемами гендерного равенства и его правовым регулированием в России.

Ключевые слова: основа пола, гендерное равенство, Россия, женщина, полное равноправие, гендерное неравенство.

Features of legal regulation of gender equality in Russia

The article is a study and analysis of mechanisms for ensuring equality between men and women in the Russian legal system. The article examines the history of gender equality in the country, from the Soviet period to the present, and analyzes the constitutional foundations of gender equality. Special attention is paid to the problems and challenges faced by supporters of gender equality in Russia, as well as analyzes cases of discrimination based on gender and measures to prevent them. Mentioned, public organizations in the fight for gender equality are also considered in the article. The final part of the article presents development prospects and recommendations for achieving full equality of men and women in Russia, as well as discusses ways to strengthen the legal framework to ensure gender equality. This article is intended for anyone who is interested in the problems of gender equality and its legal regulation in Russia.

Keywords: the basis of gender, gender equality, Russia, woman, full equality, gender inequality.

В настоящее время в России принцип равенства мужчин и женщин всегда стремятся соблюдать, но исследования, связанные с равноправием полов, остаются актуальными. Для понимания проблемы неравенства полов и уважения прав женщин и мужчин ученые изучают историю равноправия и роль женщины в обществе. Если взять в пример время Советского союза, в сравнении с нашим временем возникало в разы меньше споров по данной теме. Это могло произойти из-за множества факторов, например, интернета. Информация стала более доступной и позволяет людям быстрее обмениваться мнениями и выражать свою позицию по вопросам гендерного равенства и неравенства, что привело разнообразию точек зрения и различным ЛГБТ-активистам.

В советском союзе не было такого источника информации, и власть принадлежала коммунистической партии, которая пропагандировала идею равенства всех граждан независимо от пола. В рамках этой идеологии проводились активные мероприятия по борьбе за равноправие женщин, в том числе за обеспечение доступа женщин к образованию, здравоохранению, труду и политической деятельности. Советское правительство принимало законы и программы, направленные на улучшение положения женщин в обществе. В советском обществе была высокая степень секуляризации, и религиозные убеждения не играли такой значительной роли в формировании социальных норм, как в других странах. Это способствовало более широкому признанию равенства между мужчинами и женщинами.

Также в то время в России сопровождалось появлением феминистских идей, но они отличались от современных представлений о феминизме. В то время феминизм был пронизан марксистскими концепциями и поддерживался такими активистками, как Клара Цеткин, Роза Люксембург и Александра Коллонтай. Они считали, что женская эмансипация необходима для построения социалистического общества. Поэтому в СССР феминизм рассматривался скорее как средство улучшения социализма и условий рабочего класса, чем как борьба за права женщин как отдельной угнетенной группы. Это опре-

делило дальнейшее развитие гендерного вопроса. Все инициативы по улучшению положения женщин должны были служить интересам государства и строительству коммунизма. В период революции женские права были полностью легализованы правительством, так как требовались радикальные изменения. Однако в дальнейшем политика в отношении женщин не всегда соответствовала начальным идеям эмансипации, так как не всегда приносила ожидаемые результаты для государства, но зато это положило начало для конституционно-правового принципа гендерного равенства.

Не учитывая новые проблемы, из-за которых могло случиться гендерное неравенство, в современной России создавалось много законов для равенства гендеров, но это равенство наступает не всегда, потому что отличие по половому признаку всё же есть. В уголовной юстиции существуют неравные стандарты для мужчин и для женщин, например при изнасиловании мужчин оценивают более серьёзно или при определённых ситуациях мужчины и женщины могут быть подвержены сексуализации и стереотипам, влияющим на оценку их деяний и поведения в контексте уголовного права. Для преодоления дискриминации по половому признаку в уголовной сфере необходимо объединить усилия общества, правительства, правоохранительных органов и юридической системы. Важно разработать законы, которые запрещают дискриминацию на основе пола в уголовной юстиции. Это включает создание законов, учитывающих гендерные аспекты, и ужесточение наказания для нарушителей. Гендерно-чувствительный подход должен применяться при разработке политик и программ в уголовной сфере. Это позволит учитывать гендерные аспекты при правоохранительных действиях, рассмотрении дел и помощи жертвам. Также необходимо обеспечить обучение судей, прокуроров, адвокатов и правоохранительных органов по вопросам дискриминации на основе пола. Обучение должно включать гендерные стереотипы, принципы равенства полов и справедливое обращение с жертвами и подозреваемыми. Важно также усилить защиту жертв дискриминации и насилия на основе пола.

За последние 30 лет сформировалось достаточно много женских движений для повышения социального статуса женщин, которые даже занимают Федеральный уровень, например Союз матерей России. Общественные организации и активисты играют важную роль в борьбе за гендерное равенство в России. Они осуществляют мониторинг нарушений прав женщин, проводят образовательные кампании, поддерживают жертв дискриминации и насилия. Активисты выступают за принятие законов, которые защищают права женщин и противодействуют дискриминации на основе пола. Они также проводят мероприятия и акции, направленные на повышение осведомленности об этой проблеме в обществе. Благодаря усилиям общественных организаций и активистов удается добиваться изменений в законодательстве и повышать осознание важности гендерного равенства.

В заключение напишу, что первым шагом к достижению полного равноправия является изменение законодательства, чтобы обеспечить защиту прав женщин и предотвратить дискриминацию на основе пола. Важно также проводить образовательные программы, направленные на борьбу со стереотипами

и неравенством в обществе. Поддержка жертв насилия и дискриминации также играет важную роль. Особое внимание следует уделить экономическому равенству между полами. Стимулирование женщин к участию в экономике, повышение оплаты труда, обеспечение равных возможностей для карьерного роста — все это способы содействия достижению полного равноправия. Создание сетей поддержки, объединение общественных организаций и активистов, а также вовлечение бизнес-сообщества в решение проблем гендерного неравенства — это также важные шаги на пути к цели.

В общем, будущее развития и достижения полного равноправия между мужчинами и женщинами в России зависит от совместных усилий государства, общества и каждого индивида. Претворение в жизнь предложений по ликвидации дискриминации, поддержке женщин и обеспечению равных возможностей для всех является ключом к формированию более честного и прогрессивного общества. Важно стремиться к созданию условий, которые позволят каждому человеку, независимо от пола, реализовать свой потенциал и внести вклад в общий прогресс.

Литература:

1. Конституция РФ. Герб. Гимн. Флаг: с изменениями на 2015 год. — М.: Эксмо, 2015. — 64 с.
2. Аитова, с. И., Ларинбаева, И. И. Дискриминация по половому признаку в сфере уголовного права / С. И. Аитова, И. И. Ларинбаева [Текст] // — Уфа, 2023. — С. 120–123.
3. Джанибекова, Н. А. Эволюция борьбы за гендерное равенство / Н. А. Джанибекова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 12 (116). — С. 596–597
4. Кирпичникова Анастасия. конституционно-правового принципа «гендерного» равенства в России [Текст] / Кирпичникова Анастасия // — 202. — № . — С.
5. Попова Надежда. Почему в СССР было гендерное равноправие, а потом его не стало / Попова Надежда [Электронный ресурс] //: [сайт]. — URL: <https://burninghut.ru/pochemu-v-sssr-bylo-gendernoe-ravnopravie-a-potom-ego-ne-stalo/>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. — М.: Проспект, 2019. — 336 с.

Тактика производства осмотра места происшествия на предварительном расследовании

Вознесенская Алиса Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Жилыева Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Ключевые слова: *осмотр места происшествия, расследование, преступление, опрос свидетелей, особенность, следователь, специалисты.*

Осмотр места происшествия на предварительном расследовании представляет собой срочное следственное действие, заключающееся в непосредственном изучении и фиксации следов и объектов на месте происшествия с целью получения фактических данных, важных для дела.

Осмотр места происшествия характеризуется тем, что следователь лично изучает и регистрирует обстановку на месте происшествия, а также обнаруженные следы и предметы, которые могут быть важными для расследования.

Осмотр места происшествия, безусловно, является крайне важным и немедленным следственным действием, результат его тщательного проведения определяет успешное раскрытие и последующее расследование преступления. Цель осмотра заключается в воссоздании хода происшествия, обнаружении оставшихся следов, которые могут помочь сформировать профиль преступника по антропологическим, биологическим и психологическим характеристикам, что заложит основу для его выявления. Эффективное извлечение такой информации требует

участия опытного следователя, квалифицированных специалистов и сотрудников правоохранительных органов.

Ошибки, допущенные в ходе первоначального осмотра, могут быть крайне трудно исправимыми, а иногда вообще не поддаются исправлению.

Осмотр, как правило, начинают с установления границ. Если этот этап пропустить, то следователь, во-первых, потратит значительно больше времени на осмотр, во-вторых, тем самым усложнит себе все проведение осмотра.

Определение границ, для каждого преступления индивидуально. Если убийство произошло на открытой территории, то граница будет заканчиваться там, где прекращается нахождение видимых признаков происшествия. На улице в городе границы устанавливаются там, где начинаются автодороги, метро, железные дороги, определенные здания и различные сооружения. В пределах границы обязательно устанавливается ориентир, например, памятники или архитектурные сооружения. Если преступление совершено в квартире, то и граница обозначается пределами этой же квартиры.

Далее начинается более подробный осмотр места происшествия, в который входят как общие действия, характерные для осмотра места происшествия на предварительном расследовании большинства преступлений, так и специальные — то есть частные особенности в зависимости от вида преступления.

К общим этапам осмотра относятся следующие аспекты:

1. Сохранение улик и следов, соблюдение процедур. При осмотре места происшествия необходимо тщательно фиксировать и документировать все улики и следы, связанные с преступлением. Это включает сбор физических улик (волос, кожу, одежду), фото- и видеофиксацию места происшествия, а также другие детали, которые могут помочь в расследовании. Это подразумевает правильный сбор, маркировку и хранение улик, а также корректное ведение документации.

2. Изучение окружения и контекста. Осмотр места включает изучение окружающего происшествия. Это может включать просмотр камер видеонаблюдения, наличие свидетелей, анализ расположения предметов, особенностей помещения или улицы, световых условий, которые могут быть важными для понимания хода событий.

3. Координация с различными специалистами. При осмотре места происшествия необходимо сотрудничать с различными специалистами, такими как следователи, медицинские работники, психологи, пиротехники, криминалисты, юристы. Состав данных специалистов отличен от случая к случаю, но взаимодействие с ними в любой ситуации играет важную роль в обеспечении корректного расследования и оказания помощи пострадавшим.

4. Тщательный анализ и расследование. После проведения осмотра места происшествия необходимо тщательно проанализировать все полученные улики и следы, чтобы дать полное представление о случившемся и выявить виновных.

Важность осмотра места происшествия на предварительном расследовании особенно велика при расследовании преступлений с неочевидными обстоятельствами, таких как:

- убийства,
- применение взрывных устройств,

- изнасилования,
- похищения людей,
- кражи и другие.

Например, при проведении осмотра места преступления при убийстве следователи и специалисты сталкиваются с рядом таких особенностей, которые имеют решающее значение для успешного расследования:

1. Подход с особой осторожностью и уважением: При осмотре места убийства следователи должны подходить со всей ответственностью и уважением к жертве. Это помогает не только сохранить уважение к человеческой жизни, но и аккуратно обращаться с доказательствами.

2. Следственные экспертизы и дополнительные методы: После осмотра места убийства и сбора данных проводятся различные следственные экспертизы и дополнительные методы исследования, например, баллистическая экспертиза, генетическая экспертиза или токсикологические анализы, чтобы получить дополнительные доказательства и установить обстоятельства преступления более точно.

Осмотр места происшествия при обнаружении взрывных устройств требует особого подхода и осторожности в связи с тем, что наличие взрывчатых веществ делает ситуацию очень опасной.

В частности необходимо учесть следующие особенности:

1. Безопасность. При обнаружении взрывных устройств в первую очередь нужно обеспечить безопасность всех присутствующих на месте происшествия, включая сотрудников правоохранительных органов, спасателей и гражданских лиц. Важно соблюдать противопожарные и противовзрывные меры безопасности.

2. Соблюдение цепи сохранения улик. Улики и следы, связанные с взрывными устройствами, должны быть собраны и зафиксированы с соблюдением всех процедур и цепей сохранения, чтобы избежать искажения доказательств.

3. Очистка места происшествия. После проведения осмотра места происшествия и обезвреживания взрывных устройств следует провести тщательную очистку и дезинфекцию территории, чтобы вернуть обычный режим работы и жизни.

В свою очередь осмотр места происшествия при случае изнасилования требует не меньшего внимания и профессионализма, так как это серьезное нарушение личной сферы жертвы. К отдельной важной особенности в данном случае относят поддержку жертвы. Важно обеспечить помощь и заботу о жертве во время осмотра места происшествия. Это может включать в себя психологическую поддержку, медицинскую помощь и конфиденциальное обращение с жертвой, чтобы минимизировать ее травматический опыт.

При расследовании такого преступления, как похищение людей важно учитывать в первую очередь информацию о последних действиях и местонахождении похищенного лица. Это может включать разговор со свидетелями, сотрудничество с операторами видеонаблюдения, проверку телефонных записей и т.д.

При выявлении виновных лиц в процессе осмотра места происшествия при краже следует учитывать иные особенности:

1. Опрос свидетелей. Важным этапом осмотра является опрос свидетелей, если таковые имеются. Их показания могут дать ценную информацию о деталях происшествия, приме-

ченных лицах или транспортных средствах, что важно для дальнейшего расследования.

2. Исследование характера кражи. Эксперты обращают внимание на характер кражи, способ вторжения или проникновения, использованные средства для совершения преступления, что может помочь в дальнейшем расследовании.

Таким образом, правильная и компетентная организация осмотра места происшествия на предварительном расследо-

вании является краеугольным камнем в раскрытии преступлений. Важность осмотра места преступления заключается не только в выявлении следов и улик, но и в создании полной и достоверной картины произошедшего события. Только правильно проведенный осмотр места происшествия и соблюдение всех технических и методических аспектов поможет следователям и экспертам правильно интерпретировать полученные данные и прийти до объективного вывода.

Литература:

1. Брюханов А. К., Гриценко А. А. «Основы криминалистической тактики и методики расследования преступлений». — М.: Юристъ, 2008.
2. Жуков В. П. «Курс следственной тактики». — М.: Проспект, 2016.
3. Андреев В. И., Коннова И. В. «Техника первичных следственных действий». — СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.
4. Голикова М. с. «Производство осмотра места происшествия». — М.: Норма, 2013.

Применение цифровизации в криминалистике: современное состояние и перспективы развития

Вознесенская Алиса Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Жилыева Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Ключевые слова: цифровая криминалистика, цифровизация, технологии, киберкриминалистика, ключевая роль, цифровая информация.

В настоящее время одной из основных тенденций развития общества является его глобальная цифровизация. С каждым днем становится все более явной необходимость адаптации к новым цифровым реалиям, поскольку цифровизация проникает во все сферы общественных отношений, укрепляя свою позицию как неотъемлемая часть современного мира.

Актуальность данного аспекта свидетельствует о значительном влиянии цифровизации на современную жизнь общества. Неоспоримо, что современные информационно-коммуникационные технологии играют ключевую роль в повседневной жизни людей. Например, возможность использовать сканер идентификации человека по объемно-пространственным характеристикам его лица Face ID и датчика идентификации по отпечатку пальца Touch ID стала неотъемлемой частью современных смартфонов, обеспечивая безопасность и удобство в повседневных операциях.

Безусловно, не остаётся в стороне и сфера криминалистики и уголовного права. Цифровизация в криминалистике представляет собой процесс внедрения современных цифровых технологий и методов работы с электронными данными в уголовно-правовую сферу. Это включает в себя использование специализированного программного и аппаратного обеспечения для анализа и обработки цифровой информации с целью раскрытия и предотвращения преступлений.

Значение цифровизации для современной криминалистики нельзя переоценить. Благодаря применению цифровых технологий, специалисты в области уголовного правосудия получают возможность эффективнее и точнее проводить анализ улик, собирать доказательства и выявлять тончайшие следы преступлений. Важным аспектом является также возможность хранения и передачи информации в цифровом формате, что обеспечивает сохранность и доступность данных на протяжении всего уголовного процесса.

Стоит отметить, что на данном этапе в современной криминалистике наблюдается активное использование цифровых технологий, что упрощает работу и добавляет эффективности в расследовании преступлений. Это приводит к появлению новых понятий, таких как цифровая криминалистика, информатизация и технологизация. Важное значение приобретает изучение и внедрение цифровых процессов, систем и технологий в криминалистическую практику.

В УК РФ также содержатся положения о цифровой преступности, и введены специфические методики расследования таких преступлений. Например, требуется привлечение специалистов для работы с компьютерной техникой, использованной при совершении преступлений. Введены изменения в уголовно-процессуальный кодекс о методах изъятия и копирования информации с электронных носителей.

Современное состояние применения цифровизации в криминалистике является важным и эффективным направлением, которое значительно повышает эффективность расследования преступлений, позволяя экспертам криминалистики эффективно собирать, анализировать и интерпретировать цифровые данные, что значительно ускоряет и улучшает процесс раскрытия преступлений.

В цифровой криминалистике существует широкий спектр видов цифровизации, которые применяются для эффективного расследования преступлений. К основным типам цифровизации в криминалистике относятся:

- цифровая дактилоскопия;
- цифровая обработка;
- аудиоцифрование;
- киберкриминалистика;
- мобильная цифровизация.

Цифровая дактилоскопия представляет собой вид цифровизации, который используется для анализа и идентификации отпечатков пальцев. Цифровая дактилоскопия обладает рядом преимуществ перед традиционными методами сбора и хранения информации об отпечатках пальцев. Это включает в себя более быстрый и точный процесс идентификации, возможность автоматизации изучения данных и увеличение эффективности работы экспертов криминалистики.

Касаемо цифровой обработки видеоматериалов, ясно, что данные технологии позволяют анализировать видеозаписи с места преступления, улучшать качество изображения, делать медленные кадры и применять другие методы обработки для выявления дополнительных деталей, которые могут быть важными для расследования.

Аудиоцифрование применяется для анализа и обработки аудиозаписей. Эксперты могут использовать специальные программы для улучшения качества звука, выявления скрытых звуков или голосов, а также для проведения лингвистического анализа голоса.

Киберкриминалистика, или цифровая криминалистика в интернете, становится все более важной в мире, где технологии играют центральную роль в нашей жизни. Эта область криминалистики фокусируется на использовании цифровых технологий для исследования и борьбы с киберпреступлениями, которые включают в себя широкий спектр преступных действий, совершаемых через интернет.

Киберпреступления могут включать в себя такие виды преступной деятельности, как фишинг, хакерские атаки, кибермошенничество, распространение вредоносного программного обеспечения, кибершпионаж, кибертерроризм и многое другое. Эти виды преступлений могут нанести серьезный ущерб как отдельным лицам, так и организациям, включая государственные учреждения и крупные корпорации, что ещё раз подтверждает важность развития данной сферы.

Специалисты по киберкриминалистике работают над изучением и анализом цифровых следов, оставленных преступниками в интернете. Они проводят расследования, собирают доказательства, восстанавливают атаки и идентифицируют виновных лиц. Для этого им приходится использовать специализированные инструменты и методики, а также следить за по-

стоянно изменяющимися технологиями и методами атаки киберпреступников.

Цифровая криминалистика в интернете играет ключевую роль в обеспечении безопасности информационных систем и защите личных данных пользователей. Ее значимость будет продолжать расти в условиях все возрастающей цифровизации общества и экономики. Кадры, обладающие навыками в области киберкриминалистики, становятся все более ценными для управления кибербезопасностью и борьбы с киберугрозами.

В свою очередь мобильная цифровизация в криминалистике также становится неотъемлемой частью современного расследования преступлений. С каждым днем мобильные устройства играют все более важную роль в криминальных делах, поскольку содержат огромное количество цифровой информации, которая может стать ключом к раскрытию преступлений и выявлению виновных.

Эксперты по кибербезопасности и цифровой криминалистике могут проводить извлечение цифровых данных с мобильных телефонов, планшетов, ноутбуков и других устройств. Этот процесс включает в себя сбор информации, анализ файлов, восстановление удаленных данных, изучение метаданных и многое другое. Полученные данные могут включать в себя текстовые сообщения, фотографии, видео, записи звонков, локационные данные, историю просмотра в интернете и многое другое.

Анализ этих данных может помочь в определении местоположения подозреваемого в момент совершения преступления, его общения с соучастниками, планирования и предпринимаемых действий. Благодаря использованию специализированного программного обеспечения и методик работы с цифровыми устройствами, эксперты могут обеспечить правильность и точность получаемых данных.

Касаемо перспектив развития важно отметить, что цифровизация в криминалистике непрерывно развивается, принося с собой новые технологии и методы анализа данных, которые значительно улучшают эффективность и точность расследований преступлений. Одним из важных аспектов в этом развитии является использование новейших технологий и методов анализа данных.

Новейшие технологии, такие как big data, облачные вычисления, виртуализация данных и интернет вещей, предоставляют огромные возможности для сбора, хранения и анализа больших объемов данных, что позволяет криминалистам быстрее и точнее выявлять улики и раскрывать преступления.

Роль и значимость искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (МО) в криминалистике становятся все более важными. Алгоритмы ИИ и МО могут использоваться для автоматического анализа криминалистических данных, выявления связей и паттернов, а также для предсказания возможных сценариев преступлений. Это существенно ускоряет процесс расследования и обеспечивает более точные результаты.

Тенденции развития цифровых технологий в криминалистике также включают в себя расширение использования цифровых следов, таких как данные с мобильных устройств, интернет-трафика, видеонаблюдения и других источников. Кроме того, важными направлениями развития являются киберкри-

миналистика, которая была упомянута ранее, использование блокчейн-технологии для обеспечения цифровой безопасности и применение робототехники в криминалистике.

Таким образом, с учетом вышеуказанного, можно с уверенностью сказать, что дальнейшее развитие цифровизации в кри-

миналистике, несомненно, важно и будет сосредоточено на улучшении технологий и методов анализа данных, интеграции искусственного интеллекта и машинного обучения, а также на развитии специализированных инструментов для эффективного расследования различных видов преступлений.

Литература:

1. Бардина, Ю.В., Юрьев, А.В., Иванов, А.Д. и др. Применение цифровой криминалистики в расследовании преступлений. // Международный научный журнал, 2019.
2. Смирнов, В. И. Цифровые технологии в криминалистике: современное состояние и перспективы развития. // Материалы конференции «Инновации в правоохранительной деятельности», 2020.
3. Петрова, Е. Н. Киберкриминалистика: актуальные проблемы и перспективы развития. // Журнал «Криминалистика сегодня», 2018.
4. Андреева, О. П. Цифровизация уголовного правосудия: вызовы и перспективы. // Сборник «Современные тенденции правовой науки», 2021.

Предупреждение несостоятельности (банкротства) кредитных организаций

Газимагомедов Арсен Шейхович, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Банк России осуществляет анализ деятельности кредитных организаций (банковских групп) в целях выявления ситуаций, угрожающих законным интересам их вкладчиков и кредиторов, стабильности банковской системы Российской Федерации. Необходимость особого правового регулирования отношений, связанных с банкротством кредитных организаций, продиктована тем, что в отличие от большинства других коммерческих организаций, кредитные организации обладают частично ограниченной специальной правоспособностью, в рамках которой они могут осуществлять предусмотренные лицензией банковские операции как исключительный вид деятельности, сопутствующие им виды деятельности, а также деятельность на рынке ценных бумаг.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, банкротство, кредитные организации, кредиторы, особенности.

Избежать банкротства компании можно как на досудебном этапе, так и в период, когда процесс признания предприятия несостоятельным начался. Управленцы фирмы и другие заинтересованные лица выявляют эффективные способы по возврату нестабильной компании платежеспособности. Для кредитных организаций и компаний в стратегической отрасли определены добавочные способы по предотвращению несостоятельности. Они реализуются управленцами компании и другими заинтересованными лицами до подачи заявления в судебную инстанцию.

К преимуществам досудебного восстановления платежеспособности можно отнести то, что оно проводится по решению учредителей (участников) должника и может быть применено более оперативно, нежели судебные восстановительные процедуры. Предупреждение банкротства — деятельность учредителя (участников) должника, а в установленных законом случаях и иных лиц по реализации комплекса мероприятий, осуществляемых до возбуждения дела о банкротстве и направленных на восстановление платежеспособности должника.

Мероприятия по предупреждению банкротства в узком смысле — это меры, направленные на недопущение судебного разбирательства, т.е. меры, связанные с устранением самих условий для обращения в суд с заявлением о банкротстве должника.

Характерная черта банкротства кредитных организаций — широкие полномочия Банка России. Банк России обязательно участвует в деле о банкротстве кредитной организации; вправе обращаться с заявлением о признании кредитной организации банкротом, в случаях, когда он не является ее кредитором; аккредитует арбитражных управляющих [5] в качестве конкурсных управляющих при Банке России; согласовывает промежуточный ликвидационный баланс, ликвидационный баланс кредитной организации и др. Анализ правового регулирования показывает, что банкротство кредитных организаций в зависимости от участия арбитражного суда предполагает проведение двух видов процедур: досудебных и судебных. Банк России как орган банковского регулирования и надзора вправе потребовать от кредитной организации осуществления мер по ее финансовому оздоровлению, реорганизации, а также назначить временную администрацию по управлению кредитной организацией [1]. Судебные процедуры банкротства вводятся, контролируются и прекращаются арбитражным судом [6, с. 26].

Согласно статье 189.9 Закона о банкротстве [2], перед аннулированием лицензии на проведение банковских операций, предпринимаются определенные шаги для предотвращения банкротства финансовых учреждений (досудебные процедуры). К таким мерам относятся [2, ст. 189.9]:

1. Финансовое оздоровление кредитной организации.
2. Установление временного управления для руководства кредитной организацией.
3. Процесс реорганизации финансового учреждения.
4. Действия, направленные на предотвращение банкротства финансового учреждения, имеющего разрешение на привлечение средств физических лиц в виде вкладов и ведение их банковских счетов, проводимые с участием Агентства по страхованию вкладов.

В случае рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве финансового учреждения, применяется процедура конкурсного производства. Давайте подробнее рассмотрим меры, направленные на предотвращение банкротства финансовых учреждений. По действующему законодательству, такие меры включают в себя ограничение полномочий управленческих органов финансового учреждения в отношении распоряжения активами. Размер ограничений зависит от финансового состояния учреждения и мер, принимаемых в его отношении Центральным Банком России.

Минимальные ограничения могут быть наложены на ранней стадии ухудшения финансового состояния учреждения, основываясь на следующих критериях:

- Повторное неисполнение требований кредиторов по денежным обязательствам и/или неуплата обязательных платежей в течение последних шести месяцев в срок до трех дней после наступления срока их выполнения из-за отсутствия или недостатка средств на корреспондентских счетах.
- Невыполнение требований кредиторов по денежным обязательствам и/или неуплата обязательных платежей в сроки, превышающие три дня с момента наступления срока их удовлетворения и/или выполнения, связанные с отсутствием или недостатком средств на корреспондентских счетах.
- Снижение собственных средств более чем на 20% по сравнению с максимальной величиной за последние 12 месяцев при одновременном нарушении одного из обязательных нормативов.
- Нарушение нормативов достаточности собственных средств (капитала).
- Нарушение норматива текущей ликвидности более чем на 10% в течение последнего месяца.
- Уменьшение собственных средств (капитала) ниже уставного капитала, определенного учредительными документами, по итогам отчетного месяца.

Основные цели мероприятий по финансовому оздоровлению заключаются в восстановлении собственного капитала финансового учреждения до уровня, обеспечивающего выполнение экономических нормативов, и возвращении учреждения к нормальной и устойчивой работе. В рамках финансового восстановления могут быть предприняты следующие шаги:

- Предоставление финансовой помощи финансовому учреждению его учредителями и другими лицами.
- Изменение структуры активов и пассивов.
- Изменение организационной структуры.
- Приведение в соответствие уставного капитала с размером собственных средств.
- Прочие меры, предусмотренные Законом о банкротстве.

Оценивая таким образом процедуры предупреждения банкротства, следует исходить из того, что существо, содержание первично, а форма, процедура производна, вторична, поэтому несмотря на то, что суд еще не принял заявление о признании должника банкротом, не возбудил производство по делу о банкротстве, однако лицами, заинтересованными в восстановлении платежеспособности должника принимаются соответствующие меры, по существу, проводится процедура предупреждения банкротства, имеются все основания считать такие действия специальной процедурой банкротства.

Таким образом к основным мерам по предупреждению банкротства можно отнести следующие:

Контроль над долгами перед кредиторами. Компания не должна допускать накопления задолженностей. Большое количество долгов — высокие риски банкротства. Следует погашать краткосрочные долги. Нужно соблюдать сроки расчетов. Для контроля над сроками имеет смысл автоматизировать контроль над задолженностями. Для этого создаются специальные таблицы.

Контроль над задолженностями дебиторов. Практически у каждой компании есть дебиторы. Возврат их задолженностей является одним из источников финансирования деятельности фирмы. Имеет смысл заняться организацией работы с дебиторами. Она включает в себя составление перечня долгов, рассылку уведомлений дебиторам, подачу исков в суд о взыскании задолженностей

Оптимизация» деятельности фирмы. Требуется провести анализ вертикальных и горизонтальных управленческих связей. Проводится реорганизация дочерних организаций, между ними распределяются денежные средства и рабочие функции.

Анализ ликвидности собственности фирмы. После анализа осуществляется продажа активов. Полученные средства можно направить на покрытие имеющихся задолженностей.

Поиск кредиторов. Кредиторы могут быть государственными или частными. Полученные от них деньги позволят покрыть имеющиеся задолженности и вложить деньги для дальнейшей работы организации.

Взыскание задолженностей с покупателей. Компания может отгружать продукции в кредит. В этом случае нужно организовывать работу с покупателями. Проводится взыскание долгов.

Увеличение размера уставного капитала. Позволяет фирме получить взносы в денежной форме.

Эмиссия акций фирмы. Позволяет привлечь дополнительные деньги в форме вступительных взносов от новых участников.

Поиск частных инвесторов. Имеет смысл искать инвесторов, интересующихся отраслью, в которой работает фирма.

Из перечисленных мер можно сделать вывод о том, что главная цель всех мер по предотвращению банкротства — привлечение новых денежных средств. Привлекаться они могут разными способами: обращение к новым инвесторам, работа с дебиторами, выпуск акций. Имеет смысл также оптимизировать имеющиеся задолженности [11].

К сожалению, действующие правила, регулирующие предотвращение банкротства финансовых институтов, не всегда

оказываются эффективными. Кредитные организации, столкнувшиеся с финансовыми проблемами, часто отдают предпочтение другим методам, вместо предложенных процедур финансового оздоровления или реорганизации. В реальности, перед началом процедур банкротства, кредиторы могут столкнуться с моральным и материальным ущербом, в том числе из-за неправомерных действий со стороны руководства организации и других участников процесса. Зачастую, до того как в банке начинают проявляться явные признаки кризиса, банковский бизнес уже отчуждается от своих активов. Примерно

половина банков к моменту аннулирования лицензии теряют своих вкладчиков и корпоративных клиентов, лишаются активов и фактически прекращают осуществление банковских операций. Обычно для банков, обанкротившихся, характерно наличие активов, которые в большей степени или полностью состоят из необеспеченных кредитов и векселей, выданных несуществующим организациям. Анализ таких активов часто показывает, что они были созданы искусственно через внутренние транзакции с участием технологических компаний банка в рамках сомнительных сделок.

Литература:

1. Тарасенко О. А. Предпринимательская деятельность субъектов банковской системы России (правовой аспект): автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2014, С. 13.
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N127-ФЗ (последняя редакция).
3. Тарасенко О. А. Банкротство кредитных организаций: особенности и проблемы правового регулирования: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2016, С. 85–94.
4. Иваненко Н. А. О правовой природе производства по делам о несостоятельности (банкротстве) (на примере дел о банкротстве кредитных организаций) // Российское правосудие. 2019. № 6. С. 82–87.
5. Шишмарева Т. П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. — М.: Статут, 2015.
6. Юлова Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) кредитных организаций: дис... канд. юрид. наук. — М., 2004.
7. Меры по предупреждению банкротства. Санация. — Текст: электронный // StudFiles: [сайт]. — URL: <https://studfile.net/preview/16729300/page:5/> (дата обращения: 04.05.2024).
8. Предупреждение банкротства юридических лиц. — Текст: электронный // Правовое решение: [сайт]. — URL: <https://pp-srv.ru/trudovoe-pravo/3467-preduprezhdenie-bankrotstva-yuridicheskikh-lic.html> (дата обращения: 03.05.2024).
9. Какие существуют меры для предупреждения банкротства. — Текст: электронный // Ассистентус: [сайт]. — URL: <https://assistentus.ru/bankrotstvo/meru-dlya-preduprezhdeniya/> (дата обращения: 04.05.2024).
10. Как избежать банкротства юридического лица. — Текст: электронный // Юристика: [сайт]. — URL: <https://eclipse-space.ru/pravovye-stati/6511-kak-izbezhat-bankrotstva-yuridicheskogo-lica.html> (дата обращения: 05.05.2024).
11. Попондуполо В. Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 42.

К вопросу о месте дистрибьюторского договора в системе гражданско-правовых договоров

Гареева Анна Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Толстикова Ольга Михайловна, кандидат юридических наук, доцент

Иркутский государственный университет

В статье автор анализирует проблемы правового регулирования дистрибьюторского договора, определения места в системе гражданско-правовых договоров.

Ключевые слова: дистрибьюторский договор, смешанный договор, непоименованный договор, дилерский договор, организационный договор.

Категория дистрибьюторского договора, регулирующая отношения между участниками гражданского оборота в рамках дистрибьюторской деятельности, получила широкое применение в российской правовой системе, однако, что примечательно, специальное правовое регулирование дистрибьюторских отношений и по сей день отсутствует, кроме того,

в литературе нет единства мнений среди исследователей относительно правовой природы дистрибьюторского договора.

Рассматривая сущность дистрибьюторского договора, М. Н. Илюшина приходит к выводу о том, что такой договор необходимо относить к группе непоименованных, не имеющих специального гражданско-правового регулирования [6, с. 35].

Аналогичное мнение высказывает А. М. Партин, дополняя его указанием на отнесение дистрибьюторского договора к группе договорных конструкций, предметом которых является оказание услуг [9, с. 10].

В качестве договора особого рода дистрибьюторское соглашение предлагает рассматривать А. В. Руденко, отмечая, что его нельзя квалифицировать в качестве смешанного [11, с. 10].

Напротив, по мнению В. А. Масловой дистрибьюторский договор является непоименованным смешанным договором, поскольку сочетает в себе признаки договора поставки, а также элементы, которые не относятся ни к одной известной закону договорной конструкции [8, с. 50].

В качестве смешанного дистрибьюторский договор рассматривает М. Л. Варданян, указывая, что таковой обладает признаками договора купли-продажи, поставки, перевозки, коммерческой концессии и других [2, с. 20].

На практике же проблематика дистрибьюторского договора разрешается, как отмечают исследователи, по-разному [10, с. 47]. Так, в случае возникновения спора по поводу поставки товара с нарушением срока, то договор квалифицируется как договор поставки, следовательно, применению подлежат нормы, регламентирующие соответствующие правоотношения поставки [3, с. 172]. В случае нарушения требований относительно хранения товара дистрибьютором, отношения рассматриваются как входящие в предмет договора хранения [12, с. 210].

Исходя из сказанного возможно заключить, что дистрибьюторский договор, не имея собственного правового регулирования, в зависимости от конкретных обстоятельств трактуется по-разному.

Важнейшим отличительным признаком дистрибьюторского договора от иных договорных конструкций выступает то, что он отражает специфический характер взаимосвязи поставщика (производителя) и дистрибьютора. Следовательно, такой договор нельзя квалифицировать в качестве смешанного, так как он характеризуется стабильностью отношений.

Анализ правовой природы дистрибьюторского договора позволяет сделать некоторые выводы относительно различий такого соглашения и иных договорных конструкций.

Большая часть действующих договоров имеют формальное ограничение по срокам функционирования, дистрибьюторский же договор рассчитан на продолжительный период действия отношений между контрагентами.

В соответствии с дистрибьюторским договором обе стороны его получают прибыль: производитель создает товар и направляет его дистрибьютору, а последний, ничего не производя, но реализуя поставленный товар, приобретает прибыль от разницы между стоимостью товара, полученного от производителя, и конечной стоимостью проданного товара [5, с. 107].

Вне зависимости от того, что дистрибьюторский договор не имеет собственного закрепления в действующем гражданском

законодательстве, он должен быть оформлен соответствующим образом.

В правовой системе российского государства существуют и иные договорные конструкции, не получившие специального закрепления. К примеру, речь здесь идет о разновидностях договора франчайзинга, в частности, товарного, который имеет много общих черт с дистрибьюторским договором. В соответствии с договором товарного франчайзинга правообладатель передает исключительное право распространения своей продукции на определенной территории.

Некоторыми исследователями предлагается разграничение данных конструкций по признаку того, что при дистрибуции происходит возмездное оказание услуг производителю по рекламе, продвижению, сбыту товаров [1, с. 16]. Однако необходимо отметить, что законом не устанавливается ограничений относительно обязанностей пользователя по договору франчайзинга аналогичного характера.

По нашему мнению, основополагающим различием этих договорных конструкций выступает то, что при концессии реклама, продвижение товара, нахождение новых путей сбыта должны исполняться в рамках единой сети в качестве совместной работы, при дистрибуции такого не происходит — дистрибьютор осуществляет самостоятельно подобные действия и они неотделимы от его деятельности в силу ее специфического характера.

Специфический характер устойчивости дистрибьюторских отношений дает основание полагать, что такие отношения имеют организационно-правовую природу.

Как и организационный договор, дистрибьюторский договор имеет своей целью установление устойчивого функционирования системы сбыта продукции на конкретной территории. При этом дистрибьюторский договор предполагает не только установление товарообмена, поскольку право собственности на продукцию возникает у дистрибьютора на короткий срок до момента продажи окончательному покупателю. Кроме того, система отношений становится тем эффективнее, чем короче будет срок нахождения товара у дистрибьютора. Такой договор предполагает взаимное сотрудничество сторон, детально регулирует действия сторон на каждой из процедур исполнения договора [7, с. 119].

Схожей с дистрибьюторским является дилерский договор, в соответствии с которым производитель автотранспортного средства передает его дилеру для реализации в розницу [4, с. 123]. Однако для дилерского договора специфичен субъектный состав: договор заключается между дистрибьютором и дилером.

По условиям дилерский и дистрибьюторский договор совпадают: дилер имеет обязательство приобретать товары у производителя (дистрибьютора) и реализовывать третьим лицам от своего имени и за свой счет, а контрагент согласовывает как реализуется поставка товара дилеру.

Литература:

1. Андреева, С. А. Квалификация дистрибьюторского договора по российскому праву и отграничение от смежных договорных конструкций / С. А. Андреева // Конкурентное право. — 2013. — № 3. — С. 16.

- Варданын, М.Л. Дистрибьюторский договор как форма осуществления иностранными компаниями предпринимательской деятельности России / М.Л. Варданын // Законодательство и экономика. — 2008. — № 8. — С. 20.
- Доронькина, В. Ю. К вопросу о дистрибьюторском договоре / В.Ю. Доронькина // Наука сегодня. Ключевые проблемы и перспективы развития. 17–20 декабря 2015, г. Санкт-Петербург — СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2015. — С. 169–191.
- Егорова, М.А. Коммерческое право: Учебник для вузов / М.А. Егорова. — М.: РАНХиГС при Президенте РФ, Статут, 2013. — 640 с.
- Ибрагимова, Р.Р. Стороны дистрибьюторского договора / Р.Р. Ибрагимова, О.А. Османов // Государственная служба и кадры. — 2019. — № 3. — С. 107–108.
- Илюшина, М. Н. О новых договорных конструкциях в коммерческом обороте / М. Н. Илюшина // Вестник Российской правовой академии. — 2007. — № 3. — С. 34–36.
- Каширина, Т. Дистрибьюторский договор как разновидность организационного договора / Т. Каширина // Хозяйство и право. — 2015. — № 5(460). — С. 116–122.
- Маслова, В. А. Место дистрибьюторского договора в системе торговых договоров / В. А. Маслова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2011. — № 3. — С. 49–64.
- Партин, А.М. Правовая природа дистрибьюторских соглашений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. М. Партин. — М., 2010. — 33 с.
- Родионова, А.Ю. Роль дистрибьюторского договора в системе Гражданско-правовых договоров российской Федерации / А.Ю. Родионова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 10–4(49). — С. 47–51.
- Руденко А.В. Дистрибьюторский договор как правовой инструмент организации сбыта товаров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Руденко. — М., 2011. — 28 с.
- Стригунова, Д. П. К вопросу о правовой природе дистрибьюторского договора / Д.П. Стригунова // Вестник Университета. — 2015. — № 6. — С. 210–213.

Особенности участия органов публичной власти в арбитражном процессе

Гильмутдинова Аделина Айдаровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Смирнов Николай Наилевич, кандидат юридических наук, доцент

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье отражены основные особенности правового регулирования участия органов государственной власти в арбитражном процессе в качестве истцов, ответчиков и третьих лиц.

Ключевые слова: арбитражный суд, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, органы государственной власти, судебная практика.

В современной России вопросы эффективности государственной власти связаны с разделением ее на законодательную, исполнительную и судебную.

Эффективность российского правосудия во многом зависит, в частности, от того, насколько государство в лице своих органов способно осуществлять свои полномочия по защите прав, свобод и интересов других лиц, реализуя тем самым правозащитную (правоохранительную) функцию.

В настоящее время наблюдается тенденция усиления участия государства в различных сферах жизнедеятельности, что естественным образом отражается и на процессуальных отношениях. В данном случае речь идет об арбитражном процессе.

Наравне с гражданами, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями в лице Российской Федерации и муниципальных образований субъектами гражданских процессуальных отношений являются также субъекты Российской Федерации и иные субъекты публичной власти [11, с. 53].

Действующее процессуальное законодательство предусматривало возможность участия публичных органов власти в ар-

битражном процессе в качестве истцов, ответчиков и третьих лиц. Вместе с тем, в связи с особым правовым статусом органов публичной власти процессуальное законодательство закрепляет некоторые специфичные нормы, подчеркивающие публичность отношений, возникающих в связи с их участием [6, с. 155].

Из диспозиции статьи 53 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) [1] следует, что возможность обращения органа публичной власти допускается лишь с целью защиты публичных интересов.

Под публичным интересом в современной юридической литературе следует понимать признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития [7, с. 85]. По мнению Е. С. Смагиной, цель участия государства в цивилистическом процессе заключается в защите государственных интересов, отражающих интересы общественные, приобретающие свойство публичности через отражение в праве и обеспечение их реализации государством [9, с. 28].

Указанное понятие не имеет легального определения в арбитражном процессуальном законодательстве, однако его можно расширенно толковать в части возможного участия органов государственной власти в судебных делах [7, с. 65]. Вместе с тем из пункта 75 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» следует, что под публичными интересами следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды [2].

Поскольку необходимость защиты публичного интереса следует рассматривать как основание, допускающее возможность обращения в суд органов публичной власти, то такая защита является возможностью защиты прав и интересов неопределенного круга лиц. Изложенное исходит из смысла статьи 53 АПК РФ. При этом, процессуальное законодательство не содержит прямого указания на защиту чужих прав и интересов.

При обращении в защиту публичных интересов публичные органы власти реализуют свою компетенцию и властные полномочия, при этом не являясь непосредственными выгодоприобретателями, так как предъявленные ими требования направлены на защиту публичных интересов.

При этом формулировки статьи 53 АПК РФ содержат отсылочный характер к нормам федерального законодательства, в котором должна предусматриваться возможность обращения государственного или муниципального органа в арбитражный суд за защитой публичного интереса. В этой связи, в отношении вопросов защиты чужих прав и интересов в действующем законодательстве наметилась тенденция сокращения оснований для обращения в арбитражный суд со стороны федеральных, государственных и муниципальных органов власти.

С учетом изложенного и исходя из диспозиции норм арбитражно-процессуального законодательства следует понимать, что органы публичной власти могут выступать истцами, ответчиками и привлекаться в качестве третьих лиц для участия в процессе. Правовой статус органов публичной власти соответствует правовому статусу конкретной стороны спора, поскольку указанное исходит из принципа равноправия и состязательности, следовательно, органы публичной власти осуществляют все права обязанности, предусмотренные главой 5 АПК РФ.

Порядок обращения в арбитражный суд публичных органов власти в порядке статьи 53 АПК РФ подчинен общему порядку, определенному в арбитражном процессуальном законодательстве. В обращении заявителей должно быть указано, в чем заключается нарушение публичных интересов или прав и (или) законных интересов других лиц, послужившее основанием для обращения в арбитражный суд. На заявителе лежит бремя доказывания заявленных требований. Лицо, предъявившее исковое заявление, несет обязанности и пользуется правами истца. Отказ органа от предъявленного им иска не лишает истца права требовать рассмотрения дела по существу, поскольку в делах о защите прав других лиц фактически два истца — истец

в процессуальном смысле, возбудивший дело, и истец в материально-правовом смысле, чьи интересы защищаются в арбитражном суде, так как именно он и является субъектом спорного материального правоотношения.

Вместе с тем во многих случаях защита публичных интересов в арбитражном процессе не связана с защитой интересов конкретных лиц в данном процессе (например, иск о ликвидации юридического лица, иск Центрального банка РФ о ликвидации коммерческого банка, у которого отозвана лицензия и др.), поэтому развитие процесса зависит целиком от соответствующего органа, обратившегося с иском в арбитражный суд.

Сам по себе вопрос об участии органов публичной власти по-прежнему является дискуссионным, поскольку, кроме статуса лица, участвующего в деле, орган публичной власти наделен достаточным количеством властных полномочий, которые ставят противоположную сторону изначально в более слабое положение. Это исходит из возможности более оперативного получения информации по делу, поскольку публичные органы власти включены в систему так называемого межведомственного взаимодействия, следовательно, подавать документы и направлять запросы они могут эффективнее, чем иные участники процесса [8].

Дискуссионным также остается вопрос возможности заключения мирового соглашения в делах, в которых в качестве одной из сторон спора выступают представители органов государственной власти. Процессуальное законодательство не допускает каких-либо ограничений в заключении мировых соглашений, однако они могут устанавливаться законодательными актами, регулирующими их деятельность и полномочия. Так, например, при утверждении мирового соглашения в делах о несостоятельности (банкротстве) при участии уполномоченного органа (Федеральной налоговой службы), выступающего в качестве заявителя по делу, необходимо соблюдение ряда условий, таких как установление в проекте мирового соглашения полного погашения требований об уплате обязательных платежей и требований РФ по денежным обязательствам ежемесячно, пропорционально, равным долями в течение года и предоставление третьим лицом обеспечения исполнения должником условий мирового соглашения в виде залога имущества, поручительства и т.д.

Еще одной формой участия органов публичной власти в арбитражном процессе является привлечение органа власти для дачи заключения по делу.

Согласно п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 46) «в необходимых случаях арбитражный суд по своей инициативе может привлечь к участию в деле государственный орган или орган местного самоуправления в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, например при необходимости защиты прав несовершеннолетних, недееспособных в рамках рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве) при

решении вопроса об обращении взыскания на единственное жилье должника; по делам, в которых имеются признаки совершения или возможного совершения незаконных финансовых операций [3]».

Между тем ст. 53 АПК РФ предусматривала (и предусматривает) только одну форму участия органа власти в арбитражном процессе — обращение в арбитражный суд в защиту публичных интересов и в защиту прав других лиц. Институт заключения органа власти в арбитражном процессе, в отличие от процесса гражданского (статьи 47, 189 Гражданского процессуального кодекса РФ), предусмотрен не был. Основанием для такого решения Пленума Верховного Суда РФ послужила ограниченность имеющихся процессуальных возможностей органов власти в арбитражном процессе, при которых они могли лишь обращаться в арбитражный суд, но не могли быть привлечены к участию в деле после его возбуждения и при отсутствии материально-правовой заинтересованности.

Постановление Пленума ВС РФ № 46 замотивировало возможность дачи заключения органом власти в арбитражном процессе межотраслевой аналогией гражданского процессуального закона, который наделяет соответствующим правом органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 47 ГПК РФ).

В арбитражном процессе отсутствие возможности привлечения органа власти для дачи заключения по делу заставляло правоприменителя использовать для обеспечения участия органа власти близкие процессуальные формы, используемые в прошлом в гражданском процессе. Так, в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием

судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) [4], предлагалось привлекать государственные органы в арбитражном процессе в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, т.е. в порядке ст. 51 АПК РФ. Из контекста разъяснения следует, что суды общей юрисдикции в описываемых случаях должны привлекать государственные органы в порядке ст. 47 ГПК РФ, т.е. для дачи заключения по делу. Ясно, что такая рекомендация вызвана отсутствием подходящих процессуальных форм для обеспечения участия органа власти, а не тем, что такой орган действительно занимает процессуальное положение третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора.

Рассмотренная эволюция участия органа власти в арбитражном процессе свидетельствует о том, что практика применения процессуального закона объективно требует восполнения недостающих форм участия органа власти. По мнению С. А. Газаровой, в данном случае форма обращения органа власти в защиту публичных интересов в арбитражном процессе оказалась явно недостаточной [5, с. 75].

С учетом изложенного, нами делается вывод, что участие органов публичной власти в арбитражном процессе имеет важное значение, поскольку они реализуют правозащитную (правоохранительную) функцию, защищая права, свободы и интересы других лиц экономических и хозяйственных отношений. Вместе с тем, существует необходимость закрепления термина «публичный интерес» для устранения возможных проблем практического применения норм статей 52 и 53 АПК РФ.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2022. — № 3.
4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 12.
5. Газарова С. А. Участие органа власти в арбитражном процессе для дачи заключения по делу в порядке межотраслевой аналогии процессуального закона // Современное право. — 2023. — № 5. — С. 73–77.
6. Мамонова М. В. Особенности правового регулирования участия органов государственной власти в арбитражном процессе (на примере Минобороны России) // Военное право. — 2019. — № 6(58). — С. 155–159.
7. Мишаков О. Г. О соотношении частных и публичных интересов при продаже имущества стратегических предприятий и организаций в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) // Вестник военного права. — 2016. — № 2. — С. 85.
8. Пиддубринная А. Ю. Актуальные вопросы участия в гражданском и арбитражном процессе органов государственной власти // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Гатчина, 24 ноября 2023 года. — Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий — 2024. — С. 78–80.
9. Смагина Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. Москва: Статут, 2021. — 268 с.
10. Томилов А. Ю. Участие органов государственной власти и органов местного самоуправления в арбитражном процессе с целью защиты прав, свобод и законных интересов других лиц // Вестник ЧелГУ. — 2009. — № 21.
11. Чадин А. А. Участие органов государственной власти субъекта Российской Федерации в гражданском и арбитражном процессе (на примере города Москвы) // Вестник арбитражной практики. — 2017. — № 5. — С. 53–64.

12. Ярков В.В. Арбитражный процесс: учебник / под ред. В.В. Яркова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2010. — 880 с.
13. Яценко Т.С. Управомоченные субъекты по реализации гражданско-правовых мер защиты публичных интересов // Российская юстиция. — 2017. — № 3. — С. 11–13.

Основные проблемы при расселении аварийного и ветхого фонда

Готов Сергей Евгеньевич, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского Государственного Университета Правосудия (г. Нижний Новгород)

В данной научной статье анализируются проблемы отнесения жилья к аварийному и ветхому фондам, а также рассматриваются причины несвоевременной реализации программ по расселению населения из указанного жилья.

Ключевые слова: аварийное жилье, ветхое жилье, изъятие аварийного жилья, расселение аварийного и ветхого фонда.

Одной из основных проблем в жилищной политике является проблема переселения людей из ветхого и аварийного жилья. Данное жилье в связи с его износом создает угрозу проживания в нем граждан, замедляет темпы развития крупных городов, а также ухудшает облик этих городов.

На сегодняшний день вопрос расселения граждан из аварийного и ветхого фонда регулируется следующими нормативно-правовыми актами: Жилищный Кодекс Российской Федерации [1], Федеральный закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформирования жилищно-коммунального хозяйства» [2], Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» [3], а также региональными адресными программами по переселению граждан из аварийного жилищного фонда. Например, в Нижегородской области разработана региональная адресная программа «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда на территории Нижегородской области на 2019–2023 годы» [5].

19 марта 2024 года в рамках очередного заседания постоянной комиссии городской Думы Нижнего Новгорода были выявлены итоги реализации программы Нижегородской области по переселению граждан из ветхого и аварийного жилья [5]. Так, по результатам программы было расселено 192 аварийных дома (1850 квартир), которые были признаны аварийными и подлежащими сносу или реконструкции в период с 1 января 2012 года по 1 января 2017 года. Таким образом, в Нижегородской области программа выполнена в полном объеме, согласно поставленным задачам. Программа предусматривала переселение людей из 255 домов, которые были признаны аварийными в период с 1 января 2017 года по 1 января 2022 года. (программа продлена до 2025 г.)

Однако при реализации программы исполнители сталкивались с некоторыми проблемами, что замедляло процесс переселения людей.

Во-первых, в действующих нормативно-правовых актах отсутствуют четкие критерии разграничения ветхого и аварийного жилья.

Законодатель предлагает считать здание аварийным в случае аварийного технического состояния его несущих строительных конструкций или многоквартирного дома в целом, характеризующихся их разрушением либо повреждением и деформациями, свидетельствующими об исчерпывании несущей способности и опасности обрушения многоквартирного дома, кренами, которые могут вызвать потерю устойчивости многоквартирного дома. Следовательно, аварийным будет признан дом, проживание в котором угрожает здоровью и жизни граждан.

Понятие ветхого жилья в законодательстве отсутствует, однако, в правоприменительной практике это понятие используется достаточно часто.

Согласно Методическому пособию по содержанию и ремонту жилищного фонда МДК 2–04.2004, ветхое состояние здания предполагает «состояние, при котором конструкции здания и само здание в целом имеют износ: для каменных домов — свыше 70%, деревянных домов со стенами из местных материалов, а также мансард — свыше 65%, т.е. основные несущие конструкции сохраняют прочность, достаточную для обеспечения устойчивости здания, однако здание перестает удовлетворять заданным эксплуатационным требованиям» [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае признания здания ветхим расселение не требуется, если здание не представляет угрозу для жизни и здоровья.

В отличие от ветхого жилья, аварийное предполагает не общий процент износа несущих конструкций, а состояние фундамента, основных перекрытий и несущих стен.

В связи с этим необходимо на законодательном уровне закрепить понятие ветхого жилья и критериев его признания. Такое закрепление возможно с учетом судебной практики признания зданий ветхими, а также с учетом приведенных положений Методического пособия.

В Нижнем Новгороде была утверждена муниципальная программа «Обеспечение граждан города Нижнего Новгорода доступным и комфортным жильем» на 2023–2028 годы» [7], одним из направлений которой является улучшение жилищных условий граждан, проживающих в жилых домах, не отвечающих установленным санитарным и техническим требованиям, то есть аварийных и ветхих домах. В ходе реализации данной программы планируется расселение 38,9 тыс. кв.м. аварийного жи-

лищного фонда, из которых площадь аварийного фонда жилищного фонда, расселенного при поддержке средств Фонда содействия реформированию ЖКХ — 20, 3 тыс. кв. м., количество граждан, которые будут расселены составит — 1722 чел.

В настоящий момент на территории города располагается порядка 1615 ветхих и 574 аварийных домов. Ежегодно статус аварийности приобретают не менее 18 тыс. кв. метров жилищного фонда.

Соответственно в данном случае можно выявить вторую проблему, выраженную в отсутствие четких сроков расселения.

Срок переселения устанавливается региональной адресной программой, и он может сильно затягиваться по разным причинам, например, в связи с отсутствием финансирования, оспариванием выкупной стоимости или отсутствием жилья для замены.

Например, в рамках дела № 88–11370/2020, 2–342/2019 Четвертого кассационного суда общей юрисдикции [4] собственник обратился в суд с требованием признать незаконными действия администрации в сфере переселения граждан из аварийного жилья незаконными действиями. Истец был включен в региональную программу по переселению из аварийного жилья два года назад, но жилое помещение на день рассмотрения дела ему не было предоставлено (определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2020).

Анализ судебной практики по рассматриваемой категории споров показал, что зачастую они связаны с ненадлежащим исполнением органами местного самоуправления обязанностей по своевременному расселению. Причины несвоевременного расселения могут быть связаны с ненадлежащим исполнением своих обязанностей как органов местного самоуправления, так и с недобросовестным поведением проживающих в жилых помещениях лиц.

Важно понимать, что расселение из ветхих и аварийных домов не является способом улучшения жилищных условий. Выделяемая квартира должна соответствовать количеству квадратных метров той, которая находилась в аварийном доме. Жилье может быть предложено и в новостройках, и в квартирах из «вторичного» фонда. Предоставляемые в обмен помещения должны соответствовать жилищным нормам в части благоустроенности: соответствие нормам противопожарной безопасности, санитарным и техническим нормам.

В случае, если предоставленная в обмен квартира не соответствует нормам жилищного законодательства (например, меньше по количеству метров, размер выкупной цены за квартиру меньше ожидаемого), то лицо может обратиться в суд с требованиями для защиты своих прав.

Отсутствие договоренностей между сторонами влечет затягивание сроков предоставления жилья, а также сроков по реализации региональных адресных программ.

Вызывает интерес вопрос предоставления помещения при расселении из коммунальной квартиры, так как в настоящее время невозможно предоставить равнозначную замену (жилье такого типа уже не строится).

В целях минимизации рисков бездействия (неэффективной) работы органов местного самоуправления при переселении граждан из аварийного жилья представляется возможным закрепить в нормах жилищного законодательства положения, которые будут четко определять сроки издания органом местного самоуправления решения об изъятии земельного участка и помещений, расположенных в аварийном доме.

Кроме того, в целях исключения возможности длительного затягивания сроков возможно взаимодействие органов Прокуратуры с органами местного самоуправления в форме контроля за проведением программы расселения.

Согласно действующему законодательству, капитальный ремонт жильцами дома признанного аварийным не оплачивается, в связи с тем, что для собственников наступают неблагоприятные последствия в виде невозможности его использования в будущем. В свою очередь, ветхий фонд включается в программу по капитальному ремонту. На наш взгляд, это делается с целью оттянуть износ конструкций, который в дальнейшем станет причиной перевода дома из ветхого в аварийный, однако, дома с менее чем пять квартир не включаются в адресную программу по капитальному ремонту, что в свою очередь приводит к третьей проблеме.

Согласно п. 1 ч. 2. ст. 168 ЖК РФ, в региональную программу по капитальному ремонту могут не включаться дома, в которых имеется менее чем пять квартир.

Данное положение в значительной степени ухудшает права граждан, которые там проживают, так как собраться достаточное количество денежных средства для проведения капитального ремонта здания своими силами не представляется возможным, что в свою очередь повлечет более быстрый износ здания, что в дальнейшем послужит причиной для расселения такого помещения.

При расселении граждан из аварийного жилья им может быть предоставлено другое жилое помещение. Такое предоставляемое жилое помещение должно соответствовать критериям, а именно быть благоустроенным, отвечать установленным санитарным требованиям, находиться в границах населенного пункта и равнозначным по площади, однако, речь идет об общей площади, а не о жилой. Пользуясь данной формулировкой, администрация может предоставлять жилые помещения, которые по площади меньше жилья, занимаемого ими ранее.

Иная часто встречающаяся в практике ситуация, когда жилое помещение предоставляется не в том районе, где находилось старое жилое помещение, а в границах населенного пункта (согласно требованию закона), что может в значительной степени отдалить собственника от привычного места обитания, усложнить его жизнь.

Таким образом, основной задачей государства в жилищной политике должно стать решение проблем в сфере переселения граждан из ветхого, аварийного жилья. Гражданам должны быть предоставлены безопасные и благополучные условия проживания, соответствующие нормам жилищного законодательства.

Литература:

1. Жилищный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Российская газета. 2005. № 1.

2. Федеральный закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформирования жилищно-коммунального хозяйства» // Российская газета. 2007. № 162.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Российская газета. 2006. № 28.
4. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2020 по делу № 88–11370/2020, 2–342/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства Нижегородской области от 29.03.2019 № 168 «Об утверждении государственной региональной адресной программы «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда на территории Нижегородской области на 2019–2023 годы». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/45750712/>
6. Методическое пособие по содержанию и ремонту жилищного фонда МДК 2–04.2004, утвержденное Госстроем Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12135452/#friends>
7. Постановление администрации города Нижнего Новгорода от 27.12.2022 № 7120 «Об утверждении муниципальной программы города Нижнего Новгорода «Обеспечение граждан города Нижнего Новгорода доступным и комфортным жильем» на 2023–2028 годы». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/406100331/#friends>

Актуальные проблемы и тенденции развития дактилоскопической экспертизы

Гордеев Никита Андреевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья содержит предложения по интеграции новейших технологических достижений и усовершенствования существующих методик для повышения качества судебных дактилоскопических исследований.

Ключевые слова: актуальные проблемы, тенденции, дальнейшее развитие, технологии, дактилоскопическая экспертиза.

В качестве криминалистического направления дактилоскопия получила свое распространение по окончании XIX столетия. На сегодняшний день в данной отрасли скопилось много информации, полученной в теории и практике. Согласно последним преобразованиям в рассматриваемой сфере, дактилоскопия XXI века представляет собой не столько ответвление криминалистики, направленное на распознавание папиллярных узоров, сколько криминалистическое направление, в рамках которой развивается дактилоскопический анализ. Последние научные работы на данную тематику позволяют сделать вывод о том, что папиллярные отпечатки дают возможность определить некоторые личностные свойства, что имеет теоретическую и практическую значимость.

Дактилоскопическая регистрация также совершила прорыв в развитии. Так как инструменты и оборудование постоянно совершенствуются, специалисты могут использовать в работе впечатляющие объемы дактилоскопического материала, что способствует расширению опций розыска и мониторинга для идентификации человека посредством дактилоскопии. Кроме того, благодаря развитию методик и средств преобразовывается структура данного ответвления криминалистики. Ее составляющие взаимодействуют друг с другом. Рассматриваемые преобразования нуждаются в комплексном исследовании данных [2]. Учитывая вышесказанное, выбранная для исследования тема обладает как научной, так и практической актуальностью.

Вполне закономерно, что с научно-технологическим прогрессом совершенствуются и инструменты для дактило-

скопии. Естественно, последние наработки основываются на базе, сформированной учеными-предшественниками. Помимо этого, используются инструменты для сопоставления и изучения естественно-научных методик в процессе распознавания следов преступного деяния. В целях анализа конкретных следов преступных действий может применяться научно-прикладной метод. В ходе использования перечисленных инструментов прослеживается корреляция между последними научными работами и технологическими инновациями дактилоскопии, которые базируются на использовании различных дактилоскопических средствах, молекулярно-генных инструментах.

В качестве направления науки дактилоскопия представляет собой совокупность методов и инструментов, направленных на практическое исследование и закрепление следов преступных деяний. Беря в расчет обязательное воздействие технологического прогресса на научную отрасль, исследования в области криминалистики включают в себя целый комплекс инновационных приемов и подходов, способствующих повышению достоверности зафиксированных следов преступления в отношении человеческой жизни и здоровья, собственности субъектов, государственную безопасность и так далее [4, 5].

По сей день возникают новые проблемы в криминалистической сфере. Влияние технологического прогресса — не единственная причина. Дело в том, что сами преступники с каждым днем овладевают все новыми техниками заматывания следов, что заметно тормозит и усложняет следствие.

На сегодняшний день, учитывая практический опыт, можно определить перечень аспектов, влияющих на допущения в следственной деятельности. Наиболее значимым фактором выступает тенденция использования закрепленных текстовых образцов, что противоречит аспекту неповторимости каждого криминалистического объекта. Следует подчеркнуть, что персонализированный подход является аксиомой криминалистики, поэтому концепция о подведении экспертных заключений к единому стандарту абсолютно не соответствует данной аксиоме. В данном разрезе потребность в приспособлении научного комплекса к характерным чертам каждого дела приобретает особую значимость.

На полное игнорирование существующих криминалистических стандартов также указывает проблема несоответствия используемых средств экспертного исследования закрепленным эталонам. В результате, по причине отсутствия должного уровня компетенции у специалистов, осуществляющих дактилоскопическую экспертизу, теоретические наработки в данной области фактически не задействуются.

Помимо прочего, выявлен дефицит информированности специалистов о технологических инновациях, способствующих росту эффективности дактилоскопических исследований. Вполне логично, что технологические достижения в рассматриваемой отрасли должны иметь практическое применение, что в дальнейшем позволит повысить четкость и аргументированность полученных результатов [3].

Криминалистика неизбежно затрагивает новшества, возникающие в области совершения преступлений. Чтобы эффективно бороться с новыми методами сокрытия преступлений, криминалистика формирует инновационный технологический комплекс, дающий возможность фиксировать наличие следов преступных действий вне зависимости от объекта: на участке совершения противоправного деяния, в цифровой среде и так далее. В данном разрезе необходимо проанализировать тенденции дальнейшего прогресса в дактилоскопических исследованиях.

Новшества, разработанные за последние несколько лет, дали возможность значительно расширить перечень объектов, позволяющих зафиксировать наличие отпечатков рук определенного субъекта, в зависимости от объектных характерных особенностей. Иными словами, новые средства и методы позволяют собрать более детальную информацию о потенциальном виновном. Таким образом, инновационные дактилоскопические методы обеспечивают возможность анализа отпечатков пальцев инициаторов противоправных действий на объектах, как правило, затрудняющих взятие образца (неровные поверхности, полимерные компоненты).

Благодаря применению специализированных компонентов, таких как реагенты, используемые для физического/химического выявления отпечатков пальцев, идентификация лиц, причастных к совершению преступного деяния, становится более надежной за счет повышения уровня точности и вероятности успешного осуждения. Кроме того, эти реагенты увеличивают количество объектов, в отношении которых можно быть уверенным в идентификации отпечатков рук конкретного человека. Среди них такие предметы, как оружие, электронное оборудование, проводка и другие инструменты.

Еще один важный элемент, включенный в процесс снятия отпечатков пальцев, в настоящее время используется в качестве компонента для снятия отпечатков пальцев, который имеет тот же цвет, что и флуоресцентные порошки. С их использованием отпечатки рук на конкретных поверхностях материальных сред с необычными контрастно-люминесцентными свойствами можно относительно легко идентифицировать, фиксировать и анализировать по сравнению с их псевдоочевидно однозначными физическими поверхностями благодаря их способности предоставлять ценную информацию при идентификации. фиксация и дальнейшее обследование [1].

Это также подчеркивает важнейший инструмент, который сейчас используется при снятии отпечатков пальцев, — флуоресцентные порошки. Используя эти маркеры, люди могут легко идентифицировать, фиксировать и анализировать отпечатки ладоней на определенных поверхностях материальных носителей, которые демонстрируют отличительные контрастно-люминесцентные особенности, в результате чего на этих поверхностях получаются довольно точные отпечатки ладоней.

В современной дактилоскопии используются автоматизированные цифровые системы, позволяющие захватывать, корректировать и улучшать качество изображений следов. В этих информационных системах хранятся расширенные информационные комплексы, которые предоставляют конкретную информацию о лицах, имеющих опыт совершения преступлений, как внутри государства, так и за его пределами, в определенной географической области. Об этом факте следует помнить странам с большим населением.

Несмотря на это, порошковая остается многообещающей областью для исследователей, заинтересованных в раскрытии своих результатов с помощью исследования отпечатков пальцев. Использование данного вида криминалистической техники позволяет специалистам судебно-экспертных органов выявлять следы конкретных противоправных деяний при отсутствии полных отпечатков пальцев на орудиях преступления и предметах, изъятых с места преступления. Используя передовые научные дисциплины с конкретным применением, эта технология способна идентифицировать достоверные данные о лицах, связанных с преступной деятельностью, что во многом дополняет традиционные методы исследования отпечатков пальцев. Иными словами, для установления причастности определенного субъекта с совершенным преступным деянием, необходимо наличие четких отпечатков пальцев на различных носителях и поверхностях [1].

На сегодняшний момент дактилоскопическая отрасль совершенствуется на основе использования инновационных методов и инструментов, способствующих распознаванию ручных отпечатков на различных объектах. Применение компьютеризированных методов дает возможность сотрудникам органов правопорядка, криминалистическим лаборантам выявить виновника преступного деяния, а также предоставить полученные результаты исследования в качестве обоснованного доказательства.

Помимо установления личности преступника, результаты дактилоскопической экспертизы также используются в качестве существенного обстоятельства для установления лич-

ности в ходе реализации процессов в сфере госуправления (засекреченные данные, информационные базы), а также в рутинной деятельности населения (например, доступ к банковским услугам, депозитные ячейки). Изъятие биоматериалов, содержащих профили ДНК неизвестных трупов, является важным моментом судебно-медицинского расследования, поскольку создает условия для распознавания умерших и предоставления актуальной информации об умерших органам власти и общественности, заинтересованным в их идентификации.

Из-за быстрого развития науки в различных областях судебно-медицинская технология в настоящее время находится под сильным влиянием прикладных научных дисциплин. Судебно-медицинские исследования в настоящее время все чаще включают в себя результаты конкретных достижений новыми способами, способами и приемами, характерными для других областей научно-технической мысли, что приводит к повышению эффективности судебно-медицинских исследований

и более эффективной борьбе с преступностью. Необходимо заострить внимание на следующих тенденциях совершенствования дактилоскопических инструментов:

- Применение инновационных подходов и средств взятия отпечатков.
- Применение специализированных составов, в том числе реагентов в целях физической и химической идентификации отпечатков.
- Использование флуоресцентных порошков в целях идентификации, фиксации и дальнейшего анализа следов рук.
- Применение автоматизированных механизмов.
- Оптимизация пороскопии, применение геномной дактилоскопии.

На сегодняшний день тенденции дактилоскопической экспертизы сосредоточены на трех фундаментальных уровнях: техническом, методологическом и процедурном, которые обеспечивают быструю реализацию ее потенциала в ближайшем будущем.

Литература:

1. Мохоров Д. А., Демидов В. П., Мохорова А. Ю., Долженкова Е. Развитие дактилоскопических технологий // МНИЖ. 2021. № 8–4 (110).
2. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия: Теория, практика и тенденции развития: автореферат дис... доктора юридических наук: 12.00.09 / Акад. упр. МВД РФ.— Москва, 2003.— 35 с.
3. Таркинский А. И., Телемишев Т. Э. Современные проблемы дактилоскопической экспертизы // Образование и право. 2023. № 11.
4. Телятицкая Т. В. Использование цифровой фотографии на местах происшествия при производстве судебных экспертиз / Т. В. Телятицкая // Технологии в инфосфере.— 2021.— Т. 2.— № 2(3).— С. 68–76.
5. Хайрусов Д. С. Портретная экспертиза / Д. С. Хайрусов // Технологии в инфосфере.— 2021.— Т. 2.— № 2(3).— С. 54–67.

Понятие, виды и сущность вербовки для осуществления террористической деятельности

Гореткин Семен Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Севостьянов Роман Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье раскрывается понятие, виды и сущность вербовки для осуществления террористической деятельности. Проводится разграничение между такими способами вовлечения лица в совершение преступлений террористического характера, как склонение и вербовка. Дается краткая характеристика основных стадий вербовки как сложного, многоступенчатого процесса. Предлагается классификация видов вербовки для осуществления террористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, вербовка, классификация, вербовщик, вербуемый.

На современном этапе существования Российской Федерации одной из наиболее острых проблем выступает террористическая деятельность, осуществляемая в отношении нашей страны. Терроризм развивается, адаптируется под современные реалии, активнее стремится к осуществлению своей основной цели — устрашения населения, а способы, которыми пользуются террористы, являются более жестокими. Как следствие развития способов и целей террористической деятельности выступают изменения в вербовке для ее осуществления.

Ответственность за вербовку предусматривается в статье 205.1 «Содействие террористической деятельности» Уголовного кодекса РФ. В диспозиции частей 1 и 1.1 вышеупомянутой статьи определяется, что склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение преступления террористической направленности [1, ст. 205.1] влечет за собой санкции, предусмотренные настоящей статьей. Из анализа статьи видно, что вербовка рассматривается как один из альтернативных элементов объективной стороны состава преступления, который входит в группу элементов «Содействие террористической дея-

тельности», но понятие вербовки в статье законодателем не закреплено.

Относительно устойчивое понятие законодателем приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Так, Пленум Верховного Суда РФ под склонением, вербовкой либо иным вовлечением определенного лица или группы лиц в совершение преступлений террористической направленности предлагает понимать умышленные действия, направленные на вовлечение в совершение преступлений путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения определенных материалов на различных носителях и распространения посредством информационно-телекоммуникационных сетей), применения физического воздействия либо с помощью поиска лиц и вовлечения их в совершение преступлений [2, п. 14]. Следует отметить тот факт, что Пленум дает общую характеристику действиям объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 205.1 УК РФ, не раскрывая каждый из них в частности.

Нельзя не согласиться что и склонение, и вербовка это умышленные действия направленные в отношении конкретного лица либо группы лиц, и что в обоих случаях, по большей части, используются аналогичные методы. В таком случае становится понятной позиция Верховного Суда касательно обобщения данных действий. Такие понятия как склонение и вербовка с первого взгляда являются однородными, но на самом деле это два различных действия имеющих свои особенности. Стоит отметить ряд существенных различий между склонением и вербовкой лиц для осуществления террористической деятельности.

Во-первых, характер способа привлечения лица к осуществлению террористической деятельности. Как отмечает Н.Н. Окутина, одним из принципиальных отличий вербовки от склонения является способ привлечения лица путем обещания получения материальной выгоды за совершение преступлений террористического характера [3, с. 125]. «Корыстный» метод, как правило, характерен именно для вербовки, так как предусматривается возможным только при второй характерной особенности этого деяния.

Во-вторых, взаимодействие между вербовщиком и объектом вербовки. Склонение лица, как правило, является актом односторонним и преступник прерывает все контакты со склоняемым после возбуждения у последнего желания совершить определенное преступление. Вербовка же предусматривает двусторонний процесс преступного сотрудничества который не носит односторонний характер [4, с. 118]. Вербовщик, как правило, «ведет» завербованное лицо в течении подготовки к совершению преступления, непосредственного его осуществления, а в большинстве случаев и после его совершения.

В-третьих, цель взаимодействия с объектом вербовки. Если склонение направлено на возбуждение у лица желания осуществить преступление, то вербовка может преследовать своей целью, кроме вышеназванного, вступление в террористическую организацию, участие лица в совершении преступления в качестве соучастника иного вида, помимо исполнителя. Также вербовке могут быть подвержены лица, которые в последующем

могут сами выступать в роли вербовщика, имеющие возможность оказывать финансирование террористической деятельности на постоянной основе, обладающие необходимой для террористов информацией, либо возможностью получения и передачи такой информации в течении продолжительного количества времени.

Вербовка является одним из ключевых этапов в реализации террористической деятельности, так как именно через нее террористические группы привлекают новых членов и поддерживают свою идеологию. Стоит отметить, что вербовка как процесс является многоступенчатой и имеет строгую структуру, которой должны придерживаться лица ее осуществляющие. Антитеррористический центр государств-участников СНГ в своих методических рекомендациях выделяет три основные стадии работы вербовщиков по привлечению лиц для осуществления террористической деятельности.

Первичная стадия заключается в выявлении потенциального объекта вербовки. В этих целях вербовщик изучает контент интернет-форумов, блогов и сообществ на предмет наличия в них особо активных пользователей. После нахождения подходящей кандидатуры вербовщик начинает сбор информации об объекте вербовки [5, с. 14]. Сюда стоит отнести мониторинг страничек вербуемого в социальных сетях, изучение ее высказываний в различных сообществах либо на той же страничке в социальной сети. Это делается для установления психологического состояния объекта вербовки, определения психотипа его личности и умонастроений. Если говорить о процессе вербовки без использования сети «Интернет», то вербовщик на данной стадии осуществляет те же самые действия, но происходит это при личном контакте с объектом вербовки.

Вторая стадия вербовки заключается в установлении непосредственного контакта с объектом. На данной стадии вербовщик, как правило, придерживается необходимой «легенды» и сообщает о себе сведения, которые будут позитивно восприняты вербуемым [5, с. 17]. Вторая стадия вербовки является основной и заключается в установлении психологического контакта между вербовщиком и вербуемым, помогает вербовщику «втереться в доверие» к своей жертве. Вербовщик оценивает качества вербуемого, его психологические, личностные и материальные проблемы, а также определяет объект вербовки с позиции его пользы террористическому сообществу. Они стараются как можно больше расположить вербуемого к себе, стать в его глазах авторитетом, другом, поддерживают их эмоциональную жизнь [6, с. 392]. Также данная стадия может включать в себя проверку вербуемого на предмет его надежности.

Третий, заключительный, этап вербовки заключается в прямом предложении объекту вербовки вступить в террористическую организацию либо осуществить преступление террористической направленности. После того как вербовщик полностью уверен в успехе своей «операции» он может напрямую предложить вербуемому осуществить соответствующие действия.

Стоит отметить, что члены террористической организации могут меняться друг с другом в зависимости от этапа вербовки. Так, выделяются три роли: наводчик, вербовщик и ведущий [5, с. 19]. Наводчик осуществляет поиск подходящего объекта и выполняет его первичную «разработку», вербовщик устанавливает непосредственный контакт с вербуемым и подводит его

к осуществлению конкретных действий, а ведущий осуществляет инструктаж завербованного объекта и дальнейшее направление его деятельности. Зачастую функции всех трех ролей осуществляет один и тот же человек.

Как уже говорилось ранее, вербовка для осуществления террористической деятельности — это сложный и многоэтапный процесс, который требует наличия соответствующих качеств у вербовщика и определенного плана действий. В связи с этим, ниже мы предлагаем классификацию видов такой вербовки:

1. по способу вербовки: виртуальная и непосредственная. Виртуальная вербовка происходит при помощи информационно-телекоммуникационных сетей и, как правило, не предполагает личного контакта между сторонами вербовки. Непосредственная же вербовка основывается на личном контакте с вербуемым. Вербовщик и вербуемый взаимодействуют «офлайн», проводят беседы, личные встречи, могут осуществлять совместно определенную деятельность, направленную на установление контакта между ними;

2. по методам вербовки: агрессивная и пассивная. Агрессивная вербовка характеризуется ее более радикальными методами. Такая вербовка происходит при помощи угроз в отношении вербуемого лица, его шантажа или убеждения. Пассивная вербовка заключается в использовании таких методов, как: уговоры, просьбы, подкупа либо предложения;

3. в зависимости от принадлежности вербовщика: профессиональная (агентурная) и непрофессиональная. За основу дан-

ного пункта классификации не берется наличие знаний в области психологии у вербовщиков. Любой вербовщик — это, прежде всего, хороший психолог, который разбирается в таких аспектах общения с людьми как взаимодействие с ними на основе психотипа их личности и многих других, который понимает когда необходимо переходить от одного этапа вербовки к другому. На сегодняшний день все больше ситуаций, когда лиц для осуществления преступлений террористической направленности вербуют сотрудники специальных служб иностранных государств. В этом заключается главное отличие вышеуказанных видов вербовки. Профессиональная (агентурная) вербовка осуществляется вышеупомянутыми сотрудниками, а непрофессиональная характерна для таких террористических организаций как «Исламское государство» (террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ).

Таким образом, говоря о вербовке для осуществления террористической деятельности стоит отметить, что данный процесс является основным для осуществления такой деятельности. Ввиду его многогранности и сложности необходимо разграничивать вербовку и иные способы содействия террористической деятельности. Вербовка является достаточно опасным явлением, так как она позволяет террористическим организациям наращивать и сохранять свою активность и влияние. Понимание видов и сущности вербовки также поможет бороться с террористической угрозой и предотвращать вербовку новых членов в террористические группировки.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2955; 2024. — № 16. — Ст. 2204.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.05.2024).
3. Окутина, Н. Н. Противодействие терроризму: учебное пособие для вузов / Н. Н. Окутина. — Москва: Юрайт, 2024. — 178 с. — Текст: непосредственный.
4. Фоменко, Е. В. Правовые основы противодействия терроризму. Уголовно-правовой и криминологический аспекты: учебное пособие для вузов / Е. В. Фоменко, Ю. Н. Маторина. — 2-е изд. — Москва: Юрайт, 2024. — 186 с. — Текст: непосредственный.
5. Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации: методические рекомендации / Антитеррористический центр государств-участников СНГ. — Санкт-Петербург, 2016. — 64 с. — Текст: непосредственный.
6. Савкина, Т. Б. Этапы и методы вербовки в террористические организации на примере ИГ / Т. Б. Савкина, Л. С. Царенко, К. С. Борисенко. — Текст: непосредственный // Научные исследования и инновации. — 2021. — № 9. — С. 388–396.

Некоторые вопросы определения субъекта преступления, предусмотренного статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации

Груздева Екатерина Евгеньевна, аспирант
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

В российском уголовном законодательстве предусматривается уголовная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Такая ответственность закреп-

лена в статье 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

Субъектами преступления, поименованными в статье 156 УК РФ, являются родители или иные лица, на которые воз-

ложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогические работники или другие работники образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Как видится, законодатель при конструировании данной нормы, подчеркивая особую общественную опасность деяния, выбрал в качестве конструктивного признака данного состава преступления специальный субъект, т.е. лицо, обладающее рядом сменяемостью и возрастом наступления уголовной ответственности иным дополнительным признаком — возложением на лицо обязанности по воспитанию несовершеннолетнего [2].

Стоит рассмотреть особенности каждого субъекта преступления, поименованного в ст. 156 УК РФ.

В ч. 1 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) регламентировано, что родителями являются отец и (или) мать, записанные в книге записи рождений [3].

По семейному законодательству на родителей возложены обязанности по воспитанию, защите прав детей, обеспечению получения детьми основного общего образования, а также заботе об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей.

При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому или психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, соединенных с жестоким обращением с несовершеннолетним, для родителей наступает уголовная ответственность по ст. 156 УК РФ.

При этом, родители, лишённые родительских прав в соответствии со ст. 70 СК РФ, не подлежат уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ, поскольку в силу положений ст. 71 СК РФ «не освобожденные от обязанности по содержанию своих детей, они освобождаются от обязанности по их воспитанию». Аналогичное правило действует и в отношении лиц, ограниченных в родительских правах, в соответствии со ст. 73 СК РФ.

Следующим субъектом преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, является «иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

В соответствии с семейным законодательством, к категории иных лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего относятся усыновители, приемные родители, опекуны и попечители.

В силу пункта 2 Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29.03.2020 № 275 усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей, единственный родитель или оба родителя которых: умерли; неизвестны, судом признаны безвестно отсутствующими или объявлены умершими; признаны судом недееспособными; лишены

судом родительских прав; дали в установленном порядке согласие на усыновление; по причинам, признанным судом неуважительными, не проживают более 6 месяцев совместно с ребенком и уклоняются от его воспитания и содержания [4].

Опекуны, попечители, а также приемные родители, чей правовой статус установлен ст. 148.1 и 153 СК РФ соответственно, обязаны воспитывать несовершеннолетнего, находящегося под их опекой или попечительством, заботиться о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии. В случае нарушения данных обязанностей, для указанных лиц также наступает уголовная ответственность по ст. 156 УК РФ.

К следующей категории субъектов преступления, регламентированных в ст. 156 УК РФ, относятся педагогические работники или другие работники образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, либо иных организаций, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Правовой статус педагогического работника определен в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», согласно которой педагогический работник является физическим лицом, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей служебную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности [5].

Таким образом, педагогическим работником является лицо, имеющее необходимую профессионально-педагогическую квалификацию, подтвержденную соответствующим документом и выполняющее функциональные обязанности, включающие обучение или воспитание на основании трудового договора.

Относительно иных работников образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетними, следует отметить, что к ним относят любого работника, осуществляющего свою профессиональную деятельность (профессиональные обязанности) в указанных учреждениях, включая спортивные, досуговые, в том числе негосударственные (немуниципальные) организации [6].

Так, согласно решению Канского городского суда Красноярского края по делу № 2–521/2020 от 16.07.2020 М. и О., являясь воспитателями дошкольного образовательного учреждения, допустили неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, то есть ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего педагогическим работником образовательной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, что выразилось в том, что воспитатели, используя противоправные методы воспитания, умышленно, в воспитательных целях и в целях наказания и понуждения детей к определенному поведению в каждом случае их непослушания, неоднократно демонстрировали воспитанникам булавки, угрожая уколами, то есть, причинением физической боли и психических страданий, при этом, в дальнейшем, при непослушании, систематически наносили уколы канцелярскими булавками в область языка, ягодиц, верхних и нижних конечностей и других частей тела [7].

Вместе с тем, следует отметить, что круг субъектов преступления, поименованный в ст. 156 УК РФ, не является бесспорным.

В некоторых случаях несовершеннолетнего, который остался без родительского попечения, берут на воспитание его родственники или люди, имеющие доверительные отношения с семьей, без оформления каких-либо форм воспитания ребенка. К примеру, когда родители в силу исполнения профессиональных обязанностей не могут продолжительное время участвовать в воспитании ребенка, то в подобных случаях они могут обратиться к такому роду воспитания, как фактическое воспитание [8].

К лицам, фактически участвующим в воспитании ребенка, но на которых законом данные обязанности не возложены, относятся отчимы, мачехи, а также, например бабушки и дедушки, если они взяли на временное или постоянное воспитание внука или совместно проживают с родителями ребенка.

Действующее российское уголовное законодательство не позволяет привлечь лиц, фактически участвующих в воспитании ребенка, к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ, что на наш взгляд, не отвечает интересам несовершеннолетних и может порождать проблемы в правоприменительной практике.

Решение указанной проблемы видится, во-первых, в добавлении в семейное законодательство нормы, определяющей круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям, а во-вторых, в расширении перечня круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ и добавления в указанный перечень формулировки — «лицо, фактически осуществляющее обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

На наш взгляд, вышеуказанное нововведение позволит обеспечить комплексную и всестороннюю защиту прав несовершеннолетних на законодательном уровне.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 декабря 2023 года № 641-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 27.04.2024).
2. Шаганова О. М. Субъект преступления, предусмотренный ст. 156 УК РФ // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2–1 (74). С. 122–124.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 233-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2023 года № 407-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 28.04.2024).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2000 г. № 275 «Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществление контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами и лицами без гражданства // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12119158/> (дата обращения: 01.05.2024).
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 02.05.2024).
6. Особенности квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних: научно-практическое пособие. — Екатеринбург, 2006.
7. Решение Канского городского суда Красноярского края по делу № 2–521/2020 от 16.07.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/oQbvo2bPs0Lj/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt (дата обращения: 04.05.2024).
8. Сигачева Т. В. Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу РФ / Т. В. Сигачева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 49 (287). — С. 413–415.

Личность преступника как элемент криминалистической характеристики создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ

Гурбанов Эмил Алияр оглы, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены основные, имеющие значение для расследования преступлений признаки личности преступника в системе элементов криминалистической характеристики создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ.

программ. Выявлены наиболее значимые особенности личности преступников, совершающих преступление, предусмотренное ст. 273 УК РФ, обусловленные способами совершения преступного деяния.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, личность преступника, компьютерные преступления, компьютерная информация, вредоносные программы.

Научно-технический прогресс стал основным фактором развития человеческой цивилизации в последние десятилетия. Цифровизация и информатизация общественной жизни коснулась всего человечества и существенно изменила характер социальных связей и процессов. Одновременно с неоспоримыми преимуществами развития компьютерных технологий, позволяющих оптимизировать буквально все существующие в обществе процессы, стали возникать и негативные криминальные тенденции. В частности, преступность активно переходит в цифровое пространство, что требует от правоохранительных органов оперативного реагирования на современные вызовы и угрозы.

Согласно данным статистики, в 2023 г. зарегистрировано 677 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТ и в сфере компьютерной информации. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился до 34,8%. При этом раскрываемость рассматриваемых преступлений находится на катастрофически низком уровне. Так, из 677 тыс. преступлений было раскрыто только 172 тыс. (25%) [5].

Такой уровень раскрываемости преступлений в сфере компьютерной информации свидетельствует об острой необходимости разработки эффективных методических рекомендаций по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации в целях противодействия компьютерной преступности в России.

В данном ключе задачей криминалистики является отбор и обобщение теоретических и практических данных о преступлениях в сфере компьютерной информации и разработка на их основе оптимальных методических рекомендаций, которые должны быть внедрены в практику расследования преступлений.

Как известно, неотъемлемым элементом любой частной криминалистической методики является криминалистическая характеристика преступлений. Криминалистическая характеристика представляет собой абстрактную информационную модель определенной группы преступлений, вбирающую в себя их наиболее типичные признаки, которые имеют значение для расследования. На основе таких данных в рамках криминалистической методики расследования преступлений разрабатывается оптимальный алгоритм действий следователя на первоначальном и последующем этапах расследования, направленный на оперативное раскрытие преступления.

Одним из неотъемлемых элементов криминалистической характеристики преступлений выступает личность преступника. Более того, в научной литературе личность преступника рассматривается как наиболее важный элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации, наряду со способом совершения деяния и обстановкой [3, с. 30].

С точки зрения криминалистики личность преступника — это такой характерный признак преступления, который объединяет биологические, психологические и социальные аспекты человеческой личности. С помощью обобщения эмпирических данных удается установить наиболее выраженные и статистически более распространенные характеристики личности преступников, которые совершают преступления определенной группы (вида).

Специфика рассматриваемого элемента криминалистической характеристики состоит в том, что при формировании комплекса типичных признаков личности криминалистика опирается на данные смежных наук (уголовного права, криминологии, психологии и др.). При этом личность преступника имеет исключительное значение для следственной деятельности, т.к. позволяет выявить лицо, причастное к совершению преступления, что, в конечном счете, является целью расследования криминального события.

Теперь рассмотрим типичные признаки личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 273 УК РФ. Состав данного преступления образует создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, т.е. для указанного преступления характерен определенный, весьма специфический способ совершения посяательства, что непосредственно отражается на характеристиках личности преступника.

Согласно криминологическим данным, среди киберпреступников преобладают лица мужского пола и преимущественно молодого возраста в диапазоне от 18 до 35 лет (96,6%), поскольку такие лица чаще всего в силу своего азарта, любопытства, алчности и активности идут на различные преступления, совершаемые ими с использованием различных компьютерных технологий [4]. Думается, возраст киберпреступника играет ключевую роль также потому, что лица более старшего возраста не так активно пользуются компьютерными технологиями, тем более в преступных целях, у многих из них отсутствуют даже базовые навыки работы с компьютерными программами.

Указанные закономерности вполне применимы и к преступлению, предусмотренному ст. 273 УК РФ. Однако здесь важно учитывать, что состав рассматриваемого преступления предполагает совершение деяния особым альтернативным способом: путем создания, использования и распространения вредоносной программы. В зависимости от конкретных способов совершения преступления и их сочетания социальные характеристики личности преступника будут различаться. Главный вопрос в данном ключе — наличие особых навыков по работе с компьютерными, в том числе вредоносными программами.

Согласимся с мнением Е. Ю. Герасимовой о том, что для создания вредоносной программы, безусловно, требуется наличие у конкретного лица специальных знаний в области программирования и работы компьютерной техники [2, с. 27].

В науке также отмечается, что фактов создания вредоносной программы, совершенного со сложным механизмом, сложность которого подразумевает поэтапное осуществление такого создания, совершение его группой лиц при разделении ролей соучастников или их ролей на различных этапах совершения — редкое явление [1, с. 42].

Для двух остальных способов совершения преступления — использования и распространения вредоносных программ высокие профессиональные навыки не обязательны. При этом важно отметить, что в настоящее время, ввиду повсеместного распространения компьютерных технологий, наличия именно специальных знаний и навыков по работе с компьютером, по крайней мере, для использования и распространения вредоносных программ не требуется.

Учитывая сказанное, мы приходим к выводу о том, что личность преступника — это один из ключевых элементов криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, поскольку он позволяет выявить конкретное лицо, причастное к совершению преступления. Проведенный анализ показал, что наиболее важными характеристиками личности преступника являются его демографические признаки и специальные навыки. Установлено, что только для создания вредоносной программы требуется наличие у лица специальных знаний и навыков по работе с компьютерной информацией. Для двух остальных способов совершения преступления — использования и распространения вредоносных программ высокие профессиональные навыки не обязательны.

Литература:

1. Герасимова Е. Ю. К вопросу о личности преступника как элемента криминалистической характеристики при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 273 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л. В. Новиковой. Рязань, 2023.
2. Герасимова Е. Ю. К вопросу о способе совершения создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 11–12–1.
3. Марьясис И. В. Криминалистические характеристики компьютерных преступлений // Инновационная наука. 2021. № 12–2.
4. Противодействие преступлениям в цифровом пространстве: учебное пособие / под науч. ред. Е. В. Смахина, Р. Д. Шарипова, отв. ред. В. И. Морозов. Тюмень, 2023.
5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России.— URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 01.05.2024).

Проблемы криминалистических исследований теневой экономики

Девяшин Кирилл Алексеевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует проблемы криминалистических исследований теневой экономики, в частности, незаконного предпринимательства.

Ключевые слова: теневая экономика, экономическая деятельность, незаконная предпринимательская деятельность.

На современном этапе в криминалистической науке уделяется повышенное внимание теневой экономике, но при этом среди авторов и исследователей отсутствует единство мнения о том, что же составляет теневую экономику и где же «границы» данного термина.

Так, например, Трунцевский Ю. В., Есаян А. К. [1] под теневой экономикой понимают производительную деятельность, правила ведения которой, сами по себе, являются легальными, но такое экономическое поведение сознательно скрывается от государственных контролирующих органов в следующих целях: избежания уплаты налогов, сборов, страховых взносов и т.п., так как бизнес несет повышенные меры налоговой нагрузки; в целях избежания соблюдения правовых минимумов, например, по защите прав потребителей; в целях избежания со-

блюдения административных процедур, например, по лицензированию и т.п.

Р. Н. Гулаков [2] справедливо отмечает, что проблемы криминалистических исследований теневой экономики обуславливаются тем, что они находятся на стыке проблем взаимосвязи легального и теневого секторов в экономике, то есть внешне теневая экономика является полностью легальной и соответствующей законодательной регламентации. Ярким примером такого проявления является незаконное предпринимательство.

М. В. Косарев [3] обращает внимание, что теневая экономика имеет два начала:

1. Экономическое, под которым понимается сфера экономической деятельности.

2. Противозаконное или криминальное начало, так как экономическая деятельность осуществляется с нарушением требований действующего российского законодательства.

При этом не стоит забывать, что криминалистика, как и криминология, рассматривает преступность как социально-правовую категорию [4]. Соответственно, можно сделать вывод, что теневая экономика с криминалистической точки зрения рассматривается с точки зрения трех составляющих: правовая, экономическая и социальная. Такая сложная природа теневой экономики во многом обуславливает сложность криминалистических исследований. Более того, стоит отметить, что теневая экономика обладает повышенной степенью латентности, что также оказывает непосредственное влияние на ее исследование на доктринальном уровне и нехватку эмпирического материала — в виде достоверных статистических данных, так как высокий уровень латентности искажает статистическую картину. На данный аспект, в частности, обращают внимание в своем исследовании Буянский С. Г., Порываев Г. В. [5] При этом самих фактов совершения преступлений в сфере теневой экономики не так много. Возьмем в качестве примера состав незаконного предпринимательства. Так, согласно официальным статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее — ВС РФ) за 2022 год по части 1 статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ [6]) было вынесено 36 обвинительных приговоров, а по части 2 статьи 171 УК РФ — 108 приговоров [7].

Отметим, что в сфере теневой экономики состав незаконного предпринимательства является одним из наиболее самых изучаемых. Так, например, А. Я. Курбатов [8] исследует незаконное предпринимательств с точки зрения защиты прав потребителей, так как при его осуществлении не редко наносится вред конечным потребителям товара, работы, услуги и т.п. И. Ю. Янина [9] изучает вопросы и проблемы незаконной предпринимательской деятельности в качестве незаконного предпринимательства по статье 171 УК РФ. С. М. Кочои [10] подвергает достаточно широкой критике действующее регулирование института ответственности за незаконное предпринимательство и указывает на необходимость его реформирования, предлагает свои нововведения в уголовный закон. М. Г. Жилкин [11] в своем исследовании затрагивает вопросы квалификации и межотраслевой дифференциации применительно к составу незаконного пред-

принимательства. Е. Е. Кистанова [12] поднимает вопрос о правомерности квалификации в качестве незаконного предпринимательства сдачу в аренду квартиры или иного жилого помещения без договорного оформления арендных правоотношений. А. К. Зебницкая [13] поднимает такой актуальный на современном этапе вопрос, как раскрытие и расследование фактов незаконной предпринимательской деятельности в сети Интернет.

В целом, анализ литературы показал, что на современном этапе среди авторов и исследователей уделяется повышенное внимание определению незаконного предпринимательства, но при этом каких-либо дискуссий или споров на этот счет не было выявлено. Полемика ведется по вопросам квалификации и особенностям расследования незаконного предпринимательства, а в отношении понятийного аппарата, а целом мнения авторов и исследователей сходятся.

В заключении отметим, что как видно из этого весьма расширенного перечня, подавляющее большинство приведенных структурных элементов теневой экономики связаны с действиями, которые подпадают под признаки норм УК и относятся к числу соответствующих экономических преступлений. Это с неизбежностью свидетельствует о взаимосвязи экономического и правового факторов, определяющих теневую экономику. И все же в разрешении исследуемой проблемы мы отдаем приоритет юридическому подходу еще и потому, что он охватывает не только правовой, но и экономический анализ теневой экономики, поскольку первый базируется на втором, не подменяя его [2].

На «отсутствие идентичности содержания экономических и правовых категорий» указывают авторы книги по теневой экономике, отмечая, что «в криминологии и криминалистике разработаны методики предупреждения и расследования отдельных видов преступлений, каждое из которых обладает определенной спецификой. Объединить их в единую методику предупреждения и расследования преступлений, охватываемых не юридическим, а экономическим понятием «теневая экономика», просто невозможно, тем более что сама теневая экономика включает в себя в равной доле правомерно-легальную и противоправную нелегальную деятельность». Разрешение указанного противоречия — одна из важнейших задач криминологии и криминалистики, в частности методики расследования экономических преступлений, а в перспективе — экономической криминалистики.

Литература:

1. Трунцевский Ю. В., Есаян А. К. Структура теневой экономики в правоотраслевом подходе // Российская юстиция. 2020. N12. С. 36–40.
2. Гулаков Р. Н. Преступность теневой экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-tenevoy-ekonomiki> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Косарев, М. В. Актуальные проблемы методик расследования преступлений в сфере экономики / М. В. Косарев, Е. А. Миронова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 7 (454). — С. 179–190. — URL: <https://moluch.ru/archive/454/100059/> (дата обращения: 01.12.2023).
4. Егоров, Н. Н. Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 617 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-16185-4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/530577> (дата обращения: 01.12.2023).

5. Буянский с. Г., Порываев Г.В. Противодействие легализации денежных средств как инструмент минимизации уровня теневой экономики // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 5. — С. 9.
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N25, ст. 2954.
7. Официальный сайт Судебного Департамента при ВС РФ. — URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 01.12.2023).
8. Курбатов А.Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 168 с.
9. Янина И.Ю. Уголовно-наказуемая игорная деятельность как специальный состав незаконного предпринимательства // Безопасность бизнеса. 2023. N2. С. 59–61.
10. Кочои С.М. Незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ): к вопросу о реформе уголовно-правовой нормы // Адвокатская практика. 2021. N2. С. 52–57.
11. Жилкин М.Г. Незаконное предпринимательство: вопросы межотраслевой дифференциации и квалификации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. N3. С. 79–88.
12. Кистанова Е. Является ли сдача нежилого помещения в аренду предпринимательской деятельностью? // Сетевое издание «Юрист для бизнеса»: сайт. 2021. URL: <http://www.lawyer-for-business.ru> (дата обращения: 01.12.2023).
13. Зебницкая А. К. К вопросу о выявлении и пресечении незаконной предпринимательской деятельности в социальных сетях // Адвокатская практика. 2021. N5. С. 28–30.

К вопросу о правовом положении профсоюзов в Российской Федерации и в государствах Западной Европы и США

Дегтерев Алексей Олегович, младший юрист
ООО «Эстив» (г. Владивосток)

В статье автор сопоставляет нормы законодательства о профессиональных союзах в Российской Федерации и государствах западной Европы, США. Автор делает вывод об обособленности правового регулирования профсоюзов в России. Российское законодательство о профсоюзах охарактеризовано как объемное и систематизированное, а также связанное с европейской моделью регулирования профсоюзов.

Ключевые слова: профсоюз, трудовое право, Российская Федерация, иностранное право.

Профсоюзы являются незаменимым проводником между государством и работодателем, с одной стороны, и работником с другой. Неудивительно, что профсоюзы — самые массовые общественные организации в большинстве стран мира, объединяющие миллионы человек по всему свету. Разумеется, такой обширный круг членов профсоюзов приводит к огромному влиянию на все сферы общества от, например, экономической (путем оказания давления на предпринимателей) до политической (путем лоббирования интересов рабочих организаций в органах власти). Такое влияние позволяет достичь главной цели профессиональных ассоциаций — защита прав и интересов работников.

Для начала следует обратиться к легальному определению. Вторая статья Федерального закона РФ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» гласит, что профсоюз — это добровольное объединение граждан, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов [1].

Стоит отметить, что главными принципами всех профессиональных союзов в России являются:

- 1) Принцип независимости;
- 2) Принцип самоуправления;
- 3) Принцип добровольности;

- 4) Принцип равноправия;
- 5) Принцип законности.

Говоря о правовом регулировании профсоюзов, следует начать с Конституции Российской Федерации. В статье 30 Конституции РФ указано: «каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов» [2]. Данная конституционная норма является базисом правового регулирования профсоюзов.

Норма Конституции детализируется в нескольких Федеральных законах Российской Федерации.

Первым из них, по мнению автора, следует выделить Трудовой Кодекс РФ (далее — ТК РФ). ТК РФ — это основной правовой акт в сфере регулирования трудовых отношений и отношений, тесно связанных с ними. В ТК РФ профсоюзы упоминаются в контексте трудовых отношений. Например, в вышеупомянутом кодифицированном законе официально закреплены основные права профсоюзов, например, на участие при заключении коллективного трудового договора (статья 29 ТК РФ), а также указано право на представление работников и их интересов первичными организациями профсоюзных ассоциаций (статья 30) [3].

Следующим источником права является Федеральный Закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях

деятельности» (далее — ФЗ «О профсоюзах»). Данный закон является профильным правовым актом в сфере профсоюзов, что означает, что он полностью посвящен только им и детально регулирует все правовые отношения, которые возникают в этой области. Содержание ФЗ «О профсоюзах» раскрывается при помощи глав данного нормативного акта: «Общие положения», «Основные права», «Гарантии прав профсоюзов», «Защита прав профсоюзов», «Ответственность профсоюзов», «Заключительные положения». Таким образом, фактически данный законодательный акт является определяющим нормативным документом в указанном перечне нормативных актов.

Следует помнить, что российское законодательство не является изолированным от законодательства третьих стран и международного права. Поэтому, отечественный законодатель, при выработке законодательства, обращает внимание, например, на акты Международной организации труда (МОТ). К таковым относится и Конвенция № 87 Международной организации труда «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию». Этот акт декларирует базисные устои организаций трудящихся, которые также признаются незыблемыми во всех государствах — членах ООН [4].

Разобравшись, с источниками правового регулирования профсоюзов, следует перейти к их функциям. В научной доктрине определяется, что профсоюзы осуществляют следующие функции:

- 1) Функция самоуправления (профсоюз является независимой организацией и самостоятельно решает вопросы своего существования и способы улучшения положения своих членов и защиты их прав);
- 2) Функция контролирования (профсоюз может контролировать соблюдение законодательства о труде со стороны работодателя);
- 3) Функция обучения работников (профсоюз содействует работникам в получении ими знания о своих правах, а также может помогать им повышать свою квалификацию и получать новые навыки, практически применимые в трудовом процессе и повышающие ценность труда работника);
- 4) Функция представительства и защиты прав работников [5].

Данная функция является основной и потому заслуживает особого внимания. Стоит обозначить, что понятие «Защита прав» является довольно большим по содержанию понятием, его стоит раскрыть подробнее. Защитная функция профсоюзов состоит из следующих элементов:

- А) Поощрения использования работниками своих прав;
- Б) Охраны трудовых прав работников;
- В) Пресечения нарушений прав работников;
- Г) Восстановления нарушенных прав работников;
- Д) Возмещения причиненного ущерба и инициирование привлечения виновных лиц к ответственности за нарушения трудового законодательства [6].

Также следует упомянуть и о представительстве. Представительство, несмотря на относительно небольшую правовую регламентацию, является важным элементом в области защиты прав трудящегося населения. Представительство является выражением деятельности по представлению интересов работ-

ников в государственных органах и в общественных организациях и, собственно, на конкретном предприятии.

В ТК РФ четко закреплено, что профсоюз вправе выступать как от имени одного трудящегося, так и от имени коллектива трудящихся — об этом гласит 29 статья Трудового кодекса Российской Федерации.

В ФЗ «О профсоюзах» представительству посвящена ст. 11. В ней описано, что из себя представляет представительство как функция профсоюзов, а также очерчен круг действий профсоюзных объединений в сфере защиты прав работников.

Далее речь пойдет о положении профсоюзов в государствах Европейского Союза и в Соединённых Штатах Америки.

В государствах Европы на основании законов о труде существуют два главных вида профсоюзов: цеховые и производственные профессиональные союзы. Начнем с цеховых: они образуются по принципу труда на одном предприятии, обычно при такой системе в корпорации имеется несколько маленьких профсоюзных организаций. Перефразируя, можно сказать что это тип рабочего объединения функционирует внутри «цеха», то есть только на самой маленькой производственной единице. Такая система организации профсоюзов наиболее широко распространена в странах Англо-саксонской правовой системы (Великобритания [7], США [8]). Такая система также существует и в России, но широкого распространения в нашей стране этот вид самоорганизации рабочих не получил. Главный недостаток этой системы в том, что она раздробляет и ослабляет силы профсоюзного движения путем создания множества относительно небольших организаций трудящихся (так как они включают в себя только работников одного «цеха», что составляет примерно 200–1000 работников) внутри одного предприятия (которое, как правило, состоит из нескольких «цехов», в каждом из которых своя профсоюзная организация), которые предпочитают действовать самостоятельно, что, в итоге, снижает возможность победы в конфликте с работодателями.

Производственные профсоюзы, в отличие от цеховых, объединяют рабочих по принципу единства производственного процесса как такового, иными словами, все работники нескольких предприятий входят в один отраслевой профсоюз, примером могут служить профсоюз врачей, которые работают в разных госпиталях, поликлиниках и т.д., так как профсоюз объединяет их на основе принадлежности к лечебному делу, а не месту работы как таковому. Производственный тип рабочей самоорганизации наиболее популярен и развит в Российской Федерации.

Теперь переходим к указанным в законе правам профсоюзов. Разумеется, в каждом государстве существуют свои нормы, регулирующие положение профсоюзов, которые во многом синонимичны и довольно схожи нормами российского права, но все же нормы иностранных государств имеют свои особенности.

В законодательстве Бельгии, а именно в Акте о Коллективных Соглашениях [9], имеются нормы, которые позволяют получить статус «наиболее влиятельного профсоюза» в любой трудовой сфере. Те профсоюзные организации, которые имеют этот статус получают социальные льготы и полномочия при осуществлении представительства работников перед государственными органами в ходе коллективных и индивидуальных

трудовых споров или, например, при выборах в органы рабочего представительства.

В одной из наиболее лояльных к профсоюзам стран, Франции, им предоставлены даже процессуальные права: профсоюзы имеют право заменить работника в судебном разбирательстве. Профсоюзам предоставлено право осуществлять в суде защиту коллективных интересов даже целой профессиональной категории. Стоит отметить и детальную регламентацию прав профсоюзов в Трудовом Кодексе Франции: помимо того, что первая книга второй части Трудового Кодекса Франции посвящена вопросам, связанным с созданием, функционированием и правами профсоюзов, в других частях указанного нормативного акта присутствуют положения о профсоюзах (например, профсоюзам посвящен ряд статей в разделе о коллективном договоре) [10].

Функция представительства в странах Запада связана с отстаиванием интересов работников не только на уровне предприятия, но и в государственных и общественных органах. Профсоюзы могут представлять интересы работников, участвуя, например, в выборах органов государственной власти и органов местного самоуправления, выступая с петициями о принятии законов, касающихся сферы труда, участвуя в раз-

работке государственной политики и программ в области трудоустройства населения или принимая участие в разработке государственных программ охраны труда, а иногда, как, например, в Великобритании, создают свои партии (одна из двух главных партий Британии — Лейбористская была создана в 1900 году группой профсоюзов Лондона).

Таким образом, проанализировав правовое положение профессиональных союзов в России, США и странах западной Европы, можно прийти к следующему заключению: в каждом государстве положение профсоюзов является фактическим отражением развития правовых институтов, и также является очень важной характеристикой правовой культуры общества и государства.

Законодательство стран Европы и США может быть охарактеризовано как детальное и предоставляющее широкий спектр прав для профсоюзов.

Российское законодательство о профсоюзах также является объемным, систематизированным, не содержит значительных правовых пробелов, но предоставляет меньше прав профсоюзам, чем в странах западной Европы и США, что указывает на возможные пути развития для отечественного законодательства в области профсоюзов.

Литература:

1. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 05.05.2024)
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.05.2024)
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 10.05.2024)
4. Трудовое право России. Учебник / Под ред. О. В. Смирнова. — М.: Проспект, 2006. — 110 с.
5. Сошникова Т. А. Пути повышения роли профессиональных союзов в современной России: монография / Т. А. Сошникова. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. — 78 с.
6. Бердычевский В. С. Трудовое право: учебник для студ. Вузов / В. С. Бердычевский, Д. Р. Акопов. — Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2009. — 286 с.
7. Trade Union and Labour Relations (Consolidation) Act 1992: Text: electronic // The Official Home of United Kingdom legislation. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1992/52/contents> (дата обращения: 12.05.2024)
8. U. S. Code § 152. Definitions in National Labor Relations Act of 1935: Text: electronic // Legal Information Institute of Cornell Law School. — URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/29/152> (дата обращения: 12.05.2024)
9. Act on collective agreements of 5 December 1968: Text: electronic // National Report of Belgian Trade Unions. — URL: http://adapt.it/adapt-indice-a-z/wp-content/uploads/2014/04/dorssemont_cox.pdf (дата обращения: 15.05.2024)
10. Code Du Travail Français: Text: electronic // Légifrance Le service public de la diffusion du droit. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006072050/> (дата обращения: 17.05.2024)

Право работника на самозащиту по законодательству РФ: возможности применения и правовые последствия

Дегтерев Алексей Олегович, младший юрист
ООО «Эстив» (г. Владивосток)

В статье автор анализирует право работника на самозащиту, которое является одним из видов защиты работников своих прав. В статье исследуются такие аспекты самозащиты прав работника как правовое регулирование самозащиты, основания для

ее применения, способы самозащиты и правовые последствия самозащиты. Автор делает вывод о достаточности правового регулирования феномена самозащиты работником своих прав.

Ключевые слова: самозащита, трудовое право, работник, работодатель

В 90-е года XX века в конституционном строе нашей страны произошли глобальные изменения, связанные с распадом СССР. Главным изменением являлся переход к рыночной экономике, что обуславливало изменение рынка труда, ослабление государственного регулирования трудовых отношений и появления множества недобросовестных частных предпринимателей и как следствие множество нарушений прав работников. Такие нарушения происходили в основном из-за зависимости работника от работодателя и отсутствия правовой и социальной защиты для работников. Трудовым Кодексом Российской Федерации закреплена возможность работника защиты своих прав самостоятельно, то есть право на самозащиту в соответствии с Главой 59 Кодекса «Самозащита работниками трудовых прав» [1].

Следует начать с дефиниции. Легальное определение самозащиты в трудовом праве отсутствует, поэтому автор приводит собственное определение: самозащита — это отказ работника от выполнения своих прямых трудовых обязательств в целях защиты своих индивидуальных трудовых прав и свобод. К таким правам можно отнести: право на своевременное и в полном объеме получение заработной платы, право на определенность в трудовом договоре трудовой функции, право на охрану жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности.

Не следует путать данные действия с забастовкой, так как под забастовкой понимается отказ работника выполнять работу полностью или частично с целью разрешения коллективного трудового спора. То есть, забастовка является способом разрешения коллективного трудового спора и направлена на отстаивание коллективных интересов или коллективных прав, а не индивидуальных.

Исходя из выше сказанного, мы понимаем, что главное отличие состоит в том, что право на самозащиту реализуется работником самостоятельно и независимо от других работников.

Автор соглашается с известным в научной доктрине мнением о том, что самозащита работника является правовым институтом аналогичным самозащите права в гражданском праве и самообороне в уголовном праве [2].

Говоря о правовом регулировании, следует начать с Основного Закона — Конституции Российской Федерации.

Ст. 45 Конституции Российской Федерации гласит, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

В соответствии с частью 4 статьи 37 Конституции Российской Федерации за человеком и гражданином признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием всех не запрещенных законом способов, в том числе права на забастовку [3].

Детализируются положения Конституции в Трудовом Кодексе Российской Федерации (Далее — ТК РФ).

В ст. 379 ТК РФ определено: «В целях самозащиты трудовых прав работник, известив работодателя или своего непосред-

ственного руководителя либо иного представителя работодателя в письменной форме, может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также отказать от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами».

В Кодексе отмечается, что на время отказа от работы за работником сохраняются все права, предусмотренные трудовым законодательством.

Ст. 380 ТК РФ определяет, что работодатель, представители работодателя не имеют права препятствовать работникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что самозащита осуществляется путем действия или бездействия, например, в виде невыполнения трудовых функций.

Автор отмечает, что использование работником самозащиты не лишает его права на обращение в компетентные государственные органы (например, в суд или в государственную инспекцию труда).

Основания для самозащиты конкретизированы в ст. 379 ТК РФ:

— понуждение к выполнению работы, не предусмотренной трудовым договором;

— понуждение к выполнению работы, которая непосредственно угрожает жизни и здоровью работника, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами. Под такими случаями стоит понимать ту работу, которая изначально предполагает наличие угрозы жизни и здоровью работника (например, работа шахтера или пожарного).

Работник вправе отказаться от выполнения своих трудовых обязательств и в других случаях, предусмотренных Трудовым Кодексом, иными федеральными законами и нормативно правовыми актами (например, при задержке выплаты заработной платы — ст. 142 ТК РФ).

Конкретными проявлениями вышеуказанных оснований могут служить издание приказов и распоряжений работодателя о сверхурочной работе после окончания рабочего дня и в выходные, о выходе работника из отпуска до окончания срока отпуска, выполнения обязанностей, которые коренным образом отличаются от тех, которые закреплены в трудовом договоре, а также в случае необеспечения работника средствами индивидуальной и коллективной защиты.

Ученые-правоведы выделяют следующие признаки самозащиты как неюрисдикционной формы защиты своих трудовых прав и свобод:

Во-первых, право на самозащиту у работника возникает во время нарушения его прав, а также в случае возникновения препятствий, которые не дают реализовать свои законные права;

Во-вторых, в случаях, когда работник применяет самозащиту, за ним сохраняются его права, закрепленные трудовым

законодательством РФ и другими нормативно-правовыми актами содержащих нормы права;

В-третьих, самозащита является правомерным деянием, которое выражается в действии или бездействии;

В-четвертых, существует строгий порядок осуществления самозащиты, предусмотренный действующим законодательством, трудовыми и коллективными договорами;

В-пятых, действующее законодательство предусматривает выбор способа защиты, который не должен превышать установленные пределы. Иными словами, способ самозащиты должен быть соразмерен характеру нарушенных прав;

В-шестых, самозащита предусматривает только самостоятельные действия работника, направленные на защиту прав и интересов без помощи государственных органов [4].

Анализируя субъектов самозащиты трудовых прав, то следует помнить, что при её применении работник не прибегает к каким-либо другим субъектам, например, к государственным органам в сфере контроля и надзора. Поэтому при самозащите трудовых прав существует всего лишь два субъекта, это работодатель и работник. В некоторых случаях работники могут применять самозащиту одновременно с коллективными трудовыми спорами, но в таком случае требования работника будут индивидуализированы, а значит они не образуют самостоятельных коллективных требований.

Основаниями для применения самозащиты могут являться действительные или мнимые нарушения права работника. В случае, если работник считает, что его право нарушено и работник желает применить самозащиту, то он должен сообщить об этом работодателю с целью устранения конфликтной ситуации до ее эскалации. Если же работник не сообщил работодателю о том, что его право нарушено и прибег к самозащите, то смысл самозащиты как таковой теряется, ведь вторая сторона конфликта не была извещена о нарушении прав работника. Исходя из вышесказанного можно определить, что действия или бездействия, связанные с самозащитой своих прав, должны начинаться только после оповещения работодателя о нарушении с его стороны. По общему правилу такое сообщение должно быть отправлено работодателю или его полномочному представителю в письменной форме [5].

Самозащита работником своих прав предполагает определенные правовые последствия.

Во-первых, ст. 379 ТК РФ закрепляет, что на время отказа от работы за работником сохраняются все права, предусмотренные трудовым законодательством (в том числе, и на получение заработной платы)

Во-вторых, в практике сложилось мнение, что прогул работника (как и любую другую форму самозащиты) нельзя считать незаконным и следует рассматривать как способ самозащиты своих прав до тех пор, пока полномочный государственный орган не вынесет решение о противоправности этих действий [6].

В-третьих, Работник может быть привлечен к материальной ответственности после признания компетентным государственным органом (судом или государственной инспекцией труда) самозащиты незаконной или необоснованной.

Если способ самозащиты, который использовал работник, был признан компетентным государственным органом незаконным, то работник не имеет права продолжать использовать такой способ в состоявшемся споре, а если его действия были признаны необоснованными, то работник не сможет применить данный способ при аналогичном нарушении его трудовых прав.

Не допускается совершение противоправных действий работником, даже при наличии нарушений трудового законодательства работодателем. Такие действия работника не только будут оценены с точки зрения административного или уголовного законодательства, но и будут расценены как превышение пределов самозащиты трудовых прав. Например, работник посчитал, что работодатель нарушил его трудовые права и решил изъять из кассы прибыль организации и присвоить её себе. Такое поведение однозначно будет квалифицировано как хищение имущества работодателя и будет свидетельствовать о превышении работником пределов осуществления самозащиты своих трудовых прав.

При признании компетентным государственным органом действий работника как незаконных и (или) необоснованных, то работодатель получает право на возмещение ущерба, причиненного работодателю работником в соответствии со ст. 248 ТК РФ.

Правовые положения о самозащите во многом направлены на защиту работников как слабой стороны в трудовых правоотношениях и преследуют цель дать определенные преимущества для работников в споре с работодателем. Причем явно выражено воля законодателя на то, чтобы работник имел возможность защищать свои права и интересы, в первую очередь, без судебного разбирательства, а если же спор перейдет в состояние судебного разбирательства, то самозащита работника может быть продолжена и во время такого разбирательства. Более того, сам ТК РФ и правоприменительная практика также направлена на поддержку работника перед сильной стороной правоотношений — работодателем.

Таким образом, самозащита прав работника является одним из признаваемых отечественным законодательством способов защиты лицом своих прав. В целом, несмотря на то что объем норм, регулирующих самозащиту невелик, представляется возможным сделать вывод о том, что законодательный базис в данной сфере существует. Основная проблема правового регулирования самозащиты заключается в оценочных понятиях, применяемых в каждом отдельном деле уникальным образом. Иными словами, оценить, например, соразмерность самозащиты нарушенному права возможно только в рамках конкретного дела с учетом фактических обстоятельств.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 01.05.2024)

2. Лушников А. М. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. — М.: Статут, 2009. — 334 с.
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.05.2024)
4. Шиян В. И. Трудовое право: Учебное пособие / В. И. Шиян. — М.: МГИУ, 2008. — 153 с.
5. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности: Монография / Н. В. Витрук. — М.: Изд-во РАП, 2008. — 304 с.
6. Буянова А. В. Трудовое право России. Общая часть. Учебник / А. В. Буянова, О. В. Мацкевич, А. Н. Приженникова. — М.: Прометей, 2018. — 142 с.

Правовое регулирование инвестиций в криптовалюту: проблемы и перспективы реализации в Российской Федерации

Дегтерев Алексей Олегович, младший юрист
ООО «Эстив» (г. Владивосток)

В статье анализируется правовое регулирование инвестиций в криптовалюту в Российской Федерации, существующие проблемы, перспективы реализации и полноценного внедрения такого объекта как криптовалюта в правовую систему РФ, рассматриваются уже действующие нормативно-правовые акты и находящиеся в разработке. Автор уделяет внимание существующим наработкам данной сфере, а также установленным планам реализации регулирования криптовалют в РФ согласно дорожным картам и иным документам издаваемыми такими органами как: Правительство РФ, Министерство Финансов и Банк России. Целью статьи является анализ существующего на данный момент правового регулирования криптовалют и инвестиций в них на территории РФ, а также планы и перспективы дальнейшего всецелого урегулирования данного объекта.

Ключевые слова: правовое регулирование инвестиций, криптовалюты, цифровые валюты, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Криптовалюта является стремительно набирающей популярность технологией во всем мире, и возникает острая необходимость регулирования данного объекта. Правовое регулирование криптовалюты, а также инвестиций в нее является общим мировым трендом во многих странах, таких как США, Франция, Великобритания, а также других, в том числе и в России. Так как криптовалюта является сложным объектом, работающим на основе технологии блокчейн, особенностью которой является децентрализация, ее регулирование может затрудняться, ведь основной идеей существования криптовалют является анонимность ее держателя, а также анонимность проведение сделок в сети. Стоит отметить, что этого принципа придерживаются не все криптовалюты, а лишь некоторые, также существует сложность в регулировании криптовалютных бирж, на которых они обращаются по аналогии с ценными бумагами, ведь отечественных аналогов таких бирж не существует в связи с запретом, а находящиеся в других странах подчиняются иностранным юрисдикциям.

На данный момент в правовом поле Российской Федерации часто встречаются высказывания о правовом регулировании криптовалют, высказывания по этому поводу делают ключевые личности в сфере экономики страны, а также такие органы как Центральный Банк РФ, Министерство Финансов РФ и другие. Важно отметить, что мнения различных органов по данному поводу расходятся, так ЦБ РФ стоит на позиции запрета обращения и инвестиции в криптовалюту на территории РФ, а Ми-

нистерство Финансов выступает за внедрение криптовалют в правовое пространство России.

Естественно, при возникновении криптовалют перед юристами многих стран встал вопрос, можно ли рассматривать её как объект гражданских прав, данный вопрос является непростым и требует комплексного сравнительно-правового анализа. Согласно статье 128 Гражданского Кодекса РФ объектами гражданских прав являются: вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказания услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Если рассматривать данный перечень, то его можно разделить на определенные группы, такие как: имущество, работы и услуги, информация, результаты интеллектуальной деятельности и нематериальные блага. [1]

Некоторые из перечисленных объектов не подходят для классификации криптовалют. Такие, как:

- 1) вещи, поскольку криптовалюта как таковая не имеет материального и физического воплощения;
- 2) результата работ или оказания услуг, ведь отсутствует субъект, выполняющий эти самые работы и услуги;
- 3) результата интеллектуальной деятельности, так как функционирование системы криптовалют основано на заранее

заготовленных протоколах и программных кодах, в данном случае отсутствует элемент творческой деятельности человека;

4) нематериального блага, так как отсутствует тесная связь с личностью человека. [2]

Криптовалюта как объект инвестиций, в соответствии с пунктом 1 статьи 142 ГК РФ бездокументарной ценной бумагой признается обязательственные и иные права, они закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со ст. 149 ГК РФ. Как отмечается в п. 1 ст. 149 ГК РФ, лицами, ответственными за исполнение по бездокументарной ценной бумаге, являются лицо, выпустившее ценную бумагу, а также лица, которые предоставили обеспечение исполнения соответствующего обязательства. Лица, ответственные за исполнение по бездокументарной ценной бумаге, должны быть указаны в решении о ее выпуске или в ином предусмотренном законом акте лица, выпустившего ценную бумагу. Передача криптовалюты от одного лица к другому не создает никакого обязательства, получатель не имеет права требования к лицу, которое ему отправило криптовалюту, а отправитель в свою очередь не несет никакой ответственности, помимо этого цифровые валюты не подвержены таким процессам, как эмиссия и распространение ценных бумаг. [3]

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод о том, что в настоящее время отнести криптовалюту к бездокументарным ценным бумагам согласно законодательству Российской Федерации невозможно. Так называемый выпуск криптовалют как правило не подтверждается никакими документами и часто даже неизвестны лица, создавшие ту или иную цифровую валюту, как например создатель Bitcoin, помимо этого передача криптовалют не создает обязательственных прав.

Если обращаться к опыту иностранных коллег в этом вопросе, то по мнению представителей комиссии по ценным бумагам США криптовалюты в большинстве своем являются аналогом ценных бумаг и должны классифицироваться именно как ценные бумаги, то есть попадать под регулирование, связанное с рынком ценных бумаг. Глава комиссии по ценным бумагам США также отметил что, например, самая известная криптовалюта Bitcoin скорее является товаром, нежели ценной бумагой [12], основной причиной для такой классификации является природа самой этой криптовалюты, такое высказывание могло быть основано на том что в сообществе криптовалют существует мнение о том, что Bitcoin является цифровым золотом XXI века обеспечивающий ему особый статус, также стоит отметить что данная криптовалюта создана по всем основным фундаментальным параметрам которым должна соответствовать криптовалюта, а именно анонимность и безопасность.

На данный момент криптовалюты попадают под определение цифровых валют в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 N259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]

Цифровой валютой в Российской Федерации согласно статье 1 Федерального закона от 31.07.2020 N259-ФЗ (ред. от

14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Исходя из определения, данного нам законодателем, можно сделать вывод, что криптовалюты как объект являются цифровой валютой согласно законодательству РФ, но как ранее упоминалось криптовалюты не являются платежным средством на территории Российской Федерации, её использование возможно лишь между двумя контрагентами по предварительной договоренности, но не как полноценный аналог национальной валюты. Также отсутствует единый реестр или список, определенный законодателем, который указывает на то какие объекты являются цифровой валютой, а какие нет. Соответственно существуют некоторые различия, для определения которых необходимо определить признаки цифровых валют, их можно выделить в части 3 статьи 1 Закона № 259-ФЗ:

1) Они представляют собой совокупность электронных данных в виде цифрового кода и существуют в безналичной, электронно-цифровой форме, при это они не являются безналичными или электронными денежными средствами.

2) Они предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа — функция средства платежа является одной из основных функций денег. По мнению И. И. Кучерова «как средство платежа деньги функционируют при совершении платежей вне сферы товарооборота. Эта функция проявляется в ситуациях, когда передача денег непосредственно не связана с обращением товаров, работ и услуг». [5] Деньги используются как средство платежа при оплате налогов, погашения долговых обязательств субъектами гражданского оборота, выдаче и погашения кредитов и так далее, но согласно законодательству Российской Федерации как отмечалось ранее использование криптовалют в качестве официального средства платежа и в фискальных целях невозможно что создает некоторые недопонимания и образуется коллизия права выражающаяся в том что один нормативно-правовой акт устанавливает возможно использования цифровой валюты, то есть криптовалюты на территории страны как средство платежа, а другой это запрещает.

3) Они не являются денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей. Цифровые валюты являются частными деньгами, они не связаны напрямую с какой-либо валютой одной из стран. Такой подход

ограничивает национальную валюту от цифровой валюты, указывая на особую правовую природу последней, с другой стороны с учетом перспективы внедрения в оборот цифровых валют центральных банков он позволит в будущем разграничивать частные и государственные цифровые валюты.

4) Они могут быть использованы в качестве инвестиций, это определяет еще одну функцию цифровых валют, а именно что она является имуществом и обладает денежной оценкой и может быть вложена в объекты предпринимательской деятельности или самостоятельно выступать таким объектом в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

5) У цифровой валюты отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему её правилам, это указывает на то что у цифровой валюты отсутствует централизованное звено, которое осуществляет эмиссию данной цифровой валюты, а также отсутствует ответственно лицо несущее юридическую ответственность перед держателями цифровой валюты. [6]

С помощью этого законодатель смог ограничить защиту прав участников операций с цифровыми валютами, что соотносится с положениями части 6 статьи 14 Закона № 259-ФЗ, закрепляющий в качестве условия защиты «требований, связанных с обладанием цифровой валютой» обязательное информирование о фактах обладания соответствующими объектами и совершения операций с ними. Функцией операторов и узлов информационных систем является исключительно сопровождение обращения цифровых валют, их роль является посреднической, и главная цель заключается в обеспечении правильного функционирования всей системы. Также в федеральном законе нет указания на технологию распределенного реестра как на основу цифровой валюты, что предполагает многообразность цифровых валют, ведь как известно функционирование основополагающих криптовалют основано на децентрализованных методах, либо на сходных между собой централизованных системах, в свою очередь закон определяет возможность функционирования цифровой валюты на основе как распределенного реестра, так и иной информационной системы. Таким образом можно сделать вывод что законодатель определяет понятие цифровая валюта как более широкое нежели криптовалюта, так как цифровой валюте может быть отнесены, в том числе и валюты некоторых компьютерных игр ведь они попадают по характеристику данную законодателем, но в данном случае следует считать данный вопрос дискуссионным, ведь очевидно что под цифровыми валютами в первую очередь понимаются криптовалюты и в будущем в федеральный закон очевидно будут вноситься правки с целью конкретизации объекта регулирования, а также будут издаваться новые законы регулирующие данную отрасль. Косвенным указанием на технологию распределенного реестра является упоминание в определении цифровой валюты узлов информационной системы, которыми на основании ч. 8 ст. 1 Закона № 259-ФЗ являются пользователи

информационной системы на основе распределенного реестра, обеспечивающие тождественность информации, содержащейся в указанной информационной системе, с использованием процедур подтверждения действительности, вносимых в нее (изменяемых в ней) записей. [7]

Рассматривая тенденции регулирования криптовалют в сфере инвестиций в Российской Федерации, можно сказать, что работа в данном направлении велась длительный период времени, но первым значительным шагом помимо принятия федерального закона следует считать 28 января 2022 года [8], когда вице-премьером Российской Федерации Дмитрием Чернышенко была утверждена дорожная карта по регулированию операций с криптовалютой в стране. Рассматривая данный документ можно выделить следующие основные положения:

1) проработать «атрибуты и функционал системы комплаенс-контроля за деятельностью организаторов, операторов и клиентов р2р-платформ и иных систем, в том числе провайдеров услуг виртуальных активов»;

2) доработать положения «регуляторно-ограничительного режима» для таких провайдеров, определить статус участников рынка и порядок их деятельности, а также выбрать орган, который будет контролировать эту сферу;

3) внести требования межправительственной группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (FATF) в части виртуальных активов в систему «регуляторно-ограничительных мер»;

4) разработать механизмы регистрации и отчетности организаций, через которые проходит обращение виртуальных активов;

5) определить административную или уголовную ответственность за преступления с использованием криптовалют (предполагает ответственность за уклонение от декларирования сведений об операциях с криптовалютами);

6) проработать механизм проверки предоставляемых данных о владении криптовалютами;

7) доработать законопроект об информировании граждан о владении цифровой валютой и операциях с ней;

8) ввести административную ответственность за незаконный оборот цифровых финансовых активов и нарушение правил проведения сделок с ними, а также за организацию незаконного приема криптовалюты;

9) определить порядок идентификации клиентов операторов обмена цифровых валют (в том числе с помощью отправки отчетности в Росфинмониторинг);

10) дать правовую оценку использованию подставных лиц в расчетах между физлицами;

11) проанализировать введенные в Китае «запретительные нормы» в отношении криптовалют;

12) разработать методы оценки стоимости криптовалютных активов;

13) проработать вопрос, применим ли к площадкам по обороту криптовалют закон о деятельности иностранных интернет-компаний (они обязаны открыть в России филиалы)

Можно отметить, что перечисленные выше задачи покрывают всю необходимую зону правового регулирования криптовалют, однако стоит отметить, что работа в данном направ-

ление ведется достаточно медленно и из всех перечисленных задач за год были выполнены всего лишь несколько.

Через некоторое время, а именно 8 февраля 2022 года также Правительство РФ утвердило Концепцию законодательного регулирования оборота цифровых валют. [9] Основной идеей стало приведение регулирования данной отрасли по аналогии с фондовым рынком, а именно было предложено следующие:

1) оборот цифровых валют будет регулироваться исключительно государством, для всех профессиональных участников рынка будут установлены жесткие обязательства с акцентом на защиту прав инвесторов;

2) криптовалютные площадки или же биржи будут обязаны иметь финансовые подушки безопасности по ликвидности и достаточности капитала;

3) инвесторов необходимо разделить на квалифицированных и неквалифицированных, также для совершения сделок необходимо будет пройти идентификацию;

4) разрешить совершение сделок, связанных с криптовалютой на иностранных биржах.

Следующим шагом стали действия Министерства Финансов РФ, 18 февраля 2022 года оно внесло в Госдуму законопроект по регулированию криптовалют в РФ [10], согласно которому:

1) МинФин установить требования в отношении бирж и обменников;

2) ввод и вывод средств в сети криптовалют будет осуществляться исключительно через банки с использованием банковского счета;

3) перед приобретением криптовалюты гражданам России будет необходимо пройти онлайн-тестирование, при успешном прохождении сумма вложенных средств может достигать 600 тысяч рублей, без такового 50 тысяч рублей, для юридических лиц и граждан, являющихся квалифицированными инвесторами, данное ограничение отсутствует;

4) операции с криптовалютой возможны только при условии проведения идентификации клиента;

5) предлагается законодательно закрепить определение цифрового майнинга, как деятельности, направленной на получение криптовалюты;

6) иностранным криптовалютным биржам для получения лицензии будет необходимо зарегистрироваться в России;

7) использование криптовалют в качестве средства платежа планируется все также оставить запрещенным.

Первыми шагами в законодательном регулировании для государства стала отрасль майнинга, под майнингом понимается использование мощностей вычислительных машин для получения криптовалюты, главная цель урегулирования данного явления является низкая стоимость электроэнергии в России и высокая нагрузка так называемых майнинг ферм на электросеть, помимо этого в основном такие фермы работают в жилом массиве и соответственно используют самые доступные тарифы электроэнергии, в свою очередь промышленные производства должны платить гораздо больше, также как правило создатели майнинг ферм не уплачивают налог с прибыли. Этому способствует множество причин, такие как анонимность и трудность вычисления таких злоумышленников. Также важно отметить, что деятельность майнинг-ферм оказывает

прямое воздействие на инфраструктуру в сфере электроэнергетики, так согласно статистическим данным, на долю таких так называемых предприятий приходится существенная доля в масштабах этой сферы среди всей вырабатываемой электроэнергии в стране и данный показатель постоянно растет.

Естественно, отрасль именно майнинга должна быть законодательно урегулирована в первую очередь, так 25 января 2023 года Министерство финансов Российской Федерации поддержало проект взимания налога на прибыль с компаний, занимающихся деятельностью, связанной с майнингом криптовалют, по мнению министерства Налоговый кодекс РФ уже имеет необходимые положения для введения такой меры.

В том числе по данному поводу высказался председатель комитета Госдумы РФ по финансовому рынку Анатолий Аксаков, указав на то что в данном случае должен быть установлен аналог единого налога на вмененный доход, ставка которого будет варьироваться от 7,5 до 15 процентов, также, по его мнению, она может достигать 20 процентов. [11]

В свою очередь представители данной индустрии заявили, что пока в стране не существует полноценного законодательства, регулирующего майнинговую деятельность, введение налогообложения не принесет ожидаемого эффекта, по той причине, что легализованная часть крипторынка в стране минимальна и большая часть этих лиц не намерены жертвовать своей прибылью для добровольной уплаты налога, так на данный момент, а именно январь 2023 года налог на майнинговую деятельность и операции с криптовалютой не платит никто, крупные игроки платят налог как дата-центры, предоставляющие в аренду информационную инфраструктуру с целью сокращения налоговой нагрузки.

Для налоговых органов важным элементом в контроле за оборотом криптоактивов является возможность отслеживания транзакций, что в сфере криптовалют является достаточно трудным процессом, для этого необходимо чтобы все лица, осуществляющие транзакции, проходили идентификацию помимо этого все игроки в данной сфере осуществляют сделки в сети криптовалют через иностранные биржи не имеющих регистрации или лицензии на осуществление такой деятельности в России.

Законопроект № 237585–8, предлагающий скорректировать Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», был внесен на рассмотрение Госдумы в ноябре 2022 года и направлен на предварительное рассмотрение в комитет по финансовому рынку, а также на правовую экспертизу. Несмотря на отсутствие необходимого законодательного регулирования, майнинг цифровых валют в России уже начал активно развиваться, что стало стимулом для группы депутатов и экспертов Минфина, Банка России и Минцифры России начать работу по оперативному приведению сложившейся ситуации в соответствие с нормами Федерального закона № 259-ФЗ от 31.07.2020 и легитимизации выпуска и оборота цифровых валют.

В отношении правового регулирования криптовалюты на территории России существуют значительные разногласия между Министерством финансов России и Банком России.

Так, министерство выступает за запрет использования цифровых валют в качестве средства платежа на территории РФ, рассматривая криптовалюту исключительно в качестве инструмента для инвестиций и предполагая возможность осуществления операций с покупкой или продажей криптовалюты только при условии проведения идентификации клиента. Позиция ведомства по этому вопросу отражена в разработанном им законопроекте «О цифровой валюте». В рамках проектов законов «О цифровой валюте» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О цифровой валюте» Министерством финансов Российской Федерации предложено внедрение следующих изменений:

- 1) Законодательное закрепление определения цифрового майнинга как деятельности, направленной на получение криптовалюты;
- 2) введение механизма предоставления информации налоговым органам, действующим на территории Российской Федерации;
- 3) создание условий для проведения операций с покупкой и продажей криптовалюты при идентификации клиента;
- 4) сохранение запрета на использование криптовалют в качестве средства платежа на территории Российской Федерации.

Помимо этого, мнение по концепции развития законодательного регулирования криптовалют в РФ между Банком России и Правительство, в том числе расходятся, по мнению Банка России необходимо:

- 1) Установить ответственность за нарушение законодательного запрета на использование криптовалют в качестве средства платежа за товары, работы и услуги, продаваемые и покупаемые юридическими и физическими лицами — резидентами Российской Федерации.
- 2) Ввести запрет на организацию выпуска и (или) выпуск, организацию обращения криптовалюты (в т.ч. криптобиржами, криптообменниками, P2P-платформами) на территории РФ и установить ответственность за нарушение данного запрета.
- 3) Ввести запрет на вложения финансовых организаций в криптовалюты и связанные с ними финансовые инструменты, а также на использование российских финансовых посредников и российской финансовой инфраструктуры для осуществления операций с криптовалютами и установить ответственность за нарушение данного запрета

В свою очередь Правительство РФ:

- 1) Против запрета криптовалют в России, но поддерживает идею регулирования рынка.
- 2) Проводить операции с криптовалютой в периметре банковской инфраструктуры — это поможет контролировать операции и идентифицировать всех участников.
- 3) Сделать организаторами системы обмена цифровых валют банки с универсальными лицензиями, которые будут контролировать операции, выявлять незаконные, идентифицировать клиентов и т.д.
- 4) Использовать сервис «Прозрачный блокчейн» для отслеживания операций с криптовалютой и выявления незаконных транзакций.

5) Создать операторов обмена цифровых валют по модели p2p-обменника (между физическими лицами) или по модели биржи.

6) Разделить функции надзора между ЦБ, Минфином, Росфинмониторингом, ФНС, Минцифры и Генпрокуратурой.

7) Определить ключевые параметры майнинга криптовалют.

Таким образом, можно констатировать, что для законодателя данное направление является значимым и ведется активная работа для правового урегулирования криптовалют в Российской Федерации, стоит отметить что регулирование согласно планам правительства, затрагивает всю отрасль криптовалют, а не только инвестиции или возможность использования как средство платежа, что, в том числе говорит о заинтересованности государственных органов в регулировании такого объекта как криптовалюта. Как ранее отмечалось государственным органами были определены направления работы в данной сфере, первые значительные изменения начали происходить в начале 2023 года, а именно регулирование сферы майнинга криптовалют, что в свою очередь осуществляется в инвестиционных целях, и очевидно, что в дальнейшем согласно установленному плану будет происходить модернизация действующего законодательства и утверждение новых законов, направленных на отрасль криптовалют.

Проанализировав нынешнюю ситуацию в Российской Федерации и мире относительно криптовалют, можно прийти к выводу об острой необходимости правового регулирования данной деятельности, но всегда существуют препятствия, которые ограничивают возможность правильного и полноценного решения поставленного вопроса.

Криптовалюты являются сложным объектом и вопрос о его правильном и всецелом регулировании является ключевым, так в связи с действующими в данный момент санкциями и общей политикой иностранных компаний, заключающейся в уходе с российского рынка можно выделить проблему потенциального отказа от регистрации криптобирж и иных компаний в сфере криптовалют на территории Российской Федерации, данное требования является ключевым ведь в случае отсутствия регистрации криптобиржи её деятельность невозможно урегулировать и в случае недобросовестного исполнения ими своих обязанностей граждане РФ которые осуществляли операции через данные биржи рискуют потерять свои денежные средства, помимо этого в Западном сообществе распространена практика конфискации и блокировки имущества граждан РФ, что, в том числе немаловажно. Создание таких компаний на территории РФ также затрудняется отсутствие доступа к капиталу вне Российской Федерации, лишь некоторые малое количество зарубежных компаний пойдут на сотрудничество с Российской Федерацией это означает что её деятельность будет осуществляться по большей части лишь внутри РФ, что в свою очередь создает технические трудности, главное из которых это отсутствие ликвидности на внутреннем рынке. В том числе необходимо разработать законодательное регулирование для таких компаний, что является достаточно трудоемким процессом и займет длительное время. Указанные проблемы создают цепочку новых, таких как необходимость верификации

пользователей, осуществляющих операции с криптовалютами, так как иностранные криптобиржи не могут быть урегулированные законодательством РФ, а национальная криптовалютная биржа отсутствует, то невозможно обязать граждан проходить идентификацию в государственных органах при совершении таких сделок. Таким образом можно констатировать, что в данный момент создание системы верификации пользователей и регулирования криптовалютных бирж невозможно, для этого требуется создание криптобиржи на территории РФ, а также необходимо принять соответствующие нормативно-правовые акты разрешающие данную деятельность. [12]

Разногласия между государственными органами, в том числе осложняют и замедляют работу в данном направлении, так существуют сильные разногласия между Министерством финансов РФ и Банком России, так по мнению первых криптовалюты как объект инвестиций должны быть разрешены на территории России, а также необходимо вести в ускоренном темпе работу по регулированию данной деятельности, в свою очередь Банк России относится более скептически к данному объекту и выступает за запрет оборота криптовалют или строгое регулирование данной деятельности.

Работа в данном направлении осложняется проблемами потому что сфера криптовалют является довольно обширной поэтому необходимо проработать все аспекты возможного применения цифровой валюты, так как определялось ранее криптовалюты могут быть использованы в трех основных случаях, это объект инвестиций, аналог банковскому переводу и средство платежа, на данный момент криптовалюты используются в обоих случаях помимо средства платежа, но согласно мнению Банка России возможно рассмотрение использования криптовалют как средства платежа в тестовом формате. Это означает что криптовалюта как объект требует регулирования сразу в трех разных сферах и приведения цифровой валюты к аналогичному статусу, как и ценные бумаги недостаточно, в данном случае законодатель должен использовать подход точечного регулирования. Помимо необходимости принятия нормативно-правовых актов требуется создать специализированные органы, осуществляющие деятельность по регулированию данного объекта или расширить полномочия нынешних структур что увеличит и так высокую загруженность государственных органов. [13]

Ключевыми факторами для государства, способствующими и обязывающими к ведению работы в данной сфере, является обеспечение финансовой безопасности для граждан, деятельность в сфере ПОД/ФТ и исключение обхода налогового и иного законодательства с помощью криптовалют.

Рассматривая финансовую безопасность граждан Банк России выделяет высокие риски инвестирования в любые криптоактивы за счёт большой волатильности и высоких рисков посредников в виде криптовалютных бирж и иных лиц, осуществляющих обмен на наличную валюту. Причем за счет трудной технической структуры работы криптовалют в случае нарушения прав гражданина в большинстве случаев правоохранительные органы не смогут восстановить право лица.

Деятельность в отношении ПОД/ФТ не менее важна, так согласно данным директора департамента ЦБ, около 60% всех

нелегальных финансовых операций проходят именно в сети криптовалют. Рассматривая объем таких транзакций, можно выделить два основных направления: это компании, осуществляющие отмывание денежных средств, и нелегальная деятельность, которая чаще всего связана с наркоторговлей. Согласно последним доступным статическим данным лишь за второй квартал 2021 года компаний осуществляющие свою деятельность в сфере отмывания денежных средств с помощью криптовалюты в РФ получили доход не менее 1,2 миллиарда долларов. Самый крупный нелегальный интернет-магазин получил доход 2,1 миллиарда долларов за 2021 год, все транзакции были проведены исключительно с использованием криптовалют. Финансирование терроризма в свою очередь представляет высокую общественную опасность.

Обход налогового законодательства заключается в нелегальном отмывании денежных средств и скрытию доходов с помощью транзакций в сети криптовалют, так как отследить данные операции без наличия необходимой инфраструктуры и обязанности верификации всех пользователей трудновыполнимо, большая часть таких платежей остается вне поля регулирования правоохранительных органов. [14]

Перспективы отрасли криптовалют на территории РФ на данный момент благоприятные, как отмечалось ранее ведется работа в отношении регулирования, первым шагом стало принятие в 2020 году Федерального закона «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте», также в начале 2023 года началась активная работа в отношении регулирования майнинга криптовалют. На данный момент можно сказать, что деятельность, направленная на правовое регулирование цифровых валют, набирает обороты с каждым годом, несмотря на существующие проблемы, и не предвидится выбор регулирования по аналогии с КНР, то есть полного запрета, соответственно законодатель определяет, что те достоинства и преимущества, которые могут предоставить криптовалюты как гражданам, так и государству, являются более существенными, нежели существующие сейчас проблемы [15]

Помимо рассмотрения перспектив с правовой точки следует обратить внимание на рост самой сферы, в ином случае если окажется что популярность криптовалют на территории России падает, то это означает что данный институт не столь востребован среди граждан и возможно следует избрать другой подход к регулированию. На данный момент картина относительно криптовалют в России противоположная, РФ является одним из мировых лидеров в скорости развития в сфере криптовалют, этому способствуют особенности благосклонные для данной деятельности, так низкая стоимость электроэнергии обеспечивает возможность для майнинга криптовалют, холодный климат увеличивает производительность майнинговых ферм, а отсутствие власти сильных глобальных финансовых институтов обеспечивает самостоятельность для криптоактивов. Помимо этого, санкционное давление на Россию лишь увеличило количество пользователей цифровыми валютами.

Таким образом, можно констатировать факт того что криптовалюты и все что с ними связано являются глобальным трендом не только в мире, но и в Российской Федерации, что обуславливает необходимость регулирования данной сферы для

обеспечения безопасной деятельности как для граждан, компаний, оказывающих криптовалютные услуги и государства.

Проведенное исследование отечественного и зарубежного опыта правового регулирования криптовалют позволяет говорить о большой важности такого исследуемого явления как в России, так и в зарубежных государствах.

В ходе анализа данных были выявлены недостатки существующего законодательства и можно констатировать, что на данный момент в Российской Федерации отсутствует должное законодательное регулирование криптовалют и цифровой валюты в целом, но ведется активная работа по разработке регулирующих норм для данной сферы.

Говоря о причинах отсутствия должного правового регулирования можно отметить относительно маленький срок существования такого объекта как криптовалюта, что в свою очередь затрудняло проведение анализа данной сферы законодателем с целью выявления её сущности относительно времени существования, ведь данный тренд мог оказаться временным. Сейчас можно четко заключить что криптовалюты являются частью мировой финансовой системы и её регулирование в РФ обязательно. В том числе разработка регулирующих норм осложняется сложностью самого объекта, а также его многогранностью исходя из потенциальных методов использования.

Тем не менее, изучив правовое регулирование инвестиций в криптовалюту в Российской Федерации, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, первым и основным нормативно-правовым актом, регулирующим криптовалюту, является Федеральный закон от 31.07.2020 N259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» который устанавливает определение цифровой валюты под которое попадают криптовалюты, порядок обращения, выпуска и иные особенности связанные с данным объектом, но данный акт по большому числу лишь устанавливает основные аспекты, не конкретизируя ключевые особенности регулирования, а также является устаревшим и требует изменений.

Во-вторых, в ходе исследования было выявлено, что существуют разногласия между государственными органами в лице Министерства финансов и Банком России относительно взглядов на правильное правовое регулирование инвестиций в криптовалюту. В том числе рассматривая мировую практику регулирования данной сферы можно заметить различные подходы от радикальных до более лояльных, так КНР запретила любые операции с криптовалютой, а Сальвадор установил криптовалюту под названием Bitcoin как официальное платежное средство на территории государства и даже принял соответствующий закон под названием Bitcoin Law регулирующий правоотношения в сфере криптовалют.

В-третьих, необходимость скорейшего правового регулирования обусловлена высокой популярностью криптовалют как на территории Российской Федерации, так и в мировом пространстве в целом и отсутствие должного регулирования операторов и компаний, осуществляющих деятельность в данной сфере, ведь они могут представлять высокий риск для своих клиентов.

В-четвертых, стоит отметить высокий уровень криминала в сфере криптовалют, обусловленный особенностями технологии, выражающейся в анонимности, а также отсутствия регулирования и требования об идентификации пользователей на территории РФ.

В-пятых, необходимость разработки полноценного законодательства в отношении криптовалют способствует финансовой стабильности внутри государства, обеспечению финансовой безопасности для граждан, а также введению полноценного налогового регулирования отрасли криптовалют, что в свою очередь поддержит финансовое состояние государства, так, согласно некоторым аналитическим оценкам, уровень налоговых сборов со всей отрасли может достигать одного триллиона рублей в год.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного права в вопросе правового регулирования криптовалют показал возможные пути развития данной отрасли в различных странах, чей опыт могут перенять и использовать на территории Российской Федерации для совершенствования законодательства в сфере криптовалют.

Литература:

1. Долгтиева М.М. Границы легального оборота криптовалюты / Долгтиева М.М.—Ростов на Дону: Юрист-Правоведъ, 2018.— 13–14 с.
2. Суханов Е. А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. / отв. ред. Е. А. Суханов.— 2-е изд.,— Москва: Статут, 2011.— 958 с.
3. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А.И. Савельев — Москва: Закон, 2017.— 136–153 с.
4. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 N259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СПС «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c-2310cc359186da60/ (дата обращения: 09.03.2023).
5. Кучеров И.И. Криптовалюта, идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств: монография. / Кучеров И. И — Москва: Центр ЮрИнфоР, 2018.— 204 с.
6. Кучеров И.И. Право денежного обращения: курс лекций. / Кучеров И.И. — Москва: Магистр: Инфра-М, 2013.— 256 с.
7. Недорезков В.В. Криптовалюты на базе технологии блокчейна: проблемы правового регулирования / Недорезков В.В.— Москва: Банковское право, 2017.— 45–49 с.
8. Кабмин утвердил дорожную карту регулирования криптовалют.— Текст: электронный // Право ru: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/news/238557/> (дата обращения: 09.03.2023).

9. Правительство утвердило Концепцию законодательного регулирования оборота цифровых валют.— Текст: электронный // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/news/44519/> (дата обращения: 09.03.2023).
10. Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте». — Текст: электронный // МинФин России: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/presscenter/?id_4=37774minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoy_valyute (дата обращения: 09.03.2023).
11. Пост-крипто: Минфин определился с позицией по налогу на майнинг.— Текст: электронный // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1457861/mariia-kolobova/post-kripto-minfin-opredelilsia-s-pozitciei-po-nalogu-na-maining> (дата обращения: 09.03.2023).
12. Ситник А. А. Перспективы правового регулирования виртуальных (крипто-) валют: социально-правовое исследование / А. А. Ситник — Москва: Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019.— 117–120 с.
13. Лебедь (Ефремова) В. В. Актуальные проблемы киберправа (обзор материалов Второй международной летней школы по киберправу) / В. В. Лебедь (Ефремова), Н. Н. Телешина — Москва: Право. Журнал Высшей школы экономики, 2014.— 173–183 с.
14. Бут Н. Д. Обеспечение законности в сфере цифровой экономики: учебное пособие для вузов / под ред. Н. Д. Бут, Ю. А. Тихомирова.— Москва: Юрайт, 2020.— 250 с.
15. Вайпан В. А. Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова.— Москва: Юстицинформ, 2020.— 280 с.

Способы реализации принципа автономии воли в международных частных отношениях

Дегтерев Алексей Олегович, младший юрист
ООО «Эстив» (г. Владивосток)

*В статье анализируются различные проявления автономии воли сторон в международных гражданских, семейных, трудовых отношениях в контексте российского законодательства. Автор уделяет внимание объему автономии воли в обязательственном праве, исключению сторонами Венской Конвенции, избранию *Lex mercatoria* в качестве применимого права, автономии воли в внедоговорных обязательствах, семейных и трудовых отношениях с иностранным элементом. Целью статьи является раскрытие автономии воли через призму конкретных примеров способов её реализации в правоотношениях, осложнённых иностранным элементом.*

Ключевые слова: международное частное право, автономия воли, коллизионное регулирование, применимое право, Принципы УНИДРУА, *lex mercatoria*, нормы негосударственного регулирования, Семейный кодекс РФ.

Принцип автономии воли сторон является одним из важнейших принципов в международном частном праве. Принцип автономии воли является основополагающей идеей международного частного права, целью которой является определение применимых материально-правовых норм в выборе применимого к их отношениям права. Благодаря автономии воли стороны получают возможность расширить границы принципа свободы договора, что в свете многообразия обычных коллизионных привязок и отсутствия консенсуса среди законодателей различных государств по вопросу надления какой-либо привязки статуса генеральной приводит к возможности для сторон заранее определить правопорядок, который будет регулировать спор между ними, в случае его возникновения.

Общезвестно, что данный принцип получил широкое признание в мировой доктрине и практике, о чем свидетельствует закрепление принципа автономии воли во многих международных договорах и так называемых «мягких кодификациях»: Кодексе Бустаманте 1928 г., Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 1994 г., Гагских принципах

о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам 2014 г. и во многих иных международных договорах и кодификациях.

В Российской Федерации принцип автономии воли также занял прочное место, что подтверждается его отражением в статье 1210 Гражданского Кодекса (далее — ГК РФ), которая имеет закономерное название «Выбор права сторонами договора» [1]. То есть, автономия воли имеет свое выражение, в том числе, как институт международного частного права — совокупности норм, регулирующих правоотношения сторон по поводу выбора ими применимого права.

Также автономия воли может быть представлена в виде субъективного права сторон — мере дозволенного поведения, выражающейся в дозволении сторонам, заключающим договор, самостоятельно осуществить выбор закона, который должен регулировать отношения, возникающие из этого договора.

В российской доктрине отсутствует консенсус по вопросу правовой природы автономии воли сторон. На сегодняшний день известны различные, зачастую диаметрально противоположные, подходы признанных деятелей науки к пониманию автономии воли, которые высказаны в различных научных статьях, учебниках, пособиях. Так, и В. Л. Толстых убежден, что

автономия воли является институтом международного частного права [2]; Л. А. Лунц заключал, что автономия воли сторон является одной из коллизионных норм [3]; И. В. Гетьман-Павлова отстаивает своего рода «кумулятивную» позицию, раскрывая автономию воли одновременно как источник, общий метод, специальный принцип и коллизионную привязку [4].

Впрочем, уяснение онтологии автономии воли не является предметом данной статьи. Автор ставит цель наглядно продемонстрировать как автономия воли может быть реализована практически, обращая внимание на примеры как из практики государственных судов РФ, так и практики МКАС.

Сущность принципа автономии воли раскрывается, в том числе, Верховным Судом РФ, который констатирует, что сущность автономии воли сторон заключается в субъективном праве сторон выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по договору и иным связанным с договором положений, закреплённых в ст. 1215 ГК РФ [5].

Отдельно стоит отметить и существование так называемых «подразумеваемых» соглашений о применимом праве, то есть таких соглашений, которым хоть и не предана какая-либо форма, но которые вытекают из условий договора либо обстоятельств дела [6].

К примеру, стороны не заключили соглашение о применимом праве, однако в процессе спора аргументировали свою позицию исключительно нормами российского права. Подобный акцент внимания на праве определенного государства (в приведенном примере таковым будет право РФ) даёт возможность судам или составу арбитража констатировать факт «подразумеваемого» соглашения сторон о выборе российского права [7].

Следует помнить, что принцип автономии воли имеет ряд ограничений в своем действии. Нижеуказанные ограничения преследуют одну или несколько целей: во-первых, это защита «слабой» стороны правоотношений; во-вторых, это защита интересов третьих лиц; в-третьих, защита интересов суверенитета государства в виде запрета для сторон от ухода от сверхимперативных норм.

Так, автономия воли, главным образом, ограничена 1) необходимым наличием иностранного элемента, которым отягощено правоотношение; 2) кругом вопросов, для разрешения которых стороны применили право; 3) оговоркой о публичном порядке; 4) сверхимперативными нормами; 5) в случае, если договор наиболее тесно связан с правом другой страны, то выбор сторонами права не должен наносить ущерба применению норм права этой другой страны [8].

Также, в российском законодательстве наличествует ряд ограничений, присущих конкретным видам правоотношений, например, в договорах с участием потребителя выбор права не может повлечь за собой лишение потребителя защиты, которая предоставляется ему императивными нормами права страны места жительства потребителя (ст. 1212 ГК РФ).

Также законодатель определил в ч. 1 ст. 1223.1 ГК РФ, что для регулирования деликтных и кондикционных обязательств стороны могут избрать применимое право лишь только после самого совершения действия, имеющего признаки деликта или неосновательного обогащения.

Следующим примером узконаправленных ограничений является обособление недвижимого имущества. Так, ст. 1213 ГК РФ позволяет сторонам выбрать права к договору, предметом которого является недвижимое имущество, однако ч. 2 этой же статьи выводит находящиеся на территории Российской Федерации земельные участки, участки недр и иное недвижимое имущество, из орбиты действия автономии воли, устанавливая для них одностороннюю коллизионную привязку в виде применения права Российской Федерации.

В Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации (далее — КТМ), несмотря на то, что автономия воли является генеральной коллизионной привязкой, установлено четкое ограничение: наличие соглашения о применимом праве не может повлечь за собой устранение или уменьшение ответственности, перевозчик должен нести за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки (ч. 2 ст. 414 КТМ).

Данный перечень не является исчерпывающим, однако именно перечисленные ограничения являются наиболее часто встречающимися.

В целом, российское законодательство является довольно либеральным в некоторых аспектах регулирования автономии воли, что является следствием сильного влияния международных конвенций, а также рекомендаций, не имеющих обязательного характера, например, Гаагских принципов о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам 2014 г., на характер коллизионного регулирования отечественным законодателем.

Так, в отличие от США, российское законодательство не содержит каких-либо требований взаимосвязи избранного сторонами права и тех правоотношений, которые такому праву подчинили [9]. Иными словами, положения ГК РФ позволяют сторонам избрать право третьей страны, что признаётся арбитражной практикой [10].

Другим примером развитости российского законодательства в области регулирования автономии воли, является возможность сторон «зацементировать» право, то есть, избрать те нормы права определенного государства, которые действуют на момент заключения договора [11]. Впрочем, стоит усвоить, что в таком случае, ограничить автономию воли сторон могут положения п. 2 ст. 422 ГК РФ, устанавливающие возможность применения закона, принятого после заключения договора, на отношения, возникшие из такого договора в силу прямого указания в законе [12].

Наиболее классической сферой проявления выбора применимого права является обязательственное право. Законодатель довольно подробно детализировал положения о выборе применимого права в данной подотрасли гражданского права, однако представляется возможным уделить внимание такому мало урегулированному аспекту как депесяж, то есть ситуации, при которой различные элементы одной и той же сделки регулируются одновременно правом двумя или более государств.

Ярким примером такого множественного регулирования может являться решение из практики МКАС. В нём стороны выбрали применимым материальным правом российское право; при этом МКАС отметил, что по вопросам, отно-

сящимся к требованиям, стандартам, строительным нормам и правилам, также подлежит учету также избранное сторонами греческое право (право места проведения строительных работ). Состав арбитража признал подобного рода «дихотомию» применимого права и для разрешения спора применил российское право, так как предметом спора были исключительно удержанные залоговые средства [13].

Впрочем, депесяж не допускается, например, в вопросах регулирования вещных прав. ГК РФ предусматривает возможность для сторон избрать право для регулирования вещных прав, однако, положения п. 3 ст. 1206 ГК РФ предусматривают лишь распространение права, применимого к договору в целом, на вещные права в частности.

Отдельно стоит отметить, что принцип автономии воли может проявиться не только в избрании какого-либо права, но и наоборот, в исключении какого-либо источника права. Наиболее распространена ситуация, когда таким источником является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее — Венская Конвенция). Обосновывается такой феномен положениями самой Венской Конвенции: в ст. 6 предусмотрена возможность для сторон исключить ее применение.

Механизм исключения Венской Конвенции, по общему правилу, представляет собой указание в соглашении о применимом праве на использование законодательства, а не права какого-либо государства. Это связано с тем, что под законодательством подразумевается та часть российской правовой системы, которая включает в себя только нормативные акты, регулирующие гражданско-правовые отношения внутри страны, и не охватывает международные договоры Российской Федерации [14]. Такой механизм признаётся не только в доктрине, но и находит своё отражение в многочисленной арбитражной практике [15].

Впрочем, Венская Конвенция обладает «наднациональным» характером и, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, является неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации. Иными словами, с точки зрения позитивистской теории права является правом в полном понимании этого термина. Следуя такой логике, может возникнуть вопрос об особенностях проявления автономии воли сторон, направленной на избрание *lex mercatoria* для регулирования споров между ними?

Отвечая на поставленный вопрос, первичным является определение того, что включает в себя латинское выражение «*lex mercatoria*». В научной литературе отсутствует единое мнение по этому вопросу, однако, если уйти от научной полемики и максимально упростить дефиницию «*lex mercatoria*», то можно обозначить, что *lex mercatoria* — совокупность норм, лишенных государственного происхождения, направленных на регулирование международных частноправовых отношений [16]. Схожим по смыслу с *lex mercatoria* является активно используемый в отечественной литературе термин «неправо», обозначающий те источники права, которые порождаются не самим законодателем какого-либо государства, а происходящие от самих участников экономических отношений.

Справедливым будет указание на то, что единогласно в российской юридической доктрине наиболее рассматриваемыми

в контексте *lex mercatoria* являются правовые обычаи и так называемые «мягкие кодификации». Примерами таковых могут являться международные правила Incoterms и Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (Далее — Принципы УНИДРУА) соответственно, о которых далее пойдет речь.

Действительно, использование правовых обычаев и иных негосударственных источников права признаётся законодателем (например, в ч. 11 ст. 1211 ГК РФ) и в литературе. Судебная практика также признаёт возможность использования «неправа». Так, АС г. Москвы в своём определении, оставленном без изменения ФАС МО, опроверг довод стороны о невозможности использования Принципов УНИДРУА для разрешения спора [17].

В сущности, в юридической науке не стоит вопрос о самой возможности использования «неправа» как источника регулирования конфликтов между сторонами в силу однозначного утвердительного ответа на такой вопрос с оговоркой на прямое волеизъявление всех сторон на применение *lex mercatoria*. Более того, в литературе доминирует мнение о том, что применение *lex mercatoria* является одним из проявлений свободы договора и представляется наиболее эффективным и удобным инструментом для разрешения споров [18].

Гораздо более неоднозначным будет ответ на вопрос о возможности выбора сторонами исключительно «неправа» для разрешения потенциальных споров, без указания на какую-либо правовую систему. Иными словами, представляется ли возможным для сторон избрать, например, исключительно Принципы УНИДРУА для разрешения спора? Будет ли признан такой выбор в качестве надлежащего соглашения о выборе права или суду (арбитражу) придётся обратиться к коллизионным нормам?

Указанный вопрос является довольно актуальным и неоднократно поднимался в академической среде. В целом, обобщая существующие исследования на данную тему, возможным представляется сделать заключение о практической трудности сделать выбор в пользу только «неправа».

Такой вывод следует из отношения законодателя и правоприменителя к выбору *lex mercatoria* как единственного регулятора споров между сторонами.

Так, законодатель в 1210 ГК РФ допускает лишь выбор сторонами «права». То есть, законодатель таким образом обращает внимание на то, что стороны могут избрать те нормы, которые являются объективными и имеют государственное происхождение.

И. С. Зыкин, рассуждая на данную тему, развивает вышеуказанную мысль, объясняя позицию законодателя тем, термин «право» в данном случае сигнализирует о происхождении норм вне зависимости от воли сторон. К категории права не могут быть отнесены не вступившие в силу международные конвенции, проекты таких конвенций, типовые законы (например, типовой закон ЮНСИТРАЛ), проекты национальных нормативных актов и т.п. Впрочем, несмотря на то, что в такой парадигме ссылки на «неправо» хоть и не признаются соглашением о выборе, такие ссылки могут представлять собой способ согласования между сторонами контрактных условий [19].

То есть, по мнению И. С. Зыкина, хоть законодатель отмечает важность *lex mercatoria* в современном правовом регулировании, однако, это не приводит к признанию «неправа» в качестве полноценного регулятора спорных правоотношений.

Свой взгляд на данный вопрос имеет у правоприменителя. Так, определенная позиция прослеживается у Верховного Суда Российской Федерации. В вышеупомянутом Постановлении Пленума № 24 Верховный Суд указал, что стороны вправе выбрать торговые обычаи документы, содержащие правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств (например, Принципы УНИДРУА, Европейские принципы договорного права, Модельные правила европейского частного права).

Однако, в данном утверждении есть определенная оговорка. По мнению Верховного Суда, те вопросы, которые не представляется возможным урегулировать выбранными сторонами документами и обычаями, подлежат разрешению в соответствии с национальным правом, определенным в соответствии с соглашением сторон (либо коллизионными нормами судом или арбитражем). При указанных обстоятельствах «право» будет играть роль субсидиарного статута, к которому можно будет прибегнуть в случае пробела в «неправе».

Таким образом, при анализе позиции правоприменителя в вопросе выбора «неправа» как исключительного источника автор приходит к мнению, что закрепление, например, только правил Incoterms и Принципов УНИДРУА теоретически представляется возможным, однако данные регуляторы закрепляют лишь общие правила поведения для сторон, и на практике не всегда способны помочь суду или арбитражу разрешить спор по существу, что потребует определения конкретного правопорядка, на основе которого подлежит разрешить спор.

Тем не менее, наличествует практика МКАС, где спор был разрешен исключительно на основе общих принципов права и *lex mercatoria*. Учитывая, что в соглашении сторон о применимом праве содержалась любопытная оговорка, что «*все условия соглашения подпадают под действие законодательства как Германии, так и Российской Федерации*», состав арбитража пришел к выводу, что такое соглашение не удовлетворяет критерию четкого и однозначного определения какой-либо правовой системы и смог разрешить спор руководствуясь исключительно Принципами УНИДРУА [20].

Однако, стоит иметь ввиду, что разрешение конкретного вышеуказанного случая скорее исключение из общего правила, чем закономерность. Связано такое умозаключение с тем, что в приведенном деле спор возник из толкования положений договора, в свою очередь в Принципах УНИДРУА есть отдельная глава, регулирующая толкование, что и является причиной достаточности использования только Принципов УНИДРУА в решении МКАС.

Подводя итоги, использование норм *lex mercatoria* как исключительного регулятора спорных правоотношений на сегодняшний день является исключительным явлением, которое, однако имеет место быть при соблюдении двух основополагающих условий: 1) прямо выраженное согласие сторон на выбор «неправа»; 2) достаточность *lex mercatoria* и общих принципов права для разрешения спора по существу [21].

Развивая мысль о различных проявлениях автономии воли, представляется логичным обратиться к возможности сторон выбрать право, применимое к внедоговорным обязательствам, в частности к преддоговорным обязательствам, деликтам и неосновательному обогащению.

В современной цивилистической науке учёные всё чаще обращают внимание на усложнение экономических связей. Если ранее в международном обороте преобладали короткие экономические цепочки единичной купли-продажи, укладывающиеся в классический правовой механизм «оферта — акцепт — исполнение договора», то на сегодняшний день деятели науки справедливо отмечают тенденцию участников хозяйственного оборота к более сложным и комплексным переговорным процессам, предшествующим заключению договора [22].

Во время ведения таких переговорных процедур всё более распространёнными становятся различные способы формализации переговоров, к которым относят соглашения о ведении переговоров; рамочные и предварительные договоры; договоры о нераспространении информации, полученной в ходе переговоров и т.д.

Всё перечисленное свидетельствует о желании сторон закрепить сам процесс переговоров и, как итог, их результаты для появления возможности защитить свои права в случае недобросовестного поведения со стороны контрагента.

Такое поведение может выражаться в различных проявлениях. Это может быть, согласно ст. 434.1 ГК РФ:

1. Предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2. Внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать;

Именно вышеуказанное усложнение переговорных процессов порождает вопрос: может ли спор, возникший во время переговоров о заключении договора быть разрешен на основе права, избранным сторонами? Ответ на этот вопрос будет положительным, однако с некоторыми оговорками.

Во-первых, законодатель закрепил автономию воли как субсидиарный статут, применяемый в случае невозможности определить то право, которое стороны желали избрать для договора, по поводу которого и велись переговоры. Такое умозаключение происходит из систематического толкования положений ст. ст. 1219, 1222.1 и 1223.1 ГК РФ.

В отечественной доктрине определение автономии воли как второстепенного инструмента для определения применимого права активно критикуется [23]. Однако, автор акцентирует внимание на логику законодателя: положения о преддоговорных обязательствах содержат отсылку на автономию воли при помощи не прямого указания на сам принцип, а путем отсылки к статьям, регулирующим применение права к обязательствам, возникающим вследствие *причинения вреда* (ст. 1219, 1223.1 ГК РФ) и *неосновательного обогащения* (ст. 1223.1 ГК РФ), что указывает на намерение законодателя определить преддоговорные обязательства как подвид внедоговорных обязательств

сродни деликтным. У приведенного подхода также имеются сторонники в научной среде [24].

Если мы допустим, что преддоговорные обязательства являются схожими по своей правовой природе с деликтными, то позиция законодателя становится оправданной. Она заключается в следующем: если известно выбранное сторонами право к договору, то теоретически возможный выбор сторонами права иного государства к деликтным, кондикционным или преддоговорным обязательствам может привести к отсутствию единой взвешенной оценки судом или арбитражем всех обстоятельств дела.

Юрген Базедов обосновывает подобное умозаключение тем, что в различных национальных правовых системах, которые в таком случае будут избраны для разрешения споров, существуют различные подходы к преддоговорным обязательствам как таковым, например, во Франции преддоговорная ответственность признаётся деликтной, в Германии ответственность будет деликтной [25].

Отдельно стоит упомянуть, что в случае с деликтными и кондикционными обязательствами законодателем установлена генеральная привязка в виде автономии воли. На наш взгляд, это связано с тем, что в отличие от преддоговорных обязательств, где стороны уже имели контакт между друг другом, так как имели общую цель — заключить договор, то в случае с деликтами и неосновательным обогащением стороны чаще всего не знают друг друга *ante factum*, что приводит к невозможности установить какую-либо правовую связь между сторонами, помимо самого деликта или необоснованного обогащения. Однако, в случае если совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие причинения вреда, тесно связано с договором между потерпевшим и причинителем вреда, заключенным при осуществлении этими сторонами предпринимательской деятельности, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к такому договору (ч. 3 ст. 1219 ГК РФ).

Стоит отметить, на наш взгляд наиболее благоприятный режим автономии воли установлен для лица, которому нанесен вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги. В случае причинения такого вреда, потерпевший имеет право единолично, игнорируя волю контрагента избрать на выбор:

- 1) Право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности продавец или изготовитель товара либо иной причинитель вреда;
- 2) Право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности потерпевший;
- 3) Право страны, где была выполнена работа, оказана услуга, или право страны, где был приобретен товар.

Впрочем, следует сделать несколько ремарок: во-первых, такой выбор не допускается, если причинитель вреда докажет, что он не предвидел и не должен был предвидеть распространение товара в соответствующей стране; во-вторых, такой выбор применимого права не является проявлением автономии воли сторон в полном понимании этого принципа, так как при выборе права учитывается воля лишь одной стороны, однако с перспективы потерпевшего можно наблюдать неогра-

ниченную возможность выбрать из нескольких правопорядков наиболее оптимальный для потерпевшего.

Приведенные выше примеры проявления автономии воли во внедоговорных обязательствах свидетельствует о желании законодателя дать максимально возможную свободу сторонам в вопросе выборе права, путем расширения пределов автономии воли: в некоторых случаях закон дозволил автономии воли как таковую (например, с введением ст. 1222 ГК РФ генеральной привязкой для разрешения споров, где недобросовестная конкуренция затрагивает интересы отдельного лица, а не какого-либо рынка стала автономия воли), так и позволил сторонам выбрать право не только стороны суда (например, ст. 1223.1 ГК РФ).

Такие новации указывают на рецепцию отечественным законодателем прогрессивной доктрины *Culpa in contrahendo*, а также являются продуктом влияния зарубежного опыта, особенно ярко выраженного, например, в Регламенте Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 11 июля 2007 г. № 864/2007 «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам». Такое заимствование опыта положительно оценивается в литературе [26].

Иным образом сложилась ситуация в международном семейном праве. В сравнении с международными гражданскими правоотношениями, вопросы регулирования семейных правоотношений с иностранным элементом урегулированы менее детально, что справедливо вызывает в научной среде разочарование [27].

Тем не менее, предметом данной статьи являются существующие на сегодняшний день проявления автономии воли, а не внесение каких-либо предложений по улучшению семейного законодательства, которые уже были предложены деятелями науки [28].

Анализируя раздел VII Семейного Кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), автор приходит к выводу о наличии двух возможных проявлений автономии воли лица или сторон:

1. Возможность для лица, имеющего гражданство нескольких иностранных государств избрать законодательство одного из этих государств для определения условий заключения брака (ч. 3 ст. 156 СК РФ).

Комментируя данное проявление автономии воли, следует иметь в виду, что законодателем установлена отсылка к ст. 14 СК РФ в части обстоятельств, препятствующих заключению брака. В случае наличия таких обстоятельств, выбор личного статута не является юридически значимым в связи с невозможностью заключить брак. Отдельно стоит отметить, что возможность избрать законодательство исключается, если лицо наряду с гражданством иностранного государства имеет гражданство Российской Федерации. В указанном случае законодатель установил одностороннюю привязку к законодательству РФ, что существенно понижает влияние автономии воли в том случае, когда, по нашему мнению, автономия воли могла быть признана генеральной привязкой без каких-либо условий.

2. Супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства, могут сами избрать законодательство, подлежащее применению для определения их прав и обязанностей по брачному договору или по соглашению об уплате али-

ментов, учитывая императивные требования российского законодательства (ч. 3 ст. 42 СК РФ, ч. 2 ст. 161 СК РФ).

Вышеуказанное положение в доктрине подвергается обоснованной критике, так, например, Г.Ю. Федосеева указывает на отсутствие должной регламентации автономии воли и его детализации [29]. Связано такое негативное восприятие данной нормы, в частности, и с тем, что она распространяется на крайне узкий круг лиц, одновременно исключая супругов, которые являются гражданами одного и того же государства, а также супругов разных государств, имеющих совместное место жительства.

На практике это выражается в наличии крайне скудной судебной практики по ч. 2 ст. 161 СК РФ — в открытых источниках наличествует только одно дело, связанной с положениями данной статьи. Указанное дело [30] о признании права на $\frac{1}{4}$ доли на земельный участок уже детально исследовалось в вышеупомянутой статье И.В. Гетьман-Павловой и А.С. Касаткиной, в связи с чем, на наш взгляд, анализ данного дела будет излишним.

Более релевантным будет указание на статистику: так, в первом полугодии 2022 года лишь 20% от всех зарегистрированных браков были оформлены при помощи брачного договора [31]. Это приводит к тому, что внутри указанной относительно малой группы от всех заключенных брачных союзов еще менее существенным будет являться количество брачных договоров с участием иностранных лиц, а уже из этих брачных договоров с иностранными лицами ничтожное количество лиц будут способны реализовать свою автономию воли в силу ограничений субъектного состава, предусмотренного ч. 2 ст. 161 СК РФ, что свидетельствует о низкой эффективности существующих норм.

Несмотря на неэффективность нормы, изложенной в ч. 2 ст. 161 СК РФ, она может быть применена. Статистика Управления ЗАГС г. Москвы показывает, что только за 2021 г. в Москве поженились 11.000 интернациональных пар, что позволяет основания полагать, что некоторые из этих пар воспользовались возможностью избрания брачного договора как регулятора своих правоотношений, и соответственно, избрали применимое законодательство для брачного договора [32].

Еще одним критикуемой составляющей нормы ч. 2 ст. 161 СК РФ является возможность для сторон выбрать законодательство, не имеющее какой-либо связи с правоотношением, что, по мнению Н.В. Тригубовича неоправданным решением законодателя [33]. На наш взгляд, такое замечание является справедливым, по ряду причин.

Во-первых, семейное право, в отличие от гражданского, испытывает значительное влияние публичного интереса, который, вероятнее всего, будет ущемлен в связи с теоретически возможным необоснованным выбором законодательства иного государства, не обладающего связью с правоотношениями;

Во-вторых, представляется возможным избрание законодательства, положения которого могут поставить интересы одного из супругов или третьих лиц в более уязвимое положение, чем при избрании законодательства государства, которое имеет объективную связь с правоотношением;

В-третьих, субъекты семейных правоотношений могут не обладать достаточными знаниями в области юриспруденции

и не осознавать последствия подписания соглашения о применимом законодательстве.

Тем не менее, несмотря на определенную стагнацию в регулировании семейных правоотношений, у научного сообщества имеется надежда на возможные перемены в международном семейном праве, которые будут по характеру схожи с нынешними изменениями ГК РФ, нацеленными на расширение автономии воли [34].

Наиболее депрессивная ситуация наблюдается в сфере регулирования трудовых отношений с иностранным элементом. Законодательство РФ не содержит в себе коллизионных норм, непосредственно регулирующих международные трудовые отношения, что представляет собой серьезный пробел в отечественном международном частном праве [35].

Такой феномен может быть отчасти объяснен стремлением защитить «слабую» сторону в трудовых правоотношениях, то есть работника, установив в почти всех международных договорах привязку *lex loci laboris* [36].

Единственное положение, связанное с трудовой деятельности и предусматривающее автономию воли, является ч. 2 ст. 416 КТМ. Однако, данная норма имеет два значимых ограничения:

1. Сторонами, наделенные возможностью выбрать право являются судовладелец, с одной стороны, и члены экипажа судна, с другой. Такой узкий круг субъектов приводит к невосприимчивости нормы, которая выражается в полном отсутствии судебной практики, связанной с ч. 2 ст. 416 КТМ;

2. Выбор сторонами трудового договора права, подлежащего применению к отношениям между судовладельцем и членами экипажа судна, не должен приводить к ухудшению условий труда членов экипажа судна по сравнению с нормами права того государства, которыми должны регулироваться данные отношения при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве.

Исходя из того, что в законодательстве отсутствуют какие-либо коллизионные нормы вообще, логичным представляется возникновение вопроса о наличии возможности для сторон избрать применимое право. Ответ на заданный вопрос находится в международных договорах.

Из всех существующих многосторонних и двухсторонних договоров, касающихся вопросов регулирования труда с иностранцами только в двух из них наличествует упоминание автономии воли.

Таковыми договорами являются:

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1996 г.;

2. Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1999 г.

В указанных договорах, а именно в статьях 44 и 26 соответственно, содержатся абсолютно идентичные положения: «Стороны трудового договора могут сами выбрать законодательство, регулирующее их трудовые отношения». Такой норме придана форма генеральной привязки, в случае отсутствия соглашения о выборе права между работником и работодателем

применяется коллизионная привязка *lex loci laboris*, то есть право государства, где работник осуществляет свою трудовую деятельность.

В целом, на сегодняшний день автономия воли в российском законодательстве в указанной области почти полностью отсутствует, за исключением положений КТМ и договоров с Монголией и Польшей.

Таким образом, можно заключить, что институт автономии воли сторон в Российской Федерации находится в стадии ак-

тивного развития. Действительно, в некоторых областях международного частного права, особенно в его семейном и трудовом подотраслях, право сторон на выбор права существенно ограничено. Тем не менее, российский законодатель идет по пути рецепции зарубежного опыта в регулировании автономии воли, что находит отражение в виде закрепления в ГК РФ новых возможностей для сторон избрать право, тем самым позволяя им проявить один из принципов права — принцип свободы договора еще более явно.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3: Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 23.12.2022).
2. Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. — 526 с.
3. Лунц Л. А. Международное частное право / Л. А. Лунц — М.: Юрид. лит., 1970. — 360 с.
4. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право в 3 т. Том 1 общая часть: учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 320 с. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/512769> (дата обращения: 28.12.2022).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 9.07.2019 г. «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».
6. Новикова Т. В. Подразумеваемые соглашения о применимом праве: Обзор судебной и арбитражной практики // Российский юридический журнал. 2019. № 5.
7. См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25 августа 2017 г. № Ф08–5109/2017 по делу № А53–33523/2016; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 апреля 2014 г. № Ф07–1643/2014 по делу № А56–6655/2013; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 декабря 2016 г. № Ф07–10988/2016 по делу № А56–81618/2015.
8. Стригунова Д. П. Пределы действия принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1.
9. Решение Верховного Суда США по делу *Allstate Insurance Co. v. Hague* 449 U.S. 302 (1981). — URL: <https://h2o.law.harvard.edu/cases/3153> (дата обращения: 23.12.2022).
10. Решение МКАС при ТПП РФ от 27 февраля 2015 г. по делу № 148/2014.
11. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств / А. В. Асосков — М.: М-Логос, 2017. — 640 с.
12. Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Науч. ред.: О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов; Отв. ред. Т. А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: АНО «Редакция журнала »Третейский суд«; М.: Статут, 2018. XXX с. (Библиотека журнала »Третейский суд«. Вып. 9)
13. Решение МКАС при ТПП РФ от 26 января 2011 г. по делу № 101/2010
14. Новикова Т. В. О толковании терминов «право» и «законодательство» в контексте автономии воли сторон частноправового отношения международного характера // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2020. № 37.
15. См. подробнее: Решения МКАС по Дела № 52/2008 от 30.03.2009 г.; № 99/2009 от 19.01.2010 г.; № 209/2009 от 29.04.2010 г.; 29/2007 от 10.10.2007 г.; 81/2007 от 13.02.2008 г.
16. Липовцев В. Н. Коллизионное регулирование в *lex mercatoria* // Международное право и международные организации. 2014. № 4. С. 545–550
17. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 19 октября 2012 г. по делу № А40–60955/20124
18. Кискачи М. А. Использование Принципов УНИДРУА в международном коммерческом арбитраже в отсутствие соглашения сторон об их применении // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 2.
19. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Исследовательский центр частного права; [под ред. А. Л. Маковского и Е. А. Суханова. — Москва: Юристъ, 2002. — 554 с.
20. Решение МКАС от 5 ноября 2002 г. по делу № 11/2002 — URL: <http://www.unilex.info/case.cfm?id=857> (дата обращения: 26.12.2022).
21. Мажорина М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *Lex Voluntatis* // *Lex Russica*. 2021. № 12 (181)
22. Шполтаков О. В. Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве: дис... канд. юрид. наук. М., 2015.
23. Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: специфика и Тенденции правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64).

24. Новикова Т. В. Принцип автономии воли во внедоговорных правоотношениях международного характера // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 3.
25. Юмашев, Ю. М. Автономия воли в регулировании международных отношений. К Общему курсу международного частного права: учебное пособие / Ю. Базедов; пер. с англ. Ю. М. Юмашева. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 136 с. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1905974> (дата обращения: 25.12.2022).
26. Дмитриева Г. К. Становление российской концепции правовой регламентации трансграничных внедоговорных обязательств // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 12 (28).
27. Войтович Е. П. Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78).
28. Смирнова Е. В. Брачный договор с участием иностранного элемента по российскому и зарубежному законодательству // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 159.
29. Федосеева Г. Ю. Регулирование отношений между супругами в коллизионном праве РФ // Журнал международного частного права. 2007. № 1. С. 3–13.
30. Определение Верховного суда РФ от 21.01.2014 № 78-КГ 13–35
31. Почти пятая часть от общего числа браков, зарегистрированных в РФ за полгода, оформлена с использованием брачного договора — Текст: электронный // Интернет-портал «Российской газеты» [сайт]. — 2022. — URL: <https://rg.ru/2022/08/31/liubov-po-kontraktu.html> (дата обращения: 26.12.2022)
32. Брак с иностранцем: статистика Москвы // ЗАГС. 2022. № 1. — URL: <https://panor.ru/articles/brak-s-inostrantsem-statistika-moskvy/76472.html> (дата обращения: 26.12.2022)
33. Тригубович Н. В. Автономия воли в международном частном праве: дис... канд. юрид. наук. М., 1999.
34. Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1.
35. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право в 3 т. Том 2 особенная часть: учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 470 с. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/512771> (дата обращения: 28.12.2022).
36. Насырова Н. Р. Международные трудовые отношения: проблемы регулирования // Вестник ЧелГУ. 2014. № 24 (353).

Дистрибьюторский договор в российском законодательстве и практике: юридическая природа и проблемы применения

Дегтерев Алексей Олегович, младший юрист
ООО «Эстив» (г. Владивосток)

В силу отсутствия норм, регулирующих дистрибьюторский договор и наличие крайне разнородной судебной практики по решению споров, возникающих из дистрибьюторских договоров, автор настоящей статьи приходит к выводу о том, что важная роль в процессе создания законодательной базы дистрибьюторских отношений будет отведена юридической доктрине. Автор подробно рассматривает такие аспекты, как законодательное регулирование дистрибьюторского договора; судебную практику, связанную с наиболее характерными спорами, возникающими из дистрибьюторского договора. В настоящей статье автор особое внимание уделяет сущности доктринальных воззрений, посвященных вопросу правовой природы дистрибьюторского договора с целью консолидации наиболее значимых тезисов существующих научных трудов. Основными выводами проведенного исследования являются: отсутствие должной законодательной базы и единообразной судебной практики; отсутствие консенсуса юристов-теоретиков по вопросам дистрибьюторского договора; наличие возможности имплементации дистрибьюторского договора в российское законодательство. Особым вкладом автора в исследование темы является синтез наиболее аргументированных тезисов деятелей науки, связанных с дистрибьюторским договором.

Ключевые слова: дистрибьюторский договор, гражданское право, правоприменение, разрешение споров, дистрибуция.

Дистрибьюторский договор — уникальный и удобный инструмент для осуществления предпринимательской деятельности. Уникальность данного института заключается в следующем парадоксе: с одной стороны, дистрибьюторский договор — часто используемая конструкция для регулирования договорных отношений между сторонами, которая пользуется

заслуженной популярностью среди участников делового оборота, а с другой стороны, дистрибьюторский договор является непоименованным, что означает, что законодатель не выделил данный вид договора в части второй Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), не обозначил его существенные условия, не выделил его признаки, не указал его форму.

Отсутствие единого подхода к понятию и сущности дистрибьюторского договора приводит к тому, что в случае возникновения спора между сторонами договора, не представляется возможным каким-либо образом «предугадать» решение суда или арбитража, что, зачастую, может приводить к неожиданным и чаще всего неудовлетворительным результатам для сторон по итогу разрешения спора. Такое положение дел негативно сказывается на привлекательности данного инструмента для участников экономического оборота.

Всё вышеперечисленное приводит к заметному противоречию: несмотря на факт распространённого использования дистрибьюторского договора в предпринимательской сфере, отечественный законодатель даже не сформулировал легальное определение данного договора. Такое положение дел не может считаться удовлетворительным и зачастую приводит к проблемам, связанным с разрешением споров, возникающих из дистрибьюторских договоров.

Следовательно, автор считает нужным предложить своё видение того, какой правовой природой должен обладать дистрибьюторский договор и как он должен быть закреплён в законодательстве.

Для начала, наиболее корректным является уяснение дефиниции «дистрибьюторский договор». Автор полагает, что наиболее корректной является дефиниция, предложенная В. Ю. Доронькиной: «По дистрибьюторскому договору одна сторона (принципал) обязуется предоставлять произведенные или закупаемые ею товары другой стороне (дистрибьютору), а дистрибьютор обязуется за свой счет и от своего имени осуществлять реализацию указанных товаров, оказывать принципалу согласованные в договоре услуги, выполнять в связи с этим поручения принципала в целях сохранения деловой репутации принципала, а также укрепления его позиций на соответствующем товарном рынке (расширение торговой сети, сохранение и (или) увеличение доли на товарном рынке, информационное обеспечение потребителей товара и т.п.)» [1].

Вышеприведённое определение является наиболее точным, достаточным и обоснованным среди всех дефиниций, которые предлагаются в других научных трудах, посвященных дистрибьюторскому договору [2,3].

Говоря о предмете, наиболее оправданным представляется подход В. А. Масловой [4]. В своей научной статье В. А. Маслова условно разделяет предмет дистрибьюторского договора на два элемента, связанных с:

1. Действиями, возникающими из товарооборота между сторонами;
2. Действиями, возникающими из процесса построения дистрибьютором системы оптовых и розничных продаж.

Указанные группы действий следует изучить подробнее с целью формирования цельной картины предмета дистрибьюторского договора.

Действия, связанные с товарооборотом, подразумевают собой, с одной стороны, действия принципала по передаче товара дистрибьютору в собственность и предоставления послед-

нему наиболее выгодного положения по сравнению с другими контрагентами принципала, которые не заключили с принципалом дистрибьюторский договор, а с другой, действия дистрибьютора, направленные на принятие товаров, их оплаты, а также их хранения.

Действия, связанные с процессом построения системы продаж подразумевают в себя сразу несколько отличных друг от друга действий.

Дистрибьютор обязан, во-первых, сохранять деловую репутацию принципала, во-вторых, реализовывать товары, полученные от принципала¹, в-третьих, проводить рекламную или иную компанию с целью популяризации товаров принципала.

Принципал, по общему правилу, обязан не чинить препятствия и каким-либо образом вмешиваться в процесс построения и управления системой продаж, а также связанных с ним смежные процессы.

Тем не менее, стороны могут включить в условия договора условия о том, что принципал может не только вмешиваться в вопросы управления системой продаж, но и детерминировать её. Например, принципал может выступать в роли «распорядителя», который предоставляет товар дистрибьютору для того, чтобы последний реализовывал их в тех торговых точках, которые были указаны в договоре [5].

Теперь следует уделить внимание вопросу о сторонах договора.

Вышеуказанные наименования сторон («принципал» и «дистрибьютор») являются наиболее релевантными и подходящими для обозначения сторон по изложенным ниже основаниям.

В рамках вопроса о сторонах договора наиболее важным, по мнению автора, является суждение о некорректности использования термина «поставщик» для обозначения одной из сторон дистрибьюторского контракта в связи с нижеизложенными основаниями.

Во-первых, термин «поставщик» является обозначением стороны в договоре поставки — ст. 506 ГК РФ. Следует помнить, что в практике дистрибьюторский договор является рамочным договором, где указываются основные положения, регулирующие правоотношения между сторонами. В свою очередь, вышеупомянутый договор поставки будет являться детализирующим договором к дистрибьюторскому, где, как правило, указываются конкретные наименования поставляемых принципалом товаров, а также их качественные и количественные характеристики. Иными словами, дистрибьюторский договор и договор поставки — взаимосвязанные, но самостоятельные договоры, в связи с чем представляется логичным применение терминов «принципал» и «поставщик» в дистрибьюторском договоре и договоре поставки соответственно.

Во-вторых, термин «поставщик» может вызвать излишние сложности при разрешении споров. Гипотетически, если конечный покупатель найдет скрытые недостатки в товаре, то направит претензию к своему поставщику, которым является дистрибьютор. В свою очередь, дистрибьютор, воспользуется

¹ Зачастую стороны закрепляют в договоре минимальный уровень продаж, которые должен осуществить дистрибьютор

правом регресса, закрепленном в ст. 1081 ГК РФ и обратится к принципалу, который является изготовителем товара.

При использовании терминологии автора данная последовательность обращений выглядит так: «покупатель» — «поставщик/дистрибьютор» — «принципал», что не приводит к возникновению трудностей в понимании.

Именно поэтому использование термина «принципал» является разумным и не вызывающим трудности в восприятии.

Принципал — лицо, являющееся участником делового оборота (предпринимательской деятельности), деятельность которого выражена в производстве товаров или оптовом приобретении товаров у третьих лиц и последующей поставкой таких товаров контрагенту по дистрибьюторскому договору — дистрибьютору.

Термин «принципал» используется в агентских договорах (ст. 1105 ГК РФ), что, на первый взгляд, может привести к смешению договоров. Такой взгляд на использование термина является ошибочным, так как термин «принципал» используется, помимо агентского договора, в договорах о независимой гарантии — ст. 368 ГК РФ, однако ни в практике, ни в научной среде отсутствуют какие-либо сведения о сложности разграничения агентского договора и договора независимой гарантии.

Дистрибьютор является другой стороной дистрибьюторского договора. Дистрибьютор — лицо, в рамках своей предпринимательской деятельности, приобретающее у принципала товара и реализующее их третьим лицам (конечным покупателям, субдистрибьюторам), а также оказывающее услуги принципалу, связанные с укреплением позиций товаров принципала на определенном товарном рынке.

У дистрибьютора как стороны по дистрибьюторскому договору есть три особенности:

Во-первых, в абсолютном большинстве случаев, дистрибьютор самостоятельно разрабатывает и осуществляет стратегию по реализации закупленных у Принципала товаров;

Во-вторых, в отличие от посреднических правоотношений, дистрибьютор всегда выступает от своего имени и за свой счёт.

В-третьих, дистрибьютор не является работником, или представителем, или агентом принципала.

Далее, следует обратить внимание на существенные условия дистрибьюторского договора.

Исходя из дефиниции, указанной в п. 1 ст. 432 ГК РФ, существенные условия можно разделить на три группы:

1. Условия о предмете;
2. Условия, указанные в законе;
3. Условия, по которым одна из сторон требует прийти к соглашению.

Если с двумя первыми группами не возникает трудностей в силу отсутствия в законе соответствующих указаний, то третья группа существенных условий может порождать вопросы.

На основе проанализированных дистрибьюторских договоров, находящихся в открытом доступе в Сети Интернет, а также типового дистрибьюторского контракта Международной Торговой Палаты можно сделать вывод о наличии существенного условия дистрибьюторского договора — условие о дальнейшем взаимодействии дистрибьютора и принципала после заключения договора. Данное условие включает в себя

довольно широкое содержание: стороны в дистрибьюторском договоре обязаны указать на ту форму экономических взаимоотношений, при помощи которой они будут исполнять договор.

Чаще всего это условие проявляется себя в виде следующего положения дистрибьюторского договора: «Стороны договорились об определении конкретного перечня товаров, подлежащих поставке от принципала дистрибьютору / указанному дистрибьютором субдистрибьютору в договорах поставки / спецификациях / заявке, которые заключаются / отправляются в целях исполнения настоящего договора».

Отдельного внимания заслуживает вопрос соотношения дистрибьюторского договора с поименованными в ГК РФ договорами.

В судебной практике существует три позиции о том, что из себя представляет дистрибьюторский договор:

- 1) Дистрибьюторский договор — разновидность договора поставки [6];
- 2) Дистрибьюторский договор тождественен агентскому [7];
- 3) Дистрибьюторский договор — одно из проявлений договора возмездного оказания услуг [8];

Тем не менее, во всех приведенных судебных решениях делается вывод о том, что дистрибьюторский договор — один из видов уже поименованных договоров в ГК РФ, что приводит к тому, что суды пытаются поместить договор дистрибуции в определённые рамки, что не является хорошим знаком для отечественного правоприменения.

Автор полагает, что сложившаяся судебная практика не может быть иной, так как возникающие споры нуждаются в разрешении, несмотря на отсутствие законодательной базы по вопросу дистрибьюторского договора или, хотя бы, разъяснений Верховного Суда. Впрочем, автор считает нужным указать, что наиболее корректным и логичным было бы заключение о том, что все поименованные в ГК РФ договоры с одной стороны и дистрибьюторский договор с другой стороны являются отличными друг от друга, но, дистрибьюторский договор, обладает уникальной возможностью «поглощать» в себя элементы других договоров: поставки, агентский, возмездного оказания услуг, что приводит к реализации в предпринимательской практике следующего механизма: дистрибьюторский договор является своего рода «базисом» правоотношений сторон, в котором стороны предусматривают общие положения о будущих поставках, потенциальных услугах и поручениях и т.д., а соответствующие договоры поставки, агентирования, возмездного оказания услуг детализируют вышеупомянутые положения дистрибьюторского договора, переводя их из абстрактного состояния в конкретные права и обязанности. Тем не менее, четко прослеживаемая взаимосвязь договоров не является основанием считать дистрибьюторский договор разновидностью иного договора или производным договором от иных договоров. Автор научной работы полагает, что дистрибьюторский договор представляет собой самостоятельный договор, обладающий уникальной способностью включать в себя некоторые элементы иных договоров, после чего изменять эти элементы таким образом, чтобы элементы становились гармоничными частями уже самого дистрибьюторского договора.

Говоря о дистрибьюторском договоре как самостоятельном, представляется необходимым указать его характерные черты.

Согласно мнению Е. А. Суханова, сделки (в том числе и договоры) могут быть классифицированы по следующим видам [9]:

- А) односторонние, двусторонние и многосторонние;
- Б) фидуциарные и нефидуциарные;
- В) каузальные и абстрактные;
- Г) реальные и консенсуальные;
- Д) возмездные и безвозмездные.

Отдельно следует выделить разграничение договоров по форме: устная, письменная, нотариальная и требующая государственной регистрации.

Соответственно, дистрибьюторский договор является: письменным, двусторонним, нефидуциарным, каузальным, консенсуальным, возмездным.

Если почти все вышеуказанные характеристики не вызывают споров в академической среде, то вопрос возмездности может вызвать недопонимания.

Примером такого недопонимания может являться вопрос: является ли дистрибьюторский договор возмездным, если финансовые расчёты за поставку товара принципалом дистрибьютору могут проводиться в отдельных, регламентирующих основной — дистрибьюторский, договорах в случае, если в самом дистрибьюторском договоре нет указания на конкретные расчёты между сторонами?

Отвечая на поставленный вопрос, следует обратиться к литературе. В доктрине отмечается, что возмездность характеризуется обоюдным предоставлением благ сторонами [10]. Данный тезис релевантен к настоящему вопросу тем, что, хоть денежные средства являются наиболее популярным инструментом для обеспечения встречного исполнения, денежные средства не являются единственным таким инструментом [11]. Благо может быть выражено любым полезным и утилитарным результатом для стороны (в том числе и не материальным) и, более того, может быть приобретено как в настоящем, так и в будущем (в виде обязательства иного лица передать определенное благо его получателю) [12]. Так как может быть выражено встречное исполнение со стороны принципала дистрибьютору? С учетом вышеприведенной позиции деятелей науки становится ясно, что дистрибьютор получает благо от принципала в виде преференций. Такие преференции представляют собой дистрибьюторскую скидку на товар, поставляемый принципалом. Ведь, если бы дистрибьютор не имел соответствующего статуса, то отпускные цены на товар принципала были выше. Как уже было сказано выше, именно разница между ценой покупки товара у принципала и ценой продажи покупателю дистрибьютор и получает свою прибыль, что позволяет дистрибьютору осуществлять предпринимательскую деятельность как таковую.

Привлекательным кажется предположение о том, что оплата поставленного принципалом товара дистрибьютором и является тем самым встречным исполнением, о котором говорилось выше. Такой тезис является некорректным в связи с тем, что подобный довод приводит к смешению различных договоров: правоотношения по поводу передачи товаров и их принятия с последующей оплатой составляют предмет договора поставки, а не дистрибьюторского договора.

Таким образом, несмотря на отсутствие закрепления в дистрибьюторском договоре расчетов между сторонами, дистрибьюторский договор является возмездным, так как встречное исполнение реализуется не в форме расчетов, а обязательства принципала предоставлять товар со скидкой, применяемой исключительно в отношении дистрибьютора [13].

Проблема классификации дистрибьюторского договора как рамочного заключается в том, что наделение договора дистрибуции статуса рамочного находится в зависимости от сторон.

В целом, исходя из наиболее распространённой модели, дистрибьюторский договор детализируется и «сопровождается» договором поставки. Действительно, в таком случае дистрибьюторский договор будет содержать в себе общие положения о будущих поставках без конкретного указания количественных, качественных характеристик товара, сроков и способа поставки. Всё вышеперечисленное будет детализировано уже в самом договоре поставки. То есть, в аспекте поставок дистрибьюторский договор будет являться рамочным.

Тем не менее, возможна ситуация, когда стороны уже в самом дистрибьюторском договоре детализировали вопрос поставок в самом дистрибьюторском договоре, то договоры поставки становятся ненужными и не будут заключены. Такой исход событий приведёт к невозможности классифицировать дистрибьюторский договор как рамочный.

На момент написания настоящей статьи в академической среде нет консенсуса по вопросу о том, является ли дистрибьюторский договор непоименованным или смешанным.

Для начала следует обратиться к легальным понятиям. Смешанный договор — договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (ч. 3 ст. 421 ГК РФ). Иными словами, смешанный договор — совокупность элементов, существующих в договорах, которые уже закреплены в гражданском законодательстве.

Непоименованный договор по смыслу ч. 2 ст. 421 ГК РФ — договор, элементы и требования к которому отсутствуют в ГК РФ.

Легче всего усвоить разницу между такими видами договоров при помощи примеров. Классическим примером смешанного договора является договора поставки и последующего монтажа оборудования: предметом такого договора будет выражен в двух группах обязанностей сторон, рецепированных из регулируемых в ГК РФ договоров поставки и подряда. Споры, возникающие из такого договора, будут разрешены на основе норм права, регулирующих обязательства в соответствующих договорах поставки и подряда.

Примером непоименованного договора можно назвать трансфертный контракт игроков в футбол, так как все его элементы указываются сторонами самостоятельно, рецепции какого-либо поименованного договора не происходит. Спор, возникающие из такого договора, будут разрешены на основе общих предписаний права об обязательствах сторон.

Разрешая вопрос о возможности одновременного признания дистрибьюторского договора как непоименованным, так и смешанным договором, автор приходит к выводу о невозможности согласиться с В. А. Масловой, допускающей такое «объединение» [14], так как непоименованный и смешанный

договоры, исходя из их правовой природы, являются взаимоиключающими видами договоров.

Таким образом, наиболее остро стоит вопрос отнесения дистрибьюторского договора к одному из предложенных вариантов. Часть ученых полагают, что судебная практика является корректной и относят дистрибьюторский договор к смешанным [15], другие деятели науки приходят к выводу об ошибочности практики и склоняются к признанию дистрибьюторского договора в качестве непоименованного [16].

Автор научной работы полагает, что наиболее аргументированной позицией по настоящему вопросу обладают сторонники отнесения договора дистрибуции к смешанным.

Во-первых, на этапе отсутствия регламентации дистрибьюторского договора в ГК РФ споры, возникающие из дистрибьюторских договоров, нуждаются в справедливом и обоснованном разрешении. Автор полагает, что отнесение договора к смешанным позволит правоприменителю использовать существенно большее количество норм права для разрешения споров, чем в случае отнесения договора к непоименованным, где споры будут разрешаться на основе общих положений ГК РФ.

Во-вторых, все значимые элементы дистрибьюторского договора отвечают критерию нахождения в ГК РФ, что априори приводит к невозможности классификации договора как непоименованного.

Впрочем, отнесение дистрибьюторского договора к смешанным является справедливым и оправданным только на сегодняшний момент, когда отсутствует должна законодательная база. В будущем дистрибьюторский договор должен признаваться как самостоятельный.

Говоря о практических последствиях «помещения дистрибьюторского договора в рамки», представляется возможным привести пример не вполне корректной судебной практики по разрешению споров, возникающих из дистрибьюторских договоров, которая констатирует незаключенность договоров.

Примерами таких решений можно назвать Постановление ФАС УО [17] и Постановление ФАС СКО [18].

Незаключенность договоров, по мнению судов, возникает из-за отсутствия наименования товаров, а также количества товара. Наименование и количество — существенные признаки договора поставки. Автор обращает внимание на то, что некорректная квалификация дистрибьюторского договора как договора поставки приводит к аналогичным решениям: с точки зрения нормативного позитивизма дистрибьюторский договор, квалифицированный как договор поставки обязан отвечать тем же требованиям, что и, собственно, договор поставки. Тем не менее, такая точка зрения игнорирует тезис о том, что дистрибьюторский договор не может охватываться лишь рамками договора поставки. Именно поэтому актуальность приобретает подход к определению дистрибьюторского договора как смешанного. В случае признания договора смешанным представляется невозможным определение предмета договора через призму одного из составных элементов рецепированного договора. Простым языком, если признать дистрибьюторский договор составленным из нескольких иных договоров, то нельзя утверждать то, что, если предмет такого договора должен в точ-

ности соответствовать предмету одного из договоров, из которых «изымаются» элементы для дистрибьюторского договора.

К счастью, существует практика, согласно которой суды самостоятельно определяют предмет дистрибьюторского договора, что приводит к возможности признания договора заключенным. Так, Двенадцатый арбитражный апелляционный суд указал на то, что предмет дистрибьюторского договора состоит из обязанности дистрибьютора приобретать товар у принципала и продвигать такой товар на определенной территории и обязанности принципала не поставлять товар на товарные рынки самостоятельно или третьим лицам [19]. Такое определение предмета является обоснованным и позволяет признать договор заключенным, даже если его предмет не соответствует предметам договоров-доноров.

Следующая проблема правоприменения заключается в том, что дистрибьюторский договор в некоторых случаях может нарушать антимонопольное законодательство. Основным источником запретов для дистрибьюторского договора являются положения ст. 11 Федерального Закона «О защите Конкуренции» [20].

Первый запрет связан с территориальной обособленностью дистрибьютора. В предпринимательской практике распространена модель, при которой дистрибьютор является единственным продавцом товаров принципала. Сам принципал обязан не реализовывать свою продукцию на товарном рынке, участником которого уже является дистрибьютор.

П. 3 ст. 11 вышеуказанной статьи ограничивает такое обособление дистрибьютора: «запрещаются соглашения между субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков)».

Такой запрет приводит к тому, что сторонам, в целях не быть признанными нарушителями антимонопольного законодательства, следует предусмотреть в договоре положения о том, что принципал, хоть и обязуется самостоятельно не реализовывать конечному покупателю товары, которые продаёт дистрибьютору, но в случае прямого обращения конечного покупателя к принципалу может реализовать свои товары. Подобная формулировка имеет два положительных последствия: во-первых, обязанность принципала воздержаться от активных действий по продаже своих «в обход» дистрибьютора обеспечит возможность дистрибьютора реализовывать товары принципала без вмешательства на рынок последнего, во-вторых, обеспечит невозможность признания договора противоречащим антимонопольному законодательству, так как потребители, при желании, смогут обратиться напрямую к принципалу.

Подтверждается тезис красноречивой позицией Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа, которая гласит, что невозможно признать дистрибьюторский договор противоречащим законодательству, если соблюдены два признака: территориальное ограничение дистрибьютора не тождественно запрету дистрибьютору на реализацию товаров за пределами территориальных (то есть, та территория, что указана

в договоре будет по существу являться приоритетным рынком, но не единственным), а также договор не должен содержать запретов на приобретение товаров покупателями напрямую у принципала [21].

Второй запрет происходит из той же статьи ФЗ «О защите конкуренции», но уже из второй части ФЗ: «Запрещаются »вертикальные« соглашения между хозяйствующими субъектами, если такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара»

В одном из решений Федеральной Антимонопольной Службы РФ антимонопольный орган признал дистрибьюторский договор нарушающим законодательство в связи с тем, что в тексте договора содержалась формула, по которой дистрибьютору разрешалось устанавливать цену на товар [22].

В практике существуют ситуации, когда огромные предприятия — принципалы составляют типовые договоры (с внесением незначительных изменений) со всеми своими дистрибьюторами. Это может привести к тому, что, например, на дистрибьютора в договоре накладывается обязанность реализовывать товар по ценам, выше определенного значения (то есть, в договорах наличествует минимальная цена перепродажи), которая в домициле принципала не является нарушением антимонопольного законодательства, но исходя из положений ФЗ «О защите конкуренции» является нарушением в РФ [23].

В таких случаях надлежит детально изучить вопрос о влиянии на рынок установления такого минимального предела цен на рынок. В одном из таких дел, суд согласился с доводами предприятия о том, что несмотря на наличие такого условия, мало кто из дистрибьюторов по всему миру его соблюдал, так как юридическое лицо принципал учреждено в государстве западной Европы, что и приводит к оценке рынка и ценообразования с парадигмы европейского уровня жизни и европейского ценообразования. Суд констатировал, что отсутствует факт нарушения закона и отсутствует факт влияния на ценообразования [24].

Тем не менее, с целью недопущения судебных разбирательств вообще, автор рекомендует сторонам не указывать конкретные цены перепродажи в договоре, так как это может привести к судебным тяжбам, сам факт которых уже требует нести судебные расходы и может подорвать доверие к сторонам со стороны третьих лиц — потенциальных контрагентов.

Запрет на закрепление в договоре условий об обязательстве дистрибьютора не продавать товар хозяйствующего субъекта,

который является конкурентом принципала не является значимым для настоящей научной работы, так как согласно этой же норме, данный запрет не распространяется на соглашения об организации покупателем продажи товаров под товарным знаком либо иным средством индивидуализации продавца или производителя.

В связи с вышеизложенным, автору хотелось бы обобщить вышесказанное и указать три основных причины, почему дистрибьюторский договор должен быть урегулирован законодательством:

1. Дистрибьюторский договор обладает уникальным предметом, который представляет собой совокупность различных действий, которые должен совершить как принципал, так и дистрибьютор. Разнообразие действий приводит к невозможности «ограничения» такого договора в рамках иных, уже поименованных в законодательстве, договоров;

2. Смешанный характер дистрибьюторского договора является временным решением и является частично корректным только потому что придание смешанного характера позволит спорам, возникающими из дистрибьюторского договора быть разрешенными по существу. Тем не менее, такая квалификация в целом противоречит природе дистрибьюторского договора и требует выделения дистрибьюторского договора как самостоятельного;

3. Дистрибьюторский договор является популярным и известным российским предпринимателям. В связи с изменениями, вызванными изменениями в мировой экономике, начавшимися в 2022 году, дистрибьюторский договор приобретает статус всё более и более важного инструмента для построения устойчивых взаимосвязей между иностранными принципалами и отечественными дистрибьюторами и оборот;

Примером предлагаемых изменений могут являться предложения К. Э. Улуговой. В своем научном труде в приложении № 1 предлагается следующее: введение в ГК РФ новой главы, полностью посвященной дистрибьюторскому договору. Сама глава состоит из всего лишь шести статей, но, тем не менее, позволит существенно упростить разрешение судами споров по существу. Содержание поправок включает в себя законодательное определение предмета договора, дефиницию самого договора, указание существенных признаков договора, потенциально возможных ограничений сторон по договору, а также порядок расторжения договора [25].

Литература:

1. Доронькина В. Ю. Имплементация дистрибьюторского договора в российское право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 40.00.03 / Доронькина Виктория Юрьевна. — Санкт-Петербург, 2016. — 29 с.
2. Маслова, В. А. Дистрибьюторский договор как правовой инструмент организации сбыта товаров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 40.00.03 / Маслова Варвара Алексеевна. — Москва, 2011. — 36 с.
3. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 13.05.2013 по делу № А10–5176/2012 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LHhkqjEaFBLx> (дата обращения: 01.02.2023).
4. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.02.2011 по делу № А24–2162/2010 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DswepxA6sSbJ> (дата обращения: 01.02.2023); Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2011 по делу № А56–35417/2010 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/re>

- оWbahV1VZK (дата обращения: 02.02.2023); Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.04.2012 по делу № А56–4965/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oVecL4FO2BrR> (дата обращения: 02.02.2023); Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24.02.2012 по делу № А56–27198/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zpLCIKrAATga> (дата обращения: 03.02.2023).
5. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.04.2005 по делу № Ф08–1395/2005// Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Irb4nXojPH6w> (дата обращения: 03.02.2023); Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 13.02.2009 по делу № А65–5966/2008 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1uvJLzC4h9Yv> (дата обращения: 04.02.2023).
 6. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.10.2002 по делу № Ф03-А73/02–1/2120 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LHhkqjEaFBLx> (дата обращения: 05.02.2023); Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.05.1999 № 7073/98 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/g4LKMh-6CiFov> (дата обращения: 05.02.2023).
 7. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов.— 2-е изд.,— Москва: Статут, 2011.— 958 с.
 8. Брагинский М. И. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский.— 3-е изд.— Москва: Статут, 2011.— 847 с.
 9. Ровный В. В. Общая характеристика договора купли-продажи / В. В. Ровный // Сибирский Юридический Вестник.— 2001.— № 3.— С. 26–38.
 10. Ансон В. Р. Основы договорного права: пер. с англ. А. Александров.— Москва: Международная книга, 1999.— 455 с.
 11. Партин А. М. Правовая природа дистрибьюторских соглашений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 40.03.01 / Александр Маркович Партин — Москва, 2010.— 32 с.
 12. Маслова, В. А. Дистрибьюторский договор как правовой инструмент организации сбыта товаров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 40.03.01 / Маслова Варвара Алексеевна.— Москва, 2011.— 36 с.
 13. Варданын М. Л. Дистрибьюторский договор как форма осуществления иностранными компаниями предпринимательской деятельности на территории России / М. Л. Варданын // Законодательство и экономика.— 2008.— № 8.— С. 49–61.
 14. Бычков А. И. Дистрибьюторский договор / А. И. Бычков // Имущественные отношения в РФ.— 2012.— № 9 (132).— С. 88–100.
 15. Улугова К. Э. Некоторые аспекты договорного регулирования дистрибьюторской деятельности / К. Э. Улугова // Актуальные проблемы российского права.— 2014.— № 9.— С. 21–27.
 16. Илюшина М. Н. О новых договорных конструкциях в коммерческом обороте / М. Н. Илюшина // Вестник Российской правовой академии.— 2007.— № 3.— С. 36–40.
 17. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 08.07.2010 по делу № А60–55543/2009 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PGG1XKNOeHJ6> (дата обращения: 06.02.2023).
 18. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.12.2008 по делу № А32–23302/2007 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IxmLWQNkY> (дата обращения: 07.02.2023).
 19. Дополнительное постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2012 по делу № А12–11251/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Q8xNPb-0zngWX> (дата обращения: 08.02.2023).
 20. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 N135-ФЗ // Собрание законодательства РФ.— 2006.— 31 июля.— № 31. Ч. 1 — ст. 3434.
 21. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.02.2013 № Ф03–264/2013 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eQFY456Pc1LP> (дата обращения: 09.02.2023).
 22. Решение Федеральной Антимонопольной Службы России по делу N1 10/158–09 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DswerxA6sSbJ> (дата обращения: 09.02.2023).
 23. Егорова М. А. Конкурентное право: учебник / М. А. Егорова, А. Ю. Кинев.— Москва: Юстицинформ, 2018.— 628 с.
 24. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2014 N09АП-11038/14 по делу N А40–75519/13 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/QNkYxIxmLW> (дата обращения: 09.02.2023).
 25. Улугова К. Э. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере дистрибуции: частноправовой и публично-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 40.03.01 / К. Э. Улугова.— Москва, 2015.— 23 с.

Центральный банк и банковская система России

Жигалина Екатерина Сергеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассматриваются функции, структура и правовой статус Центрального банка. Поднимаются такие актуальные вопросы как экономические механизмы влияния Центрального банка на экономику страны. Анализируется место и роль Центрального банка в банковской системе Российской Федерации. Дается рекомендация по дальнейшему развитию банка России.

Ключевые слова: Центральный банк России, банк России, банковская система РФ, экономические механизмы развития.

Центральный банк России осуществляет свои функции в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и другими федеральными законами. Согласно статье 75 Конституции Российской Федерации, основной функцией Банка России является защита и обеспечение устойчивости рубля, а денежная эмиссия осуществляется исключительно Банком России. В соответствии со статьей 4 вышеуказанного Федерального закона Банк России выполняет следующие функции:

- 1) совместно с Правительством Российской Федерации разрабатывает и проводит единую денежно-кредитную политику;
- 2) монопольно осуществляет эмиссию наличных денег и организует наличное денежное обращение;
- 3) является кредитором последней инстанции для кредитных организаций, организует систему их рефинансирования;
- 4) устанавливает правила проведения банковских операций и другие [1].

Статья 75 Конституции Российской Федерации устанавливает особый конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации, который включает в себя исключительное право на осуществление денежной эмиссии и защита и обеспечение устойчивости рубля, в качестве основной функции.

Основным элементом правового статуса Центрального банка Российской Федерации является принцип независимости, о чем свидетельствует, прежде всего, тот факт, что Банк России выступает как особый публично-правовой институт, обладающий исключительным правом на эмиссию денег и организацию денежного обращения. Он не является органом государственной власти, но его полномочия по своей правовой природе являются функциями государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение государством мер принуждения [2].

Кроме того, Банк России является юридическим лицом. Уставный капитал и иное имущество Банка являются федеральной собственностью, при этом Банк России наделен имущественной и финансовой самостоятельностью. Полномочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом Банка России, включая золотовалютные резервы Банка России, осуществляются самим Банком России в соответствии с целями и в порядке, которые установлены Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [3].

Центральный банк Российской Федерации является высшим органом банковского регулирования и контроля деятельности коммерческих банков и других кредитных учреждений. В рамках

взаимоотношений с коммерческими банками ЦБ РФ стремится поддерживать стабильность всей банковской системы и защищать интересы населения и кредиторов. Он не вмешивается в оперативную деятельность коммерческих банков. Однако Банк России определяет порядок создания новых коммерческих банков, следит за их соблюдением и выдает лицензии на право осуществления банковской деятельности.

Центральный банк РФ формирует свои ресурсы двумя методами. Первый состоит в том, что деньги из забалансовых хранилищ учреждений ЦБ РФ приходятся на баланс, то есть перемещаются в их оборотные кассы. Оттуда наличные деньги поступают в обращение. Выдача денежных средств из оборотных касс осуществляется в рамках остатка средств на корреспондентских счетах в коммерческих банках или счетах других клиентов Центрального банка. Эти остатки, при необходимости, формируются за счет кредитов, выданных системой Центрального банка. В данном методе речь идет о налично-денежной, то есть банкнотной, эмиссии. Вторым методом является в том, что Центральный банк увеличивает свои кредитные вложения путем выдачи ссуд, повышающих остатки на счетах, то есть на депозитах. В данном случае следует говорить о выдаче депозита.

Таким образом, деньги, выпущенные — создаваемые им ресурсы — в обоих случаях являются кредитами, обязательствами коммерческих банков и Правительства, также золотом и иностранной валютой.

Необходимо сказать о банковской системе, которая представляет собой совокупность различных видов национальных банков и кредитных учреждений, действующих в рамках общего денежно-кредитного механизма. Она включает в себя Центральный банк, сеть коммерческих банков и других кредитно-расчетных центров. Центральный банк проводит государственную политику в отношении эмиссии и валютного курса, которая является основой резервной системы [4].

Основные свойства и признаки, характерные для банковской системы:

1. Банковская система, прежде всего, не является случайным многообразием, случайной совокупностью элементов. В нее нельзя механически включать субъекты, также действующие на рынке, но подчиненные другим целям.

2. Банковская система специфична, она выражает свойства, характерные для нее самой, в отличие от других систем, функционирующих в народном хозяйстве. Особенность банковской системы определяется ее элементами и отношениями, которые возникают между ними.

3. Банковскую систему можно представить как целое, как многообразие частей, подчиненных единому целому. Это означает, что ее отдельные части (различные банки) связаны таким образом, что могут при необходимости заменить одна другую. В случае если ликвидируется один банк, вся система не становится недееспособной — появляется другой банк, который может выполнять банковские операции и услуги. В банковскую систему при этом могут влиться новые части, восполняющие специфику целого.

4. Банковская система находится не в статическом состоянии, а в постоянной динамике.

Практическая роль банковской системы определяется функционированием платежно-расчетной системы в государстве; большая часть коммерческих сделок осуществляется через вклады, инвестиции и кредитные операции; совместно с другими финансовыми посредниками банки направляют сбережения населения к фирмам и производственным структурам.

Литература:

1. Правовой статус и функции Банка России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/today/status_functions/ (дата обращения: 10.05.2024).
2. Шевченко, Т. Н. Организационно-правовое положение Центрального Банка Российской Федерации / Т. Н. Шевченко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 30 (320). — С. 220–222. — URL: <https://moluch.ru/archive/320/72817/> (дата обращения: 12.05.2024).
3. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) от 10.07.2002 № 86-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2024.
4. Керимова С. Н., Магомедова М. Х. Особенности правового статуса Центрального Банка России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-statusa-tsentralnogo-banka-rossii> (дата обращения: 11.05.2024).
5. Матвеева, М. А. К вопросу о правовом статусе Центрального Банка / М. А. Матвеева. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. — 2021. — № 7 (31). — С. 4–6. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/202/6500/> (дата обращения: 12.05.2024).

Основной целью деятельности Центрального Банка РФ является контроль за инфляцией и обеспечение стабильности национальной валюты. В связи с этим Банк России ежегодно разрабатывает единую государственную денежно-кредитную политику, проводит операции на открытом рынке, вносит изменения в правила привлечения ресурсов, изменение нормативов обязательных резервов, рефинансирование кредитных организаций, выпуск облигаций, валютные интервенции и другие [5].

Постепенное снижение участия Банка России на внутреннем валютном рынке будет способствовать переходу валютного курса в режим свободно плавающего, что позволит Центральному банку сосредоточиться на достижении наиболее точных целей по уровню инфляции. В то же время не следует забывать, что поддержка денежно-кредитной политики Банка России посредством действий Правительства РФ в области бюджетной, финансовой, тарифной, структурной и социальной политики Российской Федерации является важным элементом антиинфляционной политики в России.

Уголовно-правовой механизм освобождения от наказания

Зайчиков Кирилл Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается уголовно-правовой механизм освобождения от наказания, имеющий важное значение. Обозначены его элементы (правые нормы и положения, регламентирующие освобождение от наказания; правовые статусы правоприменителя и правоисполнителя, задачи). Обозначено, что уголовно-правовой механизм освобождения от наказания вызывает вопросы в теории и практике, в связи с чем нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: освобождение от наказания, уголовно-правовой механизм, элементы уголовно-правового механизма, правовые нормы и предписания, правовой статус.

Освобождение от уголовного наказания имеет важное значение для дифференциации и индивидуализации средств уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее общественно опасное посягательство [1]. Оно активно применяется судами. В первом полугодии 2023 г. было освобождено от наказания 3451 лицо (по отношению к общему числу осужденных

это составило 9,1%) [2]. Поэтому важное значение имеет разработанный уголовно-правовой механизм освобождения от наказания, под которым понимается совокупность правовых предписаний, определяющих правовое положение правоприменителей и правоисполнителей, в той степени в которой необходимо для достижения задач, обозначенных в ст. 2 УК РФ [3].

Правовые нормы и положения, регламентирующие указанный правовой институт, содержатся в главе 12, 14 УК РФ, а также в примечании 1 ст. 134 УК РФ. Несмотря на столь массивную регламентацию обозначенного института, учеными отмечается ее несовершенство. По мнению некоторых представителей научного сообщества указаны не все преступления, за совершение которых возможно освобождение от наказания, предусмотренное 82.1 УК РФ [4]; обозначены не все обстоятельства, которые должны учитываться при УДО [5] и т.д., что негативно сказывается на реализации исследуемого уголовно-правового механизма.

В указных правовых нормах и положениях определены и нормы уголовного закона, адресованные лицам, освобождающимся от уголовного наказания (они определяют их уголовно-правовой статус). Речь идет об отбывании определённого срока уголовного наказания, исправлении осужденного (однако на законодательном уровне не определяется какие обстоятельства следует учитывать для установления, что для исправления осужденный не нуждается в дальнейшем отбывании наказания), возмещении вреда, который был причинен общественно опасным посягательством, добровольном прохождении курса лечения от наркомании, прохождении медицинской реабилитации, социальной реабилитации, осуществлении родителями обязанностей по воспитанию ребенка и т.д.

При этом лицо, освобожденное от наказания должно воздерживаться от совершения нового общественно опасного посягательства, невыполнения обязанностей, возложенных судом, от отказа от ребенка и уклонения от обязанностей по его воспитанию, отказа от прохождения лечения и т.д. Обязывая действовать лиц, освобожденных от наказания в строгом соответствии с установленными уголовным законом предписаниями, данные лица удерживаются от продолжения преступной деятельности, в частности, от совершения нового преступления.

О том, что уголовно-правовой механизм освобождения от наказания находится в состоянии динамичного преобразования, свидетельствуют и новеллы лета 2023 года. С 24 июня 2023 г. вступил в силу Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [6].

Данный закон закрепляет правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы РФ, а также контрактников.

Среди лиц, которые могут воспользоваться положениями указанной законодательной новеллы выделяются:

- совершившие до дня вступления закона в силу преступления небольшой или средней тяжести, в отношении которых проводится предварительное расследование (исключение — преступления, связанные в т.ч. с терроризмом и экстремизмом);
- проходящие военную службу в период мобилизации, военного положения или в военное время и совершившие преступления;

Литература:

1. Пудовочкин Ю.Е. Статистические аспекты применения института освобождения от уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 135.

— с судимостью, в т.ч. отбывшие наказание или условно-досрочно освобожденные, за исключением судимости за педофилию, изнасилование, терроризм, незаконное обращение с ядерными материалами, госизмену, шпионаж и другие тяжкие преступления.

Освобождение от ответственности и погашение судимости будет возможно в связи с получением госнаграды либо в связи с увольнением со службы по достижении предельного возраста пребывания на ней, по состоянию здоровья или в связи с окончанием мобилизации, отменой военного положения и (или) истечением военного времени. В силу того, что закон принят совсем недавно, еще отсутствует наработанная практика его применения. Соответственно, указанные нормы еще предстоит встроить в единый давно функционирующий уголовно-правовой механизм освобождения от наказания.

Немаловажное значение в рассматриваемой части функционирования уголовно-правового механизма имеет уголовно-правовой статус правоприменителя, включающий права и обязанности осуществляющих освобождение от наказания. Правоприменители должны осуществлять контроль за освобождающимися от наказания лицами, реализующих уголовно-правовой статус. Тем самым удерживать их совершения преступлений.

Освобождая от наказания, ни в коем случае нельзя забывать о потребности в достижении решения закрепленных в статье 2 УК РФ задач уголовного закона. Именно для их эффективного достижения, для максимально полной реализации следует установить контроль за поведением лиц, освобождаемых от наказания. С помощью такого контроля можно будет удерживать лицо от повторного преступления уголовного запрета, от совершения общественно опасного деяния. Кроме того, такой контроль позволяет достаточно точно определить, насколько оправдано было использование института освобождения от наказания применительно к конкретному лицу [7]. В результате, если вдруг будет зафиксировано, что степень общественной опасности лица, которое было освобождено от наказания, не просто не снижается, а даже повышается, то правоприменители должны максимально оперативно принять меры в целях недопущения совершения подконтрольным гражданином преступления. На необходимость установления контроля указывали и иные ученые [8]. К сожалению, в настоящее время он установлен не для всех видов освобождения от уголовного наказания. Достижение задач при исследуемых обстоятельствах уголовного закона свидетельствует об эффективности механизма освобождения от наказания.

Подводя итог, можно сформулировать следующий вывод. Уголовно-правовой механизм освобождения от наказания имеет важное значение, однако он вызывает немало вопросов в теории и правоприменительной практике, в связи с чем нуждается в совершенствовании.

2. Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. URL.: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 22.10.2023).
3. Блинов А. Г. Понятие уголовно-правового механизма и его назначение // Современное право. 2012. № 11. С. 103.
4. Сысоев Р. А. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8.
5. Ткачевский Ю. М. Досрочное освобождение от наказания. М., 1962. С. 27.
6. Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Российская газета. 2023. 26 июня.
7. Кобзева Е. В. О правовой природе условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Прогресс и преемственность в Российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. редакторы В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. Краснодар, 2021. С. 423.
8. Разбирин Л. И. Осуществление контроля за условно-досрочно освободившимися от наказания // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3 (48). С. 49.

Развитие нейронных сетей и их влияние на цифровые доказательства

Зубрицкий Валерий Витальевич, студент магистратуры
Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского

Актуальность исследуемой проблематики настоящей статьи определяется развитием цифровых технологий, а в частности искусственного интеллекта и его влияние на фальсификацию аудио-и видео доказательств. Автор статьи отмечает необходимость разработки инструментов обеспечивающих защиту от фальсификации цифровых доказательств.

Ключевые слова: нейронные сети, нейросеть, искусственный интеллект, цифровые доказательства, аудиозапись, видеозапись.

Развитие технологий на базе нейронных сетей имеет невероятно стремительный рост. Они внедряются в различные сферы жизни. Ежегодно цифровые технологии приобретают возможности, которые было невероятно представить. Бесспорно, новые технологии создаются для упрощения жизни. Они являются инструментом. Человек сам определяет, как их применять. В то же время технологии могут быть использованы в противоправных целях. Потому, при рассмотрении вопроса их интеграции, необходимо рассматривать вопрос о сокращении негативных последствий внедрения и минимизации таковых.

В 2014 году были разработаны и появились первые упоминания о технологии Дипфейк (англ. Deepfake, от deep learning — глубокое обучение и fake — подделка) [1]. Принцип работы заключается в том, что производится синтез приближенного к реалистичному аудио-, видео- и фотографического контента с помощью нейронных сетей. Данная технология способна заменить лицо одного человека на лицо другого, комбинировать лица нескольких людей для создания абсолютно нового лица, создавать новое изображение по описанию. Пример данной технологии — «оживление» в 2019 году художника Сальвадора Дали, в музее Сальвадора Дали, расположенного во Флориде [2]. В зале был размещен экран с голограммой художника, который встречал посетителей и отвечал на их вопросы. Раньше эти технологии выглядели примитивно, на примере вышеупомянутого «оживления» художника. Вследствие чего, даже обычный человек, без профессионального образования в сфере нейросетевых технологий сможет отличить видеоматериал, который был обработан при помощи нейросети. Однако прогресс

развития на этом не остановился, данные технологии прогрессировали до такой степени, что теперь они способны производить изменение видео- и аудиоматериала в реальном времени, то есть, в процессе записи.

В связи с этим, технологии связанные с изменением голоса и созданием правдоподобных аудиозаписей с голосами, например, медийных лиц, актеров или музыкантов, вызывают крайние опасения. Создание таких записей уже подразумевает в себе варианты недобросовестного их применения, рассуждая не только о нарушении авторских прав. Это проблема носит серьёзный характер и продолжает обостряться. Фактически, в настоящее время, не сложно подделать аудиозапись с помощью искусственного интеллекта и представить ее как доказательство в суде. Развитие и применение технологий, связанных с искусственным интеллектом, получает все большее распространение. Ежегодно разрабатывается все больше открытых и доступных сервисов по обработке аудио- видеодокументов, распространяемых в бесплатном доступе или по подписке более широкому кругу людей. Исходя из этого, стоит быть готовым к тому, что предоставляемое программное обеспечение может стать инструментом недобросовестных лиц для использования в преступных целях.

Вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Елена Авакян считает, что следует ужесточить законодательство. Предлагая использовать звуковые файлы лишь при наличии первичного носителя записи или непосредственно решения суда, разрешающего прослушивать запись [3]. Наша позиция в отношении аудиозаписей не так радикальна. Применение аудиозаписей имеет большое преимущество. Поскольку

это не голые слова, выраженные на бумаге. Аудиозапись способна передать большее восприятие на произошедшие события. На записи отражается не только общение, по существу, но и эмоциональное состояние собеседников их интонацию, тембр, темп и тон общения. Мы считаем, что не стоит пренебрегать фоноскопической экспертизой, способной исследовать не только звуковую, речевую информацию, но и выявлять целостность и подлинность аудиозаписей. Ведь одной из задач данной экспертизы является установление факта монтажа или подмены аудиозаписи.

На этапе стремительного развития технологий в области искусственного интеллекта, государствам становится все более актуальным не только следовать передовым технологиям, но и сосредоточить усилия на разработке специализированных инструментов и методов, которые бы позволяли проводить тщательную экспертизу и выявлять любые несоответствия между оригинальными записями и теми, что были созданы с помощью нейросетевых технологий. Такие разработки не только обеспечат надёжную защиту от потенциальных угроз, но и укрепят доверие к официальным документам и информации в целом,

что является ключевым аспектом для поддержания стабильности и безопасности в информационном пространстве. Особенно значимо это становится в контексте борьбы с новыми вызовами, такими как использование искусственного интеллекта для создания подделок.

Цифровые технологии — это не только источник новых идей и улучшений в повседневной жизни, но и потенциальный источник негативных последствий. Для того чтобы минимизировать возможные риски, необходимо проводить тщательный анализ вероятных злоупотреблений новыми технологиями и разрабатывать стратегии по их предотвращению. Современные технологии, позволяющие изменять изображения и голоса, имеют как свои плюсы, так и минусы. С увеличением использования подобных систем, растут и угрозы, связанные с их злоупотреблением. Необходимо направить силы на разработку технологий обнаружения фальсификаций, обсудить и внедрить соответствующие законодательные акты, а также инициировать публичные дискуссии на эту тему. Важно создать механизмы контроля за использованием новых технологий, чтобы обеспечить их безопасное и этическое применение в обществе.

Литература:

1. Котенев А. А. Дипфейк [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/dipfeik-f9f89b?ysclid=lw4yesujlf726322801> (Дата обращения 5.05.2024)
2. Гузий В. Ожившие картины: Дали говорит с Моной Лизой [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://sysblok.ru/arts/ozhivshie-kartiny-dali-govorit-s-monoj-lizoj/?ysclid=lw4wx402hf995820376> (Дата обращения 5.05.2024)
3. Трифонова Е. Нейросети поставили аудиодоказательства под вопрос [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2023-08-28/1_8811_expertise.html?ysclid=lw4uq2mnyr446530806 (Дата обращения 5.05.2024)

Динамика мошеннических действий и новые способы мошенничества в условиях новой коронавирусной инфекции

Зябликов Сергей Викторович, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье анализируются новые изощренные способы мошеннических действий в период новой коронавирусной инфекции. Введение режима самоизоляции, ограничение на свободное передвижение оказало воздействие на увеличение преступлений, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в частности мошенничество и киберпреступность. Также в статье рассматриваются статистические данные, свидетельствующие об увеличении случаев COVID-мошенничества, что подтверждает актуальность рассматриваемой темы.

Ключевые слова: COVID-19, новая коронавирусная инфекция, пандемия, мошенничество, киберпреступность, IT-преступления, фишинг.

В историческом аспекте становление и развитие понятия «мошенничество» связано с изданием Иваном Грозным Судебника 1550 года, который закрепил данное понятие, но не раскрыл его содержание. Однако, трактовался данный состав преступления как тождественный краже. Такое историческое отступление позволяет констатировать, что данное преступление известно издавна, но интерпретация дефиниции «мошенничество» варьировалась с течением времени.

В реалиях современного мира мошенничество является одним из преобладающих видов преступлений. Причём, увеличение роста такого рода преступления, как мошенничество, началось в период пандемии коронавируса COVID-19. Так, вводимые ограничения (самоизоляция граждан, «lockdown») послужили причиной активизации процесса цифровизации общества. Большая часть населения перешла на удалённый режим работы и обучения, в результате чего возросла активность в ин-

формационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Организации стали более часто задействовать электронные платформы для оказания различного рода услуг.

Так, в век информационных технологий, особенно в тот период, когда население было вынуждено перейти в режим самоизоляции — работать дистанционно, получать образование онлайн — активизировалось «дистанционное мошенничество», то есть преступления совершались с использованием средств связи или информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Такой вид мошенничества позволяет осуществлять хищения из любой точки земного шара, зачастую исполнитель, совершающий мошеннические операции, остается анонимным.

Обращаясь к статистическим данным, следует сказать, что с начала периода пандемии количество IT-преступлений выросло на 83,9%, а их удельный вес достиг 19,9% от общего числа. По сравнению с мартом 2019 года число мошенничеств возросло на 48,5%, причем мошеннических действий с использованием электронных средств платежа — более чем в два раза. Общее количество зарегистрированных преступлений в марте 2020 г. превысило показатель марта предыдущего года на 4,4% главным образом за счет роста киберпреступности [2, С. 111].

В 2020 году киберпреступность заняла одно из основных мест в общем количестве преступлений — 20%, что повлияло на общий уровень роста преступности на 4,2%. При этом уровень уличной преступности снизился до 1,2%, а количество краж и квартирных взломов уменьшилось до 0,5% из всех случаев преступлений по России [5].

В период неблагоприятной эпидемиологической обстановки появились новые изощренные способы мошенничества.

Во-первых, лицами, совершающими мошеннические действия, предлагались различного рода компенсации, в частности, компенсация за кредитные обязательства или отсрочка по ипотеке. Мошенники, как правило, по телефону обещают отсрочку по выплате кредитов и ипотеки, с условием внесения единовременного платежа путём перевода на указанный мошенником счёт. Злоумышленники, также, под благовидным предлогом перечисления различного рода компенсаций, материальной помощи в отношении социально незащищенных слоев населения, требуют сообщить их персональные данные, а именно: фамилию, имя, отчество, серию и номер паспорта, ИНН, данные банковских карт и другую информацию.

Например, 16 марта 2020 г. в городе Ессентуки были задержаны пять членов организованной группы, которые от имени Пенсионного фонда России звонили пенсионерам под предлогом предоставления услуг диагностики коронавируса либо выплат в честь 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Затем злоумышленники вводили пенсионеров в заблуждение, и те сообщали им номер своей карты, код из СМС-сообщения с номера 900, в том числе логины и пароли для входа в личный кабинет, и похищали денежные средства [1, с. 180].

Кроме того, в результате внесения изменений в статью 6.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «жертвы мошенников» начали получать фейковые

СМС-оповещения о необходимости уплаты штрафа за нарушение режима самоизоляции. В сообщениях указывается на возможность перевода денежных средства на карту или номер телефона, в противном случае будет возбуждено уголовное дело.

Во-вторых, преступники предлагали вернуть денежные средства за отмененные перелеты [4, с. 134]. Ведь из-за коронавирусной инфекции границы оказались закрыты. В данных ситуациях мошенники представлялись сотрудниками туристических фирм и дают обещание вернуть денежные средства за отменённый, неудавшийся отпуск. Для этого злоумышленники требуют указать данные банковской карты, в результате чего все имевшиеся сбережения на банковской карте оказываются в руках мошенников.

В-третьих, деятельность мошенников в период пандемии зиждилась на создании поддельных сайтов, на которых доверчивые граждане могли приобрести различного рода санитайзеры, воздухоочистители, способные отфильтровать вирус, маски, амулеты и многое другое. И в лучшем случае, если покупатель получит самую незаурядную медицинскую маску и самый обычный антисептик для рук по завышенной цене, а в худшем случае — товар не поставлялся, а мошенники и фейковые сайты исчезали. Например, в апреле 2020 года в отношении гражданки, проживающей во Владивостоке, были совершены мошеннические действия со стороны неизвестного лица. Потерпевшая на Интернет-сайте заказала фен стоимостью 19 900 рублей, денежные средства перевела на банковскую карту. В итоге женщина не получила заказанный предмет, денежные средства ей возвращены не были, а по заявлению было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по пункту 1 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации за отсутствием состава преступления [1, С. 178].

Также можно упомянуть и о фишинговой схеме, заключающейся в проводимых махинациях с курьерской доставкой онлайн-заказов. На сервисах бесплатных объявлений злоумышленники создают публикации о продаже товаров по заниженным ценам. Через сервис связываются с жертвой, после чего предлагают перейти в мессенджер, чтобы «обсудить покупку». После этого узнают у покупателя его данные с целью оформления доставки и просят заполнить форму на странице, похожей на сайты известных курьерских служб [3, с. 77]. На самом деле все данные, в том числе и данные банковской карты уходят мошенникам.

Таким образом, все действия мошенников направлены на получение денежных средств от потенциальных жертв. Именно в условиях эпидемии коронавирусной инфекции основным видом мошенничества стали действия преступников с использованием электронных платформ и платежных систем в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Как итог, в период пандемии увеличилось количество совершаемых мошеннических действий в сфере IT-технологий, а также данный период повлиял на создание новых схем обмана граждан и хищения их имущества.

Литература:

1. Сафонов В. Н., Андреев Д. В. «Мошенничество от пандемии»: новые способы хищений / В. Н. Сафонов, Д. В. Андреев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2022. — № 2 (101). — С. 177–184. — Текст: электронный // eLIBRARY.ru: [сайт]. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48317662> (дата обращения: 02.05.2024).
2. Смагоринский Б. П., Сычева А. В. Новые способы совершения мошенничеств, связанных с распространением коронавирусной инфекции / Б. П. Смагоринский, А. В. Сычева // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2020. — № 2 (53). — С. 111–117. — Текст: электронный // [сайт]. — URL: <https://va-mvd.ru/vestnik/arhiv/53.pdf> (дата обращения: 12.05.2024 г.).
3. Стеценко Ю. А., Холодковская Н. С. Мошенничество в сети Интернет / Ю. А. Стеценко, Н. С. Холодковская. — С. 75–80. — Текст: электронный // cyberleninka.ru [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-seti-internet/viewer> (дата обращения: 01.05.2024 г.).
4. Харина Э. Н., Сагасти С. С. Криминалистический анализ современных способов мошенничества / Э. Н. Харина, С. С. Сагасти // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. — С. 131–136. — Текст: электронный // eLIBRARY.ru: [сайт]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49789682> (дата обращения: 10.05.2024 г.).
5. Российская газета. Эксперты назвали тенденции киберпреступлений в период пандемии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/23/eksperty-nazvali-tendenciikiberprestuplenij-v-period-pandemii.html> (дата обращения: 09.05.2024 г.).

Обеспечительное удержание права собственности: судьба предмета обеспечения в процедуре банкротства кредитора

Иванова Полина Дмитриевна, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

В данной статье рассматривается вопрос о положении сторон сделки купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности при банкротстве кредитора. В виду того, что в настоящее время в обороте лица все чаще прибегают к обеспечению обязательств титульными способами, немаловажным является анализ положения, в которое попадают кредитор и должник в процедуре банкротства. Правовые нормы, регулирующие процедуру несостоятельности не регламентируют указанной ситуации, исчерпывая свое содержание только нормами о залоговых кредиторах.

Автор приводит несколько подходов, сформулированных доктринальными исследованиями, в том числе позицию немногочисленной судебной практики по рассматриваемой проблеме. В заключении, автор приходит к выводу о возможности решения возникающих при банкротстве кредитора вопросах при помощи урегулирования положения сторон по сделкам, опосредующим титульное обеспечение.

Ключевые слова: титульные способы обеспечения, удержание титула, оговорка о сохранении права собственности, банкротство кредитора, правовая природа удержание титула, защита прав при банкротстве.

В соответствии со статьей 329 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) пунктом 1 обеспечение исполнения обязательств может достигаться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором. Так, способы обеспечения обязательств можно разделить на два вида: законные и договорные. К одному из незакрепленных в российском законодательстве способов обеспечения обязательств относят титульное обеспечение.

Титульное обеспечение относится к вещным обеспечительным сделкам, существо которых составляет передача должником кредитору права собственности на имущество (титула на имущество), принадлежащее должнику, в счет обеспечения

обязательств последнего по основному (обеспечиваемому) обязательству [1].

Основное различие титульного обеспечения и залога заключается в том, что при титульном обеспечении кредитор получает право собственности (хоть и не полное) на предмет обеспечения, а при залоге особое обеспечительное вещное право, отличное от собственности. Обеспечение при помощи титула возможно двумя способами: передачей и удержанием. При передаче титула должник привлекает у кредитора денежные средства, а в качестве обеспечения передает кредитору имущество, которое ранее принадлежало самому должнику [2]. При удержании титула должник получает от кредитора или за счет кредитора от третьего лица вещь, на которую у должника не было ранее права собственности, и может далее владеть и пользо-

ваться данной вещью, погашая свой денежный долг постепенно в рамках установленного графика, но право собственности задерживается за кредитором и переходит к должнику только тогда, когда он полностью расплатится с кредитором [2].

Наиболее часто в обороте используют следующие видам обеспечительных титульных конструкций: обеспечительная передача собственности, обеспечительный факторинг, удержание права собственности, аренда с правом выкупа, выкупной лизинг. Механизм удержания титула имеет законодательное регулирование в действующем правовом порядке. Так, в ГК РФ в статье 491 урегулирован механизм сохранения права собственности за продавцом, а статья 624 посвящена аренде с правом выкупа.

Некоторые правоведы ставят под сомнение обеспечительный характер сделок при которых происходит удержание титула. Такая позиция аргументируется тем, что при использовании классических способов обеспечения обязательств, таких как залог, поручительство и прочих, кредитор получает удовлетворение за счет имущества должника или третьего лица. Ситуация с удержанием титула иная — удовлетворение интереса кредитора происходит за счет его собственного имущества. Р.С. Бевзенко считает, что механизм удержания титула можно классифицировать как распорядительную сделку, совершенную под условием [3]. Условие заключается в моменте перехода права собственности, которое завязано на исполнение обязательства надлежащим образом должником. Оговорка о сохранении права собственности может иметь обеспечительный эффект лишь в договорах купли-продажи движимого имущества, так как разъединение владения движимой вещью (не оплаченной покупателем) и права собственности на нее и порождает ситуацию кредита: передача одного блага (вещи) состоялась, передача встречного предоставления (цены вещи) — нет; так появляется фигура кредитора [3].

Важным для титульного обеспечения является вопрос, судьбы его предмета при банкротстве должника и кредитора. В соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ о банкротстве) статьей 131 пунктом 1 конкурсную массу должника составляет все его имущество, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в процессе конкурсного производства. Попадает ли в конкурсную массу имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, оформленное оговоркой о сохранении права собственности за продавцом? ФЗ о банкротстве в вышеупомянутой статье содержит регулирование ситуации при наличии у должника имущества, являющегося предметом залога — оно отдельно учитывается и подлежит обязательной оценке. Дискуссионным в теории является вопрос о правовой природе залога, который связан с такими проблемами законодательства о несостоятельности, как включение или невключение имущества, являющегося предметом залога, в конкурсную массу, и порядком удовлетворения требований обеспеченных кредиторов [4]. В виду того, что титульное обеспечение имеет другую сущность, невозможно ориентироваться на регулирование залоговых отношений в банкротном процессе, как минимум по причине того, что передается кредитору

не обеспечительное право, а право собственности, и механизм реализации титульного обеспечения при дефолте должника противопоставляется залоговому регулированию.

Ситуацию с банкротством при удержании титула можно рассмотреть по двум сценариям — при банкротстве кредитора и банкротстве должника.

Так как кредитор является титульным собственником имущества, которое является предметом обеспечительной сделки, то оно попадает в конкурсную массу в соответствии со статьей 131 ФЗ о банкротстве. Имущество находящиеся на балансе у кредитора и владение на которое передано должнику, будет входит в конкурсную массу банкротящегося кредитора. Так как титульное обеспечение не приравнивается к залоговому, не может быть применено по аналогии правило из пункта 2 статьи 131 ФЗ о банкротстве, но самостоятельное регулирование для ситуации сохранения права собственности за продавцом в качестве обеспечения в законе отсутствует.

Для того, чтобы понять, как работает механизм удержания права собственности при банкротстве кредитора, следует проанализировать природу инструмента сохранения права собственности за продавцом. Продавец в случае купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности обладает, в отличие от конструкций передачи титула, полноценным правом собственности. Это означает, что нет оснований не включать имущество, находящиеся в его полноценной собственности в конкурсную массу. А значит, это имущество будет продано на торгах, на вырученные деньги с которого подлежат удовлетворению требования кредиторов, при условии, что управомоченным лицом (конкурсным управляющим) был заявлен отказ от договора купли-продажи и вещь изъята из владения покупателя. В описанной выше ситуации не должно возникнуть затруднений, если должник находится в просрочке (п. 2 328 статьи, статья 491 ГК РФ). В судебной практике подтверждается, что в силу допущенных просрочек платежей, продавцу становится доступно право требовать возврата имущества из владения покупателя. Такое право имеет как продавец имущества, находящийся в процессе банкротства, так и конкурсный управляющий в пределах срока исковой давности [5].

Когда покупатель внес половину установленных договором платежей, а срок для полной оплаты не истек, должен ли конкурсный управляющий принимать исполнение от покупателя? Точного ответа на данный вопрос нет.

Р.С. Бевзенко считает, что с одной стороны продавец-кредитор связан договором купли-продажи до истечения оговоренных в нем сроков. С другой стороны, конкурсный управляющий не может допустить выбытие имущества, тем самым допуская уменьшение конкурсной массы. Наиболее благоприятным решением видится совершить отказ от договора купли-продажи, при этом обращая внимания на следующее: покупателю должно быть возвращено исполненное по сделке. Рассматривая эту ситуацию в отрыве от процедуры банкротства, обоснованы тезисы, что право кредитора на возврат имущества из владения должника считается обязательственным способом защиты. Если покупатель частично оплатил вещь, уплаченное может быть истребовано иском из неоснователь-

ного обогащения [6]. При банкротстве конкурсный управляющий не может проигнорировать данный нюанс, поэтому логичным будет признать за покупателем статус обеспеченного залогового кредитора, со всеми вытекающими последствиями. По мнению Р.С. Бевзенко покупатель до момента возврата уплаченной им ранее суммы, может удерживать вещь по основаниям 359 статьи ГК РФ. Как минимум правомочие владения, и возможность удержания ставит покупателя в равный статус с залоговыми кредиторами. Однако, с точки зрения экономической эффективности, будет правильным дать возможность покупателю выплатить оставшуюся часть цены и получить вещь в собственность, так как конкурсная масса будет наполняться денежными активами, и не понесет возможных убытков при продаже имущества с торгов.

Иное положение усматривает С.В. Сарбаш, считая, что в конкурсную массу попадает не собственность, сохраненная за продавцом, а та самая кауза, которую эта собственность обеспечивает — платежи, которые должен внести покупатель [7]. Судебная практика следует подходу, что условие договора о сохранении права собственности имеет цель прежде всего обеспечить исполнение обязательств покупателя по оплате товара [8]. Тем не менее, удержание титула не отвечает правилу акцессорности следования, что означает, если в договоре не содержится условие, согласно которому при отчуждении права собственности на вещь, являющуюся предметом договора купли-продажи с оговоркой, продавец обязуется передать и иные права и обязанности из заключенного ранее договора, то происходит разрыв в правоотношении — должник будет обязан вносить платежи кредиторам, в чьей собственности вещь уже не находится. А в случае продажи добросовестному приобретателю, должник может и вообще лишиться владения вещью, а также лишиться возможности приобрести эту вещь в собственность по заключенному договору. Таким образом, подход предло-

женный С.В. Сарбашем имеет как плюсы, так и явные минусы для покупателя-должника.

Важным аспектом для анализа оговорки о сохранении права собственности за продавцом является положения судебной практики, согласно которой продавцу предоставляется два возможных способа защиты своих прав: истребовать имущество из владения в соответствии с 491 ГК РФ, или потребовать оплаты товара (пункт 3 статьи 488 ГК РФ). Суд указывает, что это именно возможность выбора способа защиты, который не зависит от момента перехода права собственности на товар [9]. Здесь можно заметить, что суд предполагает диспозитивный характер нормы о сохранении права собственности за продавцом, подчеркивая, что главная его цель — обеспечить оплату товара. Логично предположить, что в процедуре банкротства продавцу по договору, а также и его конкурсному управляющему доступны оба способа защиты имущественного баланса.

Таким образом, отсутствие в законодательстве о банкротстве норм, регулирующих ситуацию с иными видами обеспечения, кроме залога, приводит к формированию судебной практикой собственных подходов к разрешению данных вопросов. Однако количество судебной практики по данной теме крайне ограничено. Кроме того, не нашлось споров, в которых суды указывали на возможность покупателя защитить свои интересы при частичной оплате товара путем предъявления иска из неосновательного обогащения. Тем не менее, исследования на доктринальном уровне стараются дать ответы на проблемные вопросы, при помощи анализа природы способа обеспечения обязательства удержанием титула. Реформирование законодательства о банкротстве с учетом растущей распространенности в обороте титульных способов обеспечения, позволило бы разрешить выявленные затруднения и урегулировать положения кредитора и должника в более стабильные и понятные в доступных им правах и способах защиты.

Литература:

1. Мышьяков С.В. Особенности титульного обеспечения как непоименованного способа обеспечения в российском гражданском праве // Юрист. 2021. N7. С. 43–49.
2. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. 1282 с.
3. Бевзенко Р.С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. No2. С. 9–87.
4. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. Москва: Проспект, 2017. 320 с.
5. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2022 N07АП-10462/2017(67) по делу N A27–7656/2016.
6. Останина Е.А. Зависимость правовых последствий сделки от отлагательного и отменительного условий: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2010. 248 с.
7. Сарбаш С.В. Удержание правового титула кредитором. М.: Статут, 2007. С. 109.
8. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2017 N07АП-5723/2016(3) по делу N A27–16222/2015.
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.05.2006 N15550/05 по делу N A32–3604/2005–50/60.

Вандализм: проблемы квалификации и способы их разрешения

Игнатенко Марина Леонидовна, студент
Научный руководитель: Шапель Анастасия Игоревна, старший преподаватель
Тюменский государственный университет

Квалификация преступлений имеет высокое практическое значение. Решение вопросов, связанных с применением уголовно-правовых, криминалистических, уголовно-процессуальных норм, а также осуществление оперативно-розыскных мероприятий во многом зависит от точности квалификации общественно-опасных деяний. В процессе соотношения признаков составов преступлений, правоприменители нередко сталкиваются со сложностями и неопределенностями. В рамках анализа существующих положений законодательства и правоприменительной практики были выявлены проблемы и особенности квалификации вандализма, а также предложены их пути решения.

Ключевые слова: вандализм, цифровой вандализм, общественная опасность, предварительный сговор.

Vandalism: problems qualifications and ways to solve them

The qualification of crimes is of high practical importance. The solution of issues related to the application of criminal law, criminalistic, criminal procedural norms, as well as the implementation of operational and investigative measures, largely depends on the accuracy of qualification of socially dangerous acts. In the process of correlation of signs of corpus delicti of crimes, law enforcers often face difficulties and uncertainties. In the framework of the analysis of existing provisions of legislation and law enforcement practice the problems and peculiarities of qualification of vandalism have been identified and their solutions have been proposed.

Keywords: vandalism, digital vandalism, public danger, pre-conspiracy.

Актуальность рассматриваемого в настоящей работе вопроса обуславливается тем, что вандализм носит latentный характер, но при этом несет в себе серьезную общественную опасность. Поскольку значительная часть актов вандализма совершается в условиях неочевидности, что затрудняет их раскрытие, официальная статистика может не отражать действительную картину о состоянии преступности. В рамках настоящего исследования были рассмотрены статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Количественный срез о лицах, осужденных по ст. 214 УК РФ, за последние несколько лет представлен следующими цифрами: за 2017 год — 435 лиц, за 2018 год — 466 лиц, за 2019 год — 530 лиц, за 2020 год — 586 лиц, за 2021 год — 631 лиц, за 2022 год — 336 лиц, за первое полугодие 2023 года — 308 лиц [11].

Опираясь на вышеизложенные данные, можно сделать вывод о небольшом проценте доведения дел о совершении вандализма до судебной стадии. Основная причина этого кроется в вопросе квалификации данного деяния, проблемы которого связаны с толкованием элементов состава данного преступления, как в доктрине права, так и на практике.

Современное понятие вандализма, закрепленное в ст. 214 УК РФ, определяется как осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах [13].

Стоит отметить, что понятие «осквернение» никак не определено в законодательстве. По этой причине данный термин представляет собой оценочную категорию, толкование которой может быть вариативным. Несмотря на это, в правовой доктрине сформировалась следующая позиция относительно фор-

мулировки данного термина: осквернение представляют собой различные волевые поступки, результатом которых является глумление, обезображивание над внешним и внутренним обликом зданий сооружений и иных культурно-ценностных объектов путем нанесения письменных, графических и других изображений порочащего содержания [1]. Важным признаком осквернения является публичный характер воздействия — результаты данного деяния представлены на обозрения широкого круга лиц.

Другим неурегулированным понятием является «общественное место». В ст. 20.20 КоАП РФ под общественными местами понимаются улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования, однако названный перечень не является исчерпывающим. Таким образом, в каждой конкретной ситуации необходимо точно устанавливать является ли место общественным или нет. Такое определение имеет важное значение, поскольку для квалификации преступления как вандализма необходимо их совершение именно в общественном месте.

Таким образом, первым шагом по урегулированию противоречий в квалификации вандализма, как представляется автору, является внесение в законодательство поправок, связанных с уточнением и конкретизацией понятий «осквернение» и «общественное место». Данные меры позволят в более точной степени относить те или иные деяния к актам вандализма

Особое внимание следует уделить новому виду вандализма, а именно — «цифровому вандализму». В частности, многие исследователи утверждают, что действия, совершаемые в Интернете, обладают существенным потенциалом по созданию высокого эмоционального и вербального отражения в цифровой

среде, особенно негативного. Так, О.В. Кружкова и И.В. Воробьева в своих исследованиях приводят систему диффузии вандажных актов, описанную в контексте «реальность — виртуальность — реальность», в разных условиях среды. Они приводят в пример социальные сообщества в социальных сетях, в которых репрезентация вандализма, встречающегося в информационном контенте, сопровождается соответствующей реакцией на его размещение в виде лайков/дизлайков, репостов, комментариев, блокировок определенного вида контента. Одним из последствий, вытекающих в результате описанного явления, становится распространение среди большого количества людей примеров проявления вандализма. В некоторых случаях это приводит к эффекту массовой поляризации и скоплению множества ярко позитивных реакций, формирующих в сознании людей положительное отношение к актам вандализма [7].

Помимо этого, исследователи отдельно выделяют компьютерный вандализм. Под ним понимают деяния, направленные на распространение компьютерных вирусов с целью порчи или удаления информационных данных с персональных компьютеров и иных устройств. Компьютерный вандализм подразделяется на следующие виды — программный и аппаратный. При первом из перечисленных видов целями преступников могут являться уничтожение информации, находящейся на цифровом устройстве, вывод из строя операционных систем, а также других программ. Для этого лицо, совершающее данное преступление проникает в цифровое оборудование других лиц и совершает перечисленные действия с помощью специальных приложений. Целью аппаратного вандализма является прямое уничтожение компьютеров и других аппаратных систем. Преступники могут делать это как помощью активных действий, например, ударами или выстрелами, так и прибегая к методам, косвенно способствующим разрушению, например, при поджоге или затоплении помещений, создании электромагнитного импульса [2].

К объектам кибервандализма относятся компьютеры, информационные системы, базы данных и сайты. Намерения преступников могут связаны с нанесением вреда коммерческому сектору, государственным структурам, а также отдельным лицам. К самым серьезным проблемам, которые возникают в результате совершения данного вида преступлений, относятся вскрытие и утечка конфиденциальной информации, принадлежащей собственникам цифровых устройств.

О распространении кибервандализма свидетельствуют следующие статистические факты:

По данным, представленными IBM Security, в 2020 году произошел количественный рост кибератак на тридцать три процента по сравнению с предыдущим годом [3]. Кроме этого, материальные последствия кибервандализма для коммерческого сектора в 2021 году выражались нанесении ущерба в размере полутора миллиона долларов США.

Как указывает компания Positive Technologies в РФ в 2022 году произошел рост количества кибератак на 47% в сравнении с предыдущим годом. Так, согласно отчету Центра сбора данных наблюдений, за 2022 год компании из энергетического, транспортного финансового секторов были наи-

более подвержены кибервандализму [4]. Особую угрозу несут специализированные программы, способствующие осуществлению фишинга и распространению компьютерных вирусов, как сообщала в 2022 году компания Group-IB [5]. Доля использования указанных средств при совершении актов кибервандализма составила восемьдесят семь процентов от общего количества.

Помимо этого, в РФ были зафиксированы происшествия по созданию фейковых новостных источников, блокировка крупных сайтов либо распространения на них негативного контента, что также относится к цифровому вандализму. В частности, порталом «Засекреченные файлы» [6], деятельность которого связана со сбором, аналитикой и хранением информации о произошедших кибератаках были представлены данные о совершении в 2023 году более 400 эпизодов незаконного проникновения в телевизионные эфиры, что в результате вызывало широкие общественные возмущения и повлекло общественную опасность.

В целях борьбы подобными явлениями в РФ существуют определенные структуры по противодействию цифровому вандализму, например, Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам [8], являющийся подразделением Федеральной службы безопасности РФ. Кроме этого, продолжается усовершенствование законодательства в области киберпреступлений. Однако по-прежнему остается ряд нерешенных вопросов, связанных с квалификацией данного вида деяний. Для решения этой проблемы необходимо разработать легальное толкование таких определений как «кибератака», «кибервандализм», «хакер» и ряда других понятий.

Другим неурегулированным аспектом рассматриваемого в настоящей работе состава преступления является отсутствие в нем такого важного квалифицирующего отягчающего обстоятельства как его совершение группой лиц по предварительному сговору.

Отягчающие признаки вандализма перечислены в ч. 2 ст. 214 УК РФ. Исходя из содержания ч. 2 ст. 214 УК РФ к отягчающим признакам вандализма относится совершение данного деяния группой лиц по мотивам экстремистской направленности. При этом вандализм нередко совершается группой лиц по предварительному сговору, из-за чего в разы возрастает общественная опасность совершаемого публичного акта, поскольку происходит увеличение количественных действий, входящих в предмет объективной стороны данного состава преступления [14].

Судебная практика не содержит приговоров, в которых лица привлекаются к вандализму, совершенному группой лиц по предварительному сговору. Групповые акты вандализма рассматриваются судами рассматриваются судами как вандализм без предварительного сговора. При этом реальные обстоятельства рассмотренных автором дел говорят о наличии данного признака в действиях преступников. В частности, в одном из приговоров Вахитовского районного суда г. Казани, виновные лица прямо указывали на то, что их намерения по осквернению зданий были обговорены заблаговременно (следует из показаний Шагиева — одного из осужденных по данному делу) [9]. Вместе с тем, действия осужденных не были квалифицированы

без применения п. «в» 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору).

Аналогичные решения принимают и другие суды. Судебная практика складывается по такому пути, поскольку Верховный Суд РФ высказался против использования указанного квалифицирующего признака. Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» применение отягчающего обстоятельства «группа лиц по предварительному сговору» возможно в том случае, если преступная деятельность осуществлялась организованной группой. Несмотря на то, что данное положение относится к ст. 210 УК РФ, суды используют его, в том числе, и по другим категориям дел.

Неиспользование указанного отягчающего квалифицирующего признака приводит к нарушению баланса справедливости при оценке тех или иных актов вандализма. Некоторые ученые в своих исследованиях предлагают применять аналогию закона в рассматриваемых правоотношениях [12]. Однако данный способ недопустим, поскольку использование аналогии закона

в уголовных нормах может привести к нарушению принципа законности, а не устранению правовых коллизий [10].

Решением описанной проблемы, по мнению автора, видится возможным путем изменения порядка уголовно-правовой оценки вандализма, совершенного группой лиц, действия которых были обговорены заранее. Возможны несколько вариантов квалификации деяний данного вида. Первый — применение п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ в случае, если совершенный акт вандализма рассматривается по ч. 2 ст. 214 УК РФ. Закрепить использование данного метода можно путем принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ. Второй — прямое включение указанного отягчающего квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 214 УК РФ.

Таким образом, изложенные в настоящей работе неопределенности при рассмотрении и разрешении правоохранными органами актов вандализма позволяют сделать вывод о несовершенстве законодательства. Введение в УК РФ новых понятий и правовых механизмов позволяют наиболее точным образом квалифицировать вандализм в любых его проявлениях

Литература:

1. Болдырева М. Л., Степанюк А. В. Проблемы уголовно-правовой оценки осквернения как признака вандализма // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5–6. С. 12–14.
2. Оболенская А. Г. Кибервандализм как полифакторный феномен подростковой девиации. Профессионализм учителя как условие качества образования: Ч. 2. / А. Г. Оболенская; О. А. Блинова; Р. Ю. Порозов; Д. В. Руденкин / Сборник научных трудов IY Международного форума по педагогическому образованию и региональной конференции ISSAT: Ч. 2. Казань: Отечество, 2018. С. 400.
3. Официальный сайт IBM Security // URL: <https://www.ibm.com/security> (дата обращения 14.04.2024)
4. Официальный сайт Центр сбора данных наблюдений // URL: <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/302564/> (дата обращения 14.04.2024)
5. Официальный сайт Group-IB // URL: <https://www.group-ib.com/> (дата обращения 14.04.2024)
6. Официальный портал проекта «Засекреченные файлы» // URL: <https://secretfiles.fandom.com/ru/wiki> (дата обращения 14.04.2024)
7. Кружкова О. В., Воробьева И. В. Репрезентация и диффузия вандальной активности: из реальности в интернет и обратно // Молодежь в меняющемся мире: траектории самоопределения в глобальной современности: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. Л. А. Беляева, отв. ред. Н. А. Симбирцева. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2019. С. 87–93.
8. Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам: ежегодный отчет // URL: <https://cert.gov.ru/> (дата обращения 14.04.2024)
9. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 16 октября 2017 г. // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/467098.html> (дата обращения: 01.05.2024).
10. Романов А. К. Почему недопустима аналогия закона в уголовном праве // Законность. 2011. № 5. С. 43–47.
11. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 04.05.2024)
12. Теория государства и права: учебник / под ред. В. Д. Первалова. // М.: Юрайт. 2019. С. 198.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г.: по состоянию на 30.12.2023 // Собрание законодательства Российской Федерации — 1996. — № 25. — Ст. 1954.
14. Шеслер А. В., Беларева О. А. Вандализм, совершенный группой лиц // Lex russica (Русский закон). 2017. № 8. С. 112–118.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 20 (519) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 29.05.2024. Дата выхода в свет: 05.06.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.